Л. А. Чарская. — ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ

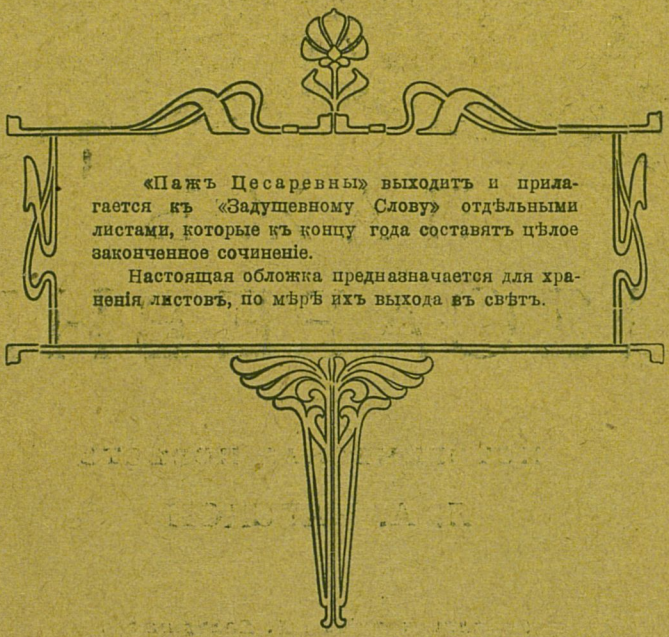
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ иллюстраціями А. Бальдингера

Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ
Спб. Москва

Приложеніе къ журналу «Задушевное Слово» для старшаго возраста.



«Пажъ Цесаревны» выходитъ и прилагается къ «Задушевному Слову» отдѣльными листами, которые къ концу года составятъ цѣлое законченное сочиненіе.

Настоящая обложка предназначается для храненія листовъ, по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

НАПОЛЕОНЪ

Жизнь и дѣянія великаго «завоевателя Европы» передаются въ этой книгѣ въ видѣ живого, интереснаго, общедоступнаго, но, тѣмъ не менѣе, научнаго историческаго разсказа, который знакомитъ съ личностью Наполеона съ первыхъ дней его дѣтства и до самой кончины. Передъ читателемъ шагъ за шагомъ проходитъ Наполеонъ — ученикъ военной школы, Наполеонъ — бѣдный офицеръ, Наполеонъ — приобѣвшійся генералъ, знаменитый полководецъ, императоръ и, наконецъ, дважды плѣнникъ на отдаленныхъ островахъ... Самое большое вниманіе удѣлено, конечно, Наполеону, какъ великому полководцу. Авторъ не ограничивается, однако, описаніемъ однихъ только военныхъ дѣйствій и подвиговъ Наполеона, но старается выяснить и обаяніе личности великаго корсиканца, даетъ подробную характеристику Наполеона, обрисовываетъ политическое положеніе Европы въ Наполеоновскую эпоху, разсказываетъ обо всѣхъ помощникахъ героя, созданныхъ имъ «королях», «принцахъ», «генералахъ» и т. п.

Текстъ богато иллюстрируютъ портреты какъ самого Наполеона, такъ и всѣхъ дѣятелей его эпохи, снимки съ картинъ, изображающихъ сраженія и другіе историческіе эпизоды, копіи съ гравюръ и пр. и пр. Въ общемъ, эти иллюстраціи уже сами по себѣ представляютъ наглядную исторію Наполеона и его эпохи.

Какъ по содержанію, такъ и по изложенію, настоящая исторія Наполеона представляетъ одинаковый интересъ какъ для юношества, такъ и для взрослыхъ читателей, а по своей изящной внѣшности можетъ служить цѣннымъ подаркомъ для всѣхъ, кто интересуется исторіею или кого желательно заинтересовать ею.

ИСТОРІЯ
ВЕЛИКАГО ПОЛКОВОДЦА

СОСТАВИЛЪ
Н. Д. НОСКОВЪ

СЪ РИСУНКАМИ, ПОРТРЕТАМИ, СНИМКАМИ СЪ КАРТИНЪ, ГРАВЮРЪ И ПР. И ПР.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Большой томъ, отпечатанный на слоновой бумагѣ . . . . . 4 руб.
Въ богатомъ коленкор. тиснен. золотомъ и краской по рисунку худ. Гутеро переплетъ . . . . . 5 руб.

СОЧИНЕНІЯ Л. А. ЧАРСКОЙ

ИЗДАННЫЯ Т-ОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ. Повѣсть для юношества. Съ 83 иллюстр. **А. И. Сударушкина.** 6 нен.+286 стран. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

КНЯЖНА ДЖАВАХА. Повѣсть для юношества. Съ 80 иллюстр. **В. А. Табурина и А. И. Сударушкина.** 8 нен.+336 стран. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ. Повѣсть для юношества. Съ 119 иллюстр. **В. А. Табурина и П. С. Захарова.** 8 нен.+447 стран. Ц. въ колен. перепл. 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества. Съ иллюстраціями **И. В. Симакова.** Ц. въ колен. перепл. 3 р.

ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ. Съ иллюстраціями. Помѣщена въ «Задуш. Словѣ» въ 1907 г. Ц. годового комплекта въ коленк. пер 5 р. 25 к.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юношества, въ 3 частяхъ. Съ илл. **З. Шапиро.** Помѣщ. въ «Зад. Словѣ» для старш. возр. за 1908 годъ.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей. Съ 14 иллюстр. художн. **В. А. Табурина и И. В. Симакова.** 4 нен.+190+11 стран.+10 отд. картинъ. Ц. въ коленк. перепл. 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями **И. В. Симакова.** Помѣщена въ журналѣ «Задушевное Слово» для дѣтей младшаго возраста за 1906 г. Ц. годового комплета въ колен. перепл. 5 р. 25 к.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ. Повѣсть для дѣтей. Съ 12 иллюстр. **Э. К. Соколовскаго.** 8 нен.+138+11 стран.+12 отд. картинъ. Ц. въ колен. перепл. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями **А. Бальдингера.** Помѣщена въ «Задуш. Словѣ» въ 1907 г. Цѣна годового комплекта въ колен. перепл. 5 р 25 к.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ. Повѣсть для дѣтей. Съ 10 оригин. отд. картинами художника **Э. К. Соколовскаго.** 4 нен.+135 стран.+10 картинъ. Ц. въ коленк. перепл. 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями **И. В. Симакова.** Въ коленк. перепл. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей. Помѣщена въ «Задуш. Словѣ» для младш. возр. за 1908 г.

ЧЕТЫРЕ ВИКА. Повѣсть для дѣтей., въ 4-хъ частяхъ. Съ многочисленными иллюстраціями. Готовится къ печати.

ГАЗАВАТЪ. **Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу.** Историческая повѣсть. Съ 10 оригин. иллюстр. **У. І. Смукровича** и 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ **проф. Горшельта, проф. Грузинскаго, Тимма** и др. русск. художниковъ. 4 нен.+II+310+II стран.+20 отд. картинъ. Ц. въ коленк. перепл. 3 р. 50 к.

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Историческая повѣсть для юношества. Съ иллюстр. худ. **В. А. Полякова** и др. Помѣщена въ журналѣ «Задушевное Слово» для дѣтей старшаго возраста за 1905 г. Ц. годового комплекта въ коленк. перепл. 5 р. 25 коп.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть изъ временъ императрицы Елизаветы Петровны. Съ иллюстраціями **А. Бальдингера.** Готовится къ печати.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. 259 стран. Ц. 1 р.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Разсказъ для юношества, съ 8 рис. **В. Полякова.** Ц. 45 коп.

СѢРЫЙ ДОМЪ. Разсказъ для юношества. Съ иллюстраціями **З. Соколовскаго.** Готовится къ печати.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ раскрашенными картинками и рисунками въ текстѣ. 20 стран.+4 акварели. Ц. въ хромо-литограф. папочн. перепл. 90 коп.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 57 рисунками. 8 нен.+48 стран. Ц. въ перепл. 30 коп.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ изъ жизни маленькихъ котащекъ. Съ раскр. рис. **А. Гекера.**

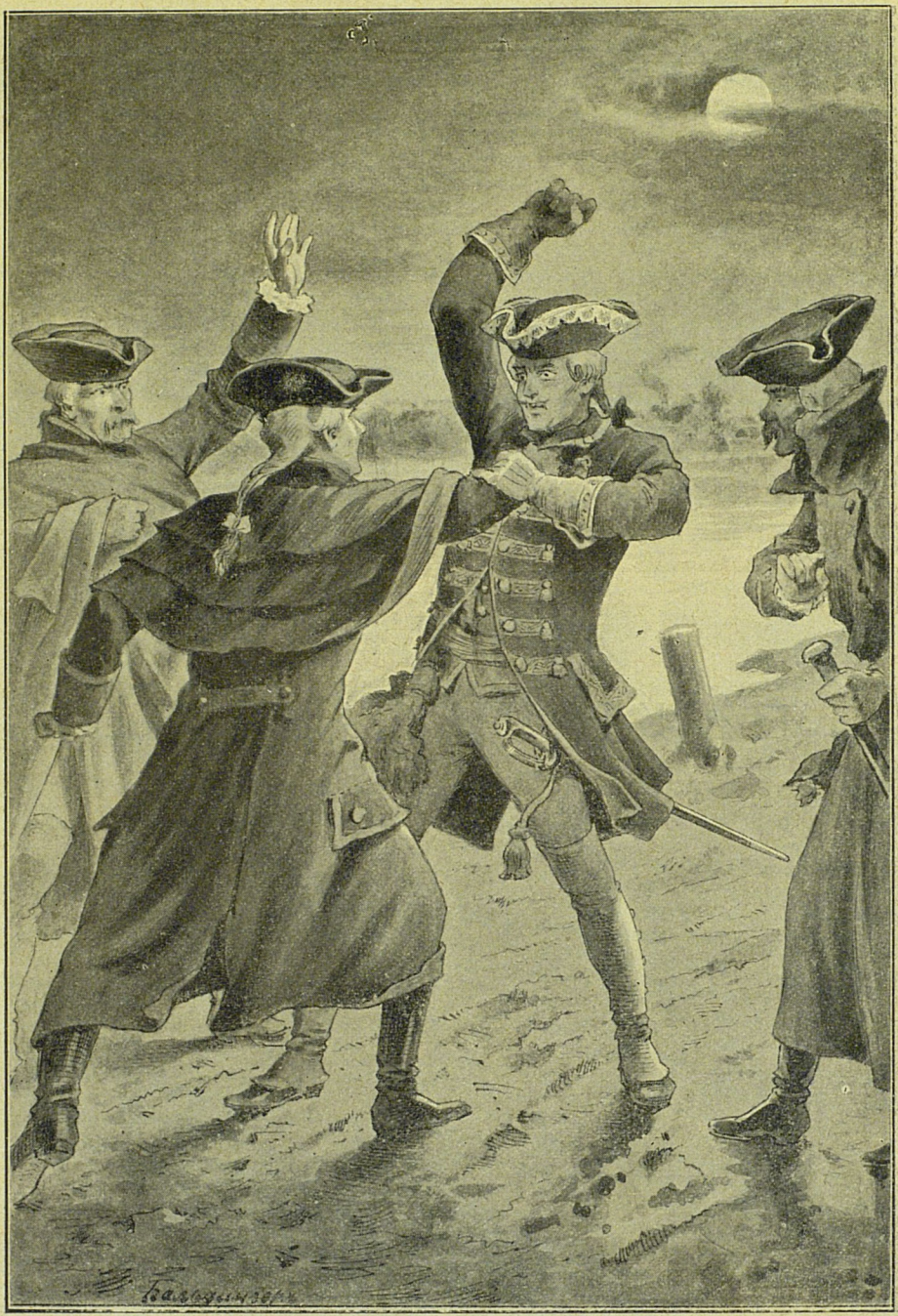
СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ. Съ иллюстраціями **Вл. Мальчикова, З. А. Шапиро, Бальцера** и др.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб. Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

Л. А. ЧАРСКАЯ

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ

Вып. I.



Къ главѣ I.

Юный офицеръ оттолкнулъ незнакомцевъ...

ПАЖЪ
ЦЕСАРЕВНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ иллюстраціями А. Бальдингера

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Пбургъ • Москва •

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С-Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

«Слово и дѣло».

СТОЙ! Ни шагу дальше! — прозвучалъ громкій окрикъ въ темнотѣ сентябрьской ночи.

И трое людей, одѣтыхъ во все черное, въ нахлобученныхъ на голову, черныхъ треуголкахъ, выскочивъ изъ-за угла улицы, загородили дорогу одиноко шагавшему позднею ночью молодому офицеру.

Нападеніе было совершено столь внезапно, что офицеръ не успѣлъ даже выхватить шпаги. Трое неизвѣстныхъ бросились къ нему съ двухъ сторонъ. Одинъ крѣпко схватилъ его за грудь, двое другихъ — за руки.

— Что вамъ отъ меня надо? И кто вы такіе? — громко спросилъ офицеръ, пытаясь освободиться. Въ его голосѣ слышалось негодованіе и гнѣвъ.

— Кто мы и зачѣмъ остановили тебя, ты узнаешь послѣ, а пока ни съ мѣста дальше! — былъ короткій, рѣзкій отвѣтъ.

Трое неизвѣстныхъ крѣпко держали молодого офицера, тщетно старавшагося вырваться изъ ихъ крѣпкихъ рукъ. Мрачные глаза незнакомцевъ сверкали на офицера далеко недружелюбнымъ огнемъ.

Однако, офицеръ не растерялся. Неожиданное появленіе незнакомыхъ людей, очевидно, скорѣе изумило, нежели испугало его. При блѣдномъ сіяніи мѣсяца красивое, открытое лицо молодого человѣка поражало своимъ благороднымъ спокойствіемъ.

— Что же вамъ, однако, отъ меня нужно?—повторилъ онъ свой вопросъ прежнимъ, спокойнымъ голосомъ.

Вмѣсто отвѣта одинъ изъ незнакомцевъ произнесъ повелительнымъ голосомъ:

— Довольно разговаривать!.. Ступай за нами!

— Но, позвольте, однако!—уже значительно, въ свою очередь, повысивъ голосъ, произнесъ офицеръ,—тутъ кроется какое-то недоразумѣніе. Вы принимаете меня, очевидно, за кого-то другого. Я—поручикъ гвардіи Семеновскаго Ея Величества полка, Юрій Долинскій, возвращаюсь съ товарищеской вечеринки и спѣшу домой...

— Вотъ именно тебя-то намъ и надо, голубчикъ! — воскликнулъ одинъ изъ закутанныхъ плащомъ людей.—Да ты и самъ это прекрасно знаешь и прикидываешься только непонимающимъ! Насъ не проведешь!

— Да что тутъ долго разговаривать,—прибавилъ второй.—Вотъ что: «слово и дѣло!» Мы арестуемъ тебя!

— Слово и дѣло!—повторили остальные.

Молодой гвардеецъ вздрогнулъ. Лицо его покрылось смертельной блѣдностью. Фраза «слово и дѣло», произнесенная незнакомцами, точно молотомъ ударила его по сердцу. И не безъ причины.

Молодой гвардеецъ хорошо зналъ, что выраженіе «слово и дѣло» въ тѣ тяжелыя времена (это происходило въ началѣ царствованія императрицы Анны Іоанновны) имѣло совершенно особое значеніе. Разъ къ кому обращались съ подобнымъ выраженіемъ, это оз-

начало, что тотъ уличенъ, или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣнъ либо въ тяжеломъ государственномъ преступленіи, либо въ какомъ-нибудь неодобрительномъ отзывѣ объ императрицѣ или ея правительствѣ,—и за это виновнаго ожидала пытка и смертная казнь. Зналъ также молодой гвардеецъ, что не только по всему Петербургу, но и по всей Россіи сновали доносчики, усердно шпіонившіе за народомъ и доносившіе о каждомъ неосторожно сказанномъ словѣ. Не рѣдко бывали случаи, что они оговаривали совершенно невинныхъ людей просто изъ личной злобы или ради денежной награды, которую щедро выдавала за каждый доносъ такъ называемая «тайная канцелярія»—гроза и ужасъ всего населенія. Достаточно было доносчикамъ произнести роковое «слово и дѣло», чтобы людей тащили къ допросу, на пытку, на казнь.

Поэтому, когда незнакомцы въ плащахъ произнесли страшную фразу, молодой гвардеецъ тотчасъ же понялъ весь ужасъ своего положенія.

Онъ безпокойно оглянулся.

Кругомъ было тихо и безлюдно. Ни шелеста, ни звука... Только гдѣ-то по близости плескали темныя воды Фонтанной рѣчки, одной изъ многихъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ молодую еще тогда столицу Санктъ-Петербургъ... Тамъ, за этой рѣкой, пройдя темный переулокъ, находился его домикъ...

Въ головѣ молодого поручика блеснула мгновенная мысль: вырваться изъ рукъ предателей, добѣжать до своего дома, предупредить близкихъ о случившемся, а можетъ быть, если удастся, и скрыться совсѣмъ, спастись...

Да! Спастись во что бы то ни стало. Непремѣнно спастись! Вѣдь у него жена, ребенокъ... Ему надо жить для нихъ... И не только для нихъ, нѣтъ: для Россіи онъ долженъ жить, для бѣдной, дорогой родины, залитой слезами и кровью...

И съ этой смѣлою мыслью юный офицеръ сильнымъ ударомъ кулака свалилъ на землю одного изъ незнакомцевъ, все еще державшаго его за грудь, оттолкнулъ другого, отбросилъ третьяго и, размахивая добытою изъ ноженъ шпагою, со всѣхъ ногъ кинулся бѣжать.

Крики злобы и испуга и бѣшеныя проклятія понеслись ему вдогонку.

— Держи! Лови преступника! — гремѣло слѣдомъ за нимъ въ осеннемъ ночномъ воздухѣ, и вскорѣ три пары ногъ гулко застучали о придорожные камни, устремляясь въ погонѣ за бѣглецомъ. Но кругомъ было пусто и никто не прибѣжалъ на помощь преслѣдователямъ. Молодой офицеръ, между тѣмъ, не медлилъ. Онъ перескочилъ ровъ, перелѣзъ черезъ плетень и бѣжалъ, бѣжалъ, не переводя духъ, не останавливаясь ни на минуту, едва касаясь ногами земли.

Отчаяніе придало ему силы, страхъ — скорость ногамъ. Его преслѣдователи остались далеко позади и, наконецъ, потеряли его слѣдъ. По крайней мѣрѣ, ихъ бѣшеные крики долетали теперь глуше до его болѣзненно-напряженнаго слуха.

Добѣжавъ до небольшого домика, въ темномъ, пустынномъ переулкѣ, молодой офицеръ изо всей силы толкнулъ калитку, незамѣтно вдѣланную въ заборѣ, и очутился на крошечномъ дворѣ. Затворивъ наскоро ворота плотнымъ засовомъ, едва переводя дыханіе, онъ вбѣжалъ на крыльцо.

ГЛАВА II.

На вѣчную разлуку.

КАКУЮ ты мнѣ сказочку разскажешь сегодня, матушка?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ маленькимъ шестилѣтнимъ человѣчкомъ сидѣвшей съ нимъ рядомъ молодой, худенькой, красивой женщинѣ.

Женщина эта казалась нездоровой. На блѣдномъ лицѣ ея играли два предательскія пятна румянца. Огромные глаза казались черными отъ усиленнаго блеска, игравшаго въ нихъ.

Маленькій человѣчекъ былъ очень похожъ на его мать, только бѣлыя пухлыя щечки его были покрыты здоровымъ, свѣжимъ румянцемъ, а темные глаза горѣли мягкимъ, радостнымъ, дѣтскимъ огонькомъ.

Молодая женщина любовно погладила кудрявую головенку сынишки и спросила ласково:

— Какую-же сказку разсказать тебѣ, Андрюша?

— Ахъ, матушка, — радостно залепеталъ ребенокъ, — ту, старую, знаешь? Про красавицу царь-дѣвицу, которую злые великаны-люди прогнали далеко, далеко съ ея родины и не пускаютъ вернуться въ царскій дворецъ ея отца...

— Да вѣдь ты уже знаешь эту сказку, мой миленькій, — съ улыбкою отвѣтила молодая женщина.

— Ахъ, я ее радъ слушать сто разъ! — восторженно вскричалъ малютка, — и знаешь, мама, я такъ хорошо ее

помню, что стоитъ мнѣ закрыть глаза, и я вижу милую, ласковую царь-дѣвицу, и мнѣ кажется, что она говоритъ мнѣ: «ахъ, какъ мнѣ скучно, Андрюша, вдалекѣ отъ родимой стороны! Какъ мнѣ хочется вернуться туда, а злые великаны меня не пускаютъ!..» Какъ все это странно, матушка: сказка и вдругъ точно взаправдашняя царь-дѣвица является ко мнѣ!

— Сказка-то эта — быль, мой милый, — печально проговорила молодая женщина. — Когда подрастешь немного, поймешь все, а пока слушай... Надо торопиться. Уже девятый часъ. Скоро вернется отецъ, будемъ ужинать и мой мальчикъ пойдетъ бай-бай, на боковую...

— И опять увидитъ царь-дѣвицу во снѣ, не правда-ли, матушка? — радостно вскричалъ, сіяя глазенками, Андрюша.

— Да, да, моя радость. А теперь слушай. Жилъ-былъ на свѣтѣ ласковый и мудрый царь. Онъ страшно любилъ свое царство и старался его сдѣлать могучей и сильной страной. Хотѣлъ онъ, чтобы на родинѣ его были корабли и пушки, какъ и въ другихъ странахъ, и для этого отправлялся самъ въ чужія земли и, подъ видомъ простого плотника, изучалъ у иноземныхъ мастеровъ какъ строить суда, какъ лить пушки. Чтобы расширить торговлю и сдѣлать свою родину образованною страною, онъ завоевалъ сосѣднія страны, которыя закрывали ему доступъ въ другія государства. Славное тогда было время для его страны. Когда мудрый царь умеръ, его жена, царица, продолжала дѣло своего покойнаго мужа. Но она недолго прожила послѣ него и передала царство своему внуку...

— Котораго звали Петромъ и который былъ маленькій мальчикъ, въ родѣ меня, — прервалъ мать Андрюша.

— Нѣтъ, онъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ былъ старше тебя. Но и юный Петръ недолго царствовалъ. Послѣ

его смерти престолъ долженъ былъ перейти къ красавицѣ царь-дѣвицѣ, дочери мудраго царя, но злые люди...

— Великаны, матушка?

— Да, да, злые великаны не дали ей царствовать. И бѣдная царевна, дочь мудраго царя, ушла за дремучіе лѣса, за широкія рѣки и, скрывшись въ одномъ селѣ, зажила тамъ съ добрыми, полюбившими ее крестьянами...

Неожиданный стукъ въ дверь внезапно прервалъ разсказъ на полусловѣ.

— А вотъ и отецъ вернулся! — вскричала молодая женщина и съ легкостью дѣвочки, вскочивъ со стула, бросилась къ дверямъ.

— Наконецъ-то, Юрій! — радостно произнесла она, устремляясь навстрѣчу вошедшаго мужчины и вдругъ съ громкимъ крикомъ испуга отступила назадъ.

Лицо молодого офицера было смертельно блѣдно. Глаза тихо блуждали. Его гвардейскій мундиръ былъ разорванъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Спасайся, Наташа! — произнесъ онъ глухимъ голосомъ. — Спасайся, пока не поздно, и спаси нашего сына!.. Меня арестуютъ агенты тайной канцеляріи...

— Великій Боже! За что! Что ты сдѣлалъ, Юрій? — смертельно блѣднѣя и всплеснувъ руками, вскричала женщина.

— За что? И ты еще спрашиваешь? Да развѣ что-либо дѣлается теперь по праву? Развѣ душегубы нѣмцы не придираются къ каждому случаю, чтобы пить нашу русскую кровь?.. Я сидѣлъ на вечеринкѣ Буланина... Мы дружески разговаривали... Вспоминали лучшія времена, покойнаго государя, Великаго Петра, матушку Екатерину и юнаго императора... Какъ ни тяжело было при послѣднемъ, а все же дышалось легче. Про царевну Елизавету говорили тоже... про ея друга Шубина... И я говорилъ... А тамъ вѣроятно по бли-

зости присутствовалъ одинъ изъ шпіоновъ оберъ-гофмейстера... На улицѣ уже меня догнали... Хотѣли арестовать... Я бѣжалъ... предупредить тебя хотѣлъ, Наташа... Думалъ спастись, уйти вмѣстѣ съ вами... но нѣтъ, нельзя... все равно накроютъ... Васъ подведу только... Вамъ бы лишь уйти... А то розыскъ, пытки... Тебя пытать будутъ... Не допущу этого, родная ты моя! Не допущу!

И молодой офицеръ въ смертельномъ ужасѣ обхватилъ руками жену и сына.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! И я за тобою! На пытку, на розыскъ! На самую смерть!—пылко вскричала молодая женщина, бросившись на грудь мужа.

Она трепетала всѣмъ тѣломъ. Обильныя слезы текли по ея лицу. Она прижалась къ широкой, могучей груди Долинскаго и судорожно билась на ней.

Андрюша, видя эту сцену, съ громкимъ плачемъ бросился къ родителямъ, не понимая, въ чемъ дѣло,— о чемъ тоскуетъ матушка и отецъ.

— Что будетъ съ нимъ, если насъ запытаютъ, замучаютъ обоихъ?—взволнованнымъ голосомъ произнесъ Долинскій.—Нѣтъ, нѣтъ!—добавилъ онъ твердо и, отстранивъ отъ себя жену, пристально заглянулъ ей въ глаза и заговорилъ почти спокойно:—Ты слаба и нѣжна, Наташа. Я силенъ и крѣпокъ. Чего не сможешь вынести ты, болѣзненная и хрупкая женщина, то буду въ состояніи вынести я. Кто знаетъ, можетъ быть дѣло обойдется простымъ допросомъ. А ты... ты... ты возьмешь Андрюшу, голубка, и сейчасъ же выберешься отсюда, чтобы злодѣи не нашли тебя здѣсь... Съ первой же возможностью ты уѣдешь изъ Петербурга въ Москву... Оттуда въ слободу Покровскую. Въ Покровской слободѣ, при дворѣ цесаревны, живетъ нашъ другъ Шубинъ, Андрюшинъ крестный. Къ нему-то и обратись за помощью. Пусть упроситъ, умолитъ царевну о ея вы-

сокомъ покровительствѣ Андрюшѣ и тебѣ... Живите тамъ съ Богомъ... а какъ услышите, что выпустили меня, пріѣзжайте не медля назадъ... А теперь... собирайся, во имя Бога, Наташа, пока не поздно... Нельзя терять ни минуты... Ради сына ты должна беречь себя, должна скрыться... Вѣдь злодѣи не ограничатся однимъ моимъ арестомъ. Они притянутъ къ розыску и тебя!.. Торопи...

Долинскій не кончилъ. Громкій ударъ въ ворота прервалъ его рѣчь. Наталья Дмитріевна тихо вскрикнула и повисла на шеѣ мужа. Андрюша съ плачемъ бросился къ отцу.

Такъ длилась секунда, другая... Потомъ молодая женщина разомъ отпрянула отъ любимаго человѣка. Смертельно блѣдное лицо ея приняло выраженіе рѣшимости. Глаза вспыхнули недобрымъ огнемъ.

— Слушай, Юрій, жизнь моя! — произнесла она звенящимъ голосомъ, — если намъ суждено увидѣться, я буду самой счастливой женщиной въ мірѣ, но если... если, не дай Богъ, случится что-либо, нашъ сынъ, нашъ Андрюша вырастетъ такимъ же честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, какъ и его отецъ! Клянусь тебѣ въ томъ!...

И, осѣнивъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ мужа, она поцѣловала его долгимъ прощальнымъ поцѣлуемъ, потомъ кинулась во внутреннія комнаты и, стараясь не производить шума и не будить прислуги, быстро отыскала нужное теплое платье себѣ и сыну.

Въ одну минуту Андрюша былъ одѣтъ, укутанъ, какъ въ дальнюю дорогу. Его мать накинула на себя теплый платокъ и кофту служанки, въ которой было трудно узнать изящную, благородную жену гвардейца.

Надо было спѣшить. Каждое лишнее промедленіе несло гибель. Стукъ въ ворота усиливался съ каждой минутой. Слышно было, что стучало не двое и не трое

людей, а цѣлая толпа ломилась въ крошечный дворикъ Долинскихъ.

— Прощай, Наташа! Прощай, моя радость! Господь съ тобою. Береги себя! — прошепталъ глубоко потрясенный молодой офицеръ. — Прощай, Андрюша, крошка мой, прощай! — продолжалъ онъ, высоко вскидывая на руки маленькаго человѣчка и прижимая его къ своему сильно-бьющемуся сердцу. — Слушайся мать и не забывай своего отца. Слышишь, мой Андрюша?

Мальчикъ только горько плакалъ, глядя на слезы матери и на печальное лицо отца. Но онъ мало понималъ изъ того, что передъ нимъ происходило. Ему только жутко было отъ тѣхъ страшныхъ стуковъ, которые, не умолкая теперь ни на мгновенье, потрясали до основанія ихъ небольшой домъ.

— Пора! Идемъ, Андрюша! — произнесла наконецъ его мать, бережно принимая мальчика изъ рукъ мужа, и быстрыми шагами направилась къ двери. Эта дверь вела въ заднія сѣни, откуда былъ выходъ прямо въ огромный пустырь, находящійся на окраинѣ города.

— А какъ-же батюшка? Развѣ онъ останется здѣсь? — спросилъ Андрюша, безпокойно оглядываясь назадъ.

— Да, милый, онъ долженъ остаться, — произнесла молодая женщина, едва удерживаясь на ногахъ отъ горя, — а мы съ тобой пойдемъ къ царь-дѣвицѣ, къ юной царевнѣ изъ маминой сказки...

И вдругъ голосъ, произнесшій эти слова, разомъ затихъ, оборвался. Наташа съ воплемъ протянула руки назадъ. Лицо ея исказилось мукой.

— Юрій! Юрій! — прошептала она въ смертельной тоскѣ, — бѣги съ нами пока не поздно...

Долинскій взглянулъ ей прямо въ глаза. Печаль, мука и безконечная любовь отразились въ его взорѣ.

— Ради блага Андрея, иди! — произнесъ онъ, благословляя жену издали, и махнулъ рукою.

Съ громкимъ рыданіемъ схватила Наталья Дмитріевна на руки сына и бросилась вонъ изъ горницы.

Въ тотъ же мигъ ворота, тѣснимыя напоромъ толпы, рухнули и нѣсколько человѣкъ съ шумомъ ворвалось во дворъ. Юрій ясно слышалъ теперь, какъ раздались шаги на лѣстницѣ, затѣмъ на крыльцѣ, у самой двери... Въ то же время онъ чутко прислушивался къ другимъ шагамъ, слабымъ, чуть слышнымъ, доносившимся изъ сѣней, шагамъ его Наташи. Вотъ, вотъ они тише... еще тише... Замерли совсѣмъ. Слава Богу, его жена и ребенокъ внѣ опасности! Тогда онъ медленно подошелъ къ двери и ждалъ, все-еще выгадывая время, когда и эта послѣдняя преграда падетъ подъ руками его враговъ.

Ждать пришлось недолго.

Нѣсколько сильныхъ ударовъ и дверь отскочила, сорванная съ петель.

Долинскій стоялъ передъ нею со скрещенными на груди руками. Въ лицѣ его не было страха. А между тѣмъ онъ зналъ, что за оказанное имъ сопротивленіе агентамъ «тайной канцеляріи» онъ подлежалъ жестокимъ цыткамъ, можетъ быть смерти... Но онъ не хотѣлъ добивать этимъ извѣстіемъ свою Наташу и, какъ могъ, успокоилъ ее.

— Берите меня. Я отдаюсь въ ваши руки! — произнесъ молодой офицеръ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Знакомые ему уже три человѣка въ черныхъ треуголкахъ съ цѣлой ватагой приспѣшниковъ бросились къ нему, повалили на полъ и, связавъ по рукамъ и ногамъ, съ бранью и проклятіями поволокли его съ собою...

ГЛАВА III.

Страничка прошлаго.

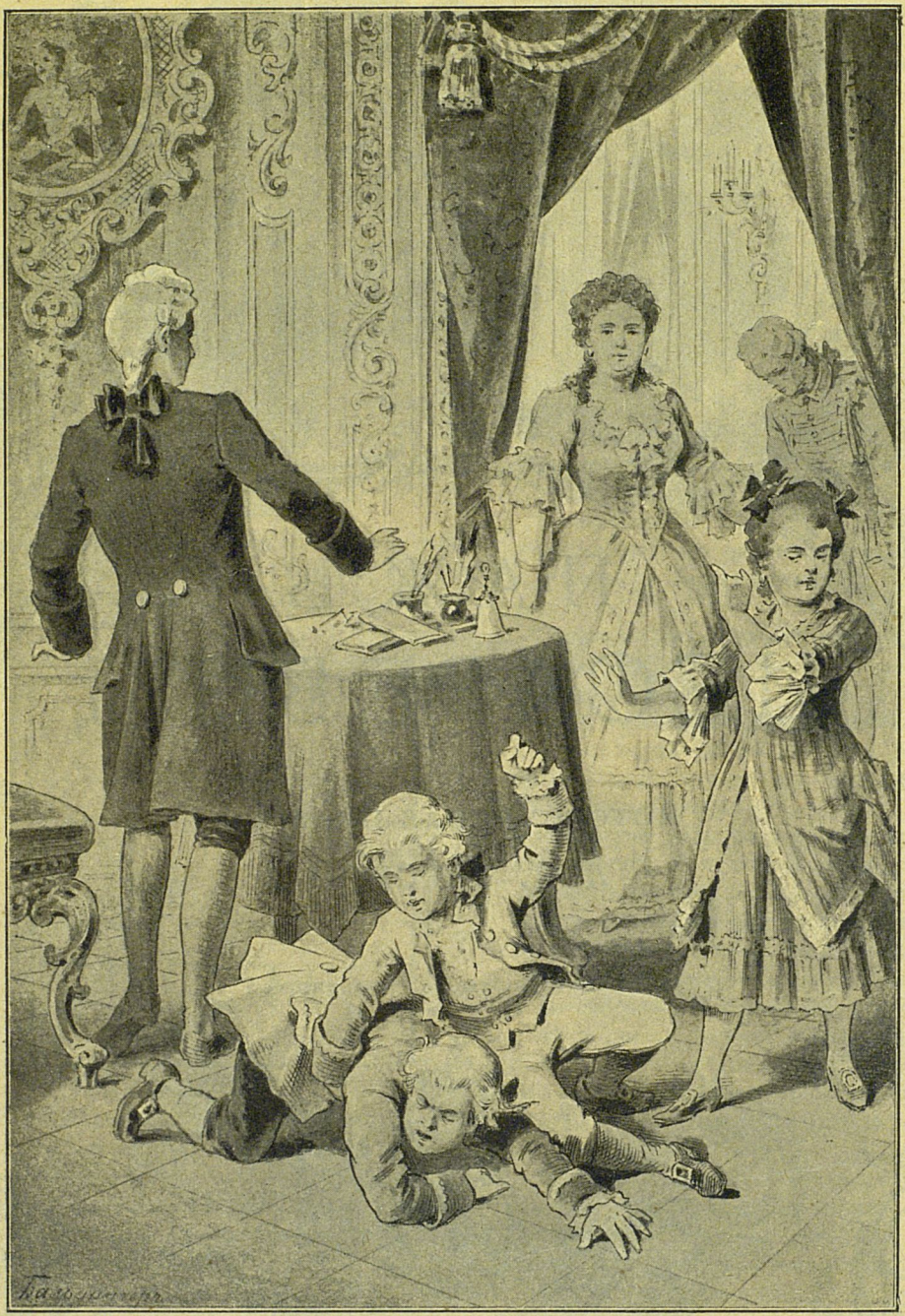
ЧТО мы дѣлаемъ, Россіяне? Петра Великаго погребаемъ?

Скорбнымъ, мучительнымъ звукомъ пронесся подъ сводами храма голосъ новгородскаго архіерея и главы Синода, Ѳеофана Прокоповича.

И ораторъ-пастырь, готовившійся произнести надгробное слово, глухо зарыдалъ, какъ ребенокъ. Зарыдалъ за нимъ и весь православный народъ. Вся Русь зарыдала.

А мудрый преобразователь Россіи, неустрашимый вождь Великой сѣверной войны, создатель русскаго флота, творецъ начала русскаго просвѣщенія и основатель сѣверной столицы лежалъ въ гробу. На престолъ возсѣла его жена, Екатерина.

Около двадцати лѣтъ передъ тѣмъ, во время войны со шведами, при покореніи ливонскаго, подвластнаго шведамъ, города Маріенбурга, русскіе взяли въ плѣнъ семейство пастора Глюка и его молоденькую служанку Марту Скавронскую... А черезъ небольшой промежутокъ времени эта Марта такъ сумѣла понравиться Петру, что онъ женился на ней и сдѣлалъ ее императрицей. Послѣ смерти великаго царя Екатерина продолжала управлять Россіей по образцу своего великаго мужа. Но недолго царствовала императрица. Жестокая горячка унесла ее въ 1727 г. Судьба лишь



Къ главѣ IV.

Она остановилась, съ изумленіемъ глядя на поссорившихся дѣтей...

двумя годами позволяетъ пережить ей своего великаго супруга. Двѣ дочери остаются сиротами послѣ матушки царицы. Одна изъ нихъ, старшая, Анна, въ годъ кончины государыни просватана за голштинскаго принца Фридриха-Карла, вторая, Елизавета, намѣчалась въ невѣсты его двоюродному брату, принцу Карлу Ульриху, но молодой принцъ скончался почти единовременно съ императрицей и цесаревна Елизавета осталась въ невѣстахъ вдовой.

Императрица Екатерина не успѣла назначить себѣ преемника.

Смерть ея вызвала вопросъ—кому быть царемъ? Мужского потомства у императрицы Екатерины не было. Правда, въ Петербургѣ жилъ внукъ царя Петра отъ первой его жены, Евдокіи Лопухиной, сынъ царевича Алексѣя Петровича, лишеннаго еще при жизни Петра престола. Этотъ внукъ, Петръ Алексѣевичъ, какъ прямой потомокъ Петра, могъ бы сдѣлаться царемъ, но Петруша слишкомъ еще малъ, чтобы управлять государствомъ. Ему 12 лѣтъ только. Онъ долженъ еще учиться, много, долго учиться, чтобы пойти по слѣдамъ своего могучаго дѣдушки. А между тѣмъ юный Петръ учиться не любитъ. Да и править государствомъ онъ врядъ ли полюбитъ когда-нибудь. Онъ лѣнивъ, безсиленъ отъ природы и любитъ только охоту, праздники и развлеченія. Всѣ государственныя дѣла за него рѣшаетъ тайный совѣтъ во главѣ съ Меньшиковымъ, этимъ знаменитымъ сподвижникомъ покойнаго царя. Дочь Меньшикова назначена еще при жизни Екатерины въ невѣсты юному Петру. Но юный царь ея не любитъ, не любитъ и знаменитаго Данилыча, и въ одинъ прекрасный день Меньшиковъ съ семьею лишенъ всѣхъ чиновъ, орденовъ и казны и сосланъ въ Березовъ. Теперь уже никто не мѣшаетъ развлекаться юному императору. Меньшиковъ въ Березовѣ, графъ

Остерманъ, воспитатель Петруши, не рѣшается перечить своему воспитаннику, а тутъ новые друзья подоспѣли, князья Долгорукіе, которые не докучаютъ ему ученьемъ, какъ этотъ несносный Меньшиковъ, а напротивъ, всячески стараются увеселять и развлечь его. Особенно старается угодить ему молодой князь Иванъ. И невѣста у него есть, княжна Долгорукая, сестра друга сердешнаго Вани Долгорукаго, но ея не любитъ юный императоръ. Онъ одну только дѣвушку любитъ, красавицу собой: родную тетку, цесаревну Елизавету. Но она не отвѣчаетъ ему. Вѣдь онъ ея племянникъ, маленькій мальчикъ передъ нею, восемнадцатилѣтней красавицей. Охоты, празднества, безсонно проведенныя на пирахъ ночи незамѣтно подточили здоровье отрока-царя. А тутъ еще оспа привязалась, и изнѣженный, избалованный, не созданный для роли правителя, Петръ умираетъ четырнадцати лѣтъ отъ роду. Теперь всѣ глаза народа направлены на одну преемницу, законную, полноправную царицу. Дочь Великаго Петра, Елизавета, и никто больше, должна войти на престолъ послѣ смерти юнаго императора. Такъ думаетъ народъ и гвардія, созданная, выросшая отъ руки отца этой русской царь-дѣвицы. Но вельможи и генералитетъ думаютъ иначе. Если цесаревна Елизавета займетъ престолъ родителя—она займетъ его по праву, и никто изъ сановниковъ не посмѣетъ пикнуть при ней. Не лучше-ли имъ возвести на престолъ такое лицо, которому и во снѣ этого не снилось? Тогда, на радостяхъ, лицо это согласится на ихъ условія и отдастъ всю правительственную власть въ ихъ руки, а само будетъ довольствоваться однимъ почетнымъ императорскимъ титуломъ. И думаютъ властолюбивые вельможи, кого бы имъ изъ дальнихъ родственниковъ Петра возвести на престолъ.

У Петра I былъ братъ, слабоумный царь Иванъ,

сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ дни отрочества на престолѣ. Царя Ивана женили на дѣвицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой. Отъ брака этого было три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. Уже много лѣтъ спустя по смерти брата Петръ выдалъ двухъ старшихъ царевенъ замужъ. Старшую Екатерину за Мекленбургскаго герцога Карла-Леопольда, вторую, Анну, за курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма. Бракъ обѣихъ царевенъ былъ несчастливъ. Екатеринѣ не посчастливилось въ замужествѣ по причинѣ дурного, буйнаго нрава ея супруга и она уѣхала вскорѣ отъ него со своей крошкой дочерью въ Россію, къ матери, царицѣ Прасковьѣ, и жила у нея, пока царица не скончалась. Молодая же герцогиня курляндская, Анна, овдовѣла черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, по дорогѣ въ Митаву, столицу Курляндіи.

Вотъ эту-то вдовствующую герцогиню Анну Іоанновну и рѣшено было призвать на русскій престолъ, обойдя законную наслѣдницу ея, двоюродную сестру Елизавету.

Такъ какъ сторонниками призванія курляндской герцогини явились почти всѣ знатнѣйшіе того времени сановники, то приверженцы Елизаветы не рѣшались громко высказаться за юную дочь Петра. Точно также умолкли и вельможи, намѣревавшіеся посадить на престолъ обрученную невѣсту покойнаго юноши-императора, Екатерину Долгорукую, хотя сначала они ссылались на завѣщаніе юнаго царя, которымъ назначалась она въ государыни.

Когда вопросъ о призваніи Анны Іоанновны былъ рѣшенъ, четыре сановника—Головкинъ, Голицынъ, Ягужинскій и Остерманъ—составили условіе, которымъ ограничивались права новой государыни, и она обязывалась во всѣхъ важнѣйшихъ рѣшеніяхъ подчиняться совѣту сановниковъ, и послали это условіе для подписи герцо-

гинѣ. Анна подписала условіе, но, пріѣхавъ въ Россію, отъ исполненія его отказалась и провозгласила себя самодержавной императрицей.

Сановники ошиблись. Курляндская герцогиня обошла ихъ. Она лишила ихъ власти правленія. Болѣе того: между ними и императрицей всталъ по ея волѣ человѣкъ, взявшій въ свои руки судьбу Россіи. Она привезла его изъ Курляндіи, назначила его гофмейстеромъ и оберъ-камергеромъ, выхлопотала ему титулъ графа римской имперіи, поставила выше сенаторовъ и, наконецъ, возвела въ званіе курляндскаго герцога. Подчиняясь всецѣло волѣ этого человѣка, Анна Іоанновна дала ему широкое право карать всѣхъ, кого онъ считалъ своими врагами и недругами и распоряжаться на правахъ правителя государства.

Этотъ человѣкъ происходилъ изъ семьи простого служителя-конюха бывшихъ курляндскихъ герцоговъ, но частью своими способностями, частью разными происками сумѣлъ стать первымъ совѣтникомъ, правой рукою курляндской герцогини, а затѣмъ всероссійской императрицы.

Звали этого человѣка Іоганнъ-Эрнстъ Бирономъ.

ГЛАВА IV.

Достойная семейка.—Царская любимица.

ВАШЕ сіятельство изволите повторить послѣдню страницу?

— Ммм!

— Ваше сіятельство!

— Мммм!

— Его сіятельство, графъ, приказали мнѣ строго слѣдить за вашими успѣхами. Вы забываете, что его сіятельство, графъ, предназначаетъ вамъ высокую долю. Современемъ вы будете генераломъ, командиромъ...

— Фельдмаршаломъ!—выпаливаетъ до сихъ поръ упорно молчавшій во все время урока маленькій восьмилѣтній графъ Петръ Бирономъ.

— Врешь, фельдмаршаломъ буду я... Папахенъ[1] мнѣ сказалъ это!—кричитъ его братъ, хорошенькій, изнѣженный, какъ дѣвочка, длиннокудрый малютка Карлъ.

— Ну, такъ я буду генералиссимусъ[2],—надменно сверкая глазами перекрикиваетъ старшій.

— Врешь ты! Я генералиссимусъ, я фельдмаршалъ, я вице-канцлеръ!—вопитъ малолѣтній Карлуша и слезы злобы и обиды брызгаютъ изъ его глазъ.

— Ты дуракъ! Не вице-канцлеръ, а просто дуракъ!—бросаетъ ему въ лицо разозлившійся Петръ.

— Ты самъ дуракъ!—надрывается Карлъ.—Я скажу

---

[1] Отецъ.—[2] Главный начальникъ всѣхъ войскъ.

государынѣ и она тебя... она тебя арестуетъ... да, арестуетъ!..

— Ахъ, ты, дрянной мальчишка!

И старшій братъ хватаетъ за длинные кудрявые волосы Карла и изо всей силы притягиваетъ его къ полу.

Нѣмецъ-учитель въ ужасѣ. Онъ мечется изъ угла въ уголъ и лепечетъ въ тоскѣ:

— Ваше сіятельство! Ради Бога! Вы старшій! Умоляю васъ, графъ Петръ, остановитесь!

Но графъ Петръ и не думаетъ останавливаться.

— Вотъ тебѣ фельдмаршалъ! Вотъ тебѣ вице-канцлеръ! Вотъ тебѣ генералиссимусъ! — повторяетъ разсвирѣпѣвшій мальчикъ, награждая младшаго графчика увѣсистыми шлепками.

Но вдругъ онъ дико вскрикиваетъ и оглашаетъ комнату оглушительнымъ ревомъ. Маленькій Карлуша изловчился и изо всей силы укусилъ за палецъ старшаго брата. Изъ руки Петра брызнула алая струйка крови.

— Ахъ, Боже, что за дѣти! Они убьютъ другъ друга!—съ ужасомъ возводя очи къ небу, произнесъ учитель, сознавая свое полное безсиліе помочь чѣмъ-либо.

Вдругъ совсѣмъ неожиданно раздается тоненькій голосокъ:

— Очень хорошо! Такъ ему и надо, Карлуша! Молодецъ, Карлуша! Вотъ такъ удружилъ!

Тяжелая портьера раздвинулась и крошечная дѣвочка появляется на порогѣ комнаты.

Дѣвочка кажется совсѣмъ маленькой, несмотря на то, что по лицу она не моложе своего восьмилѣтняго брата. Но большой горбъ за спиною мѣшаетъ развиться ея росту и дѣлаетъ безобразной маленькую графиню Гедвигу Бирон. Ея некрасивое, старообразное личико съ ненавистью и злорадствомъ обращено къ братьямъ,

черные, умные глазенки горятъ недоброю улыбкою. Эти глазенки да великолѣпные, на рѣдкость густые черные кудри, которыми не можетъ не гордиться бѣдная горбунья, составляютъ единственное ея достояніе и красоту.

Она ненавидитъ обоихъ братьевъ, потому что они всегда обижаютъ и дразнятъ ее. Она рада, что Карлъ укусилъ Петю. Петръ важничаетъ не въ мѣру и заносится передъ ней. Подѣломъ ему. Будетъ долго помнить, что значитъ задирать другихъ! И она желчно и злобно смѣется, дѣлая гримасы Петру.

— У-у! противная уродка! Опять пожаловала къ намъ. Ну, погоди-же ты!

И старшій графъ, забывъ въ одну минуту свой укушенный палецъ, налетаетъ на горбунью съ поднятыми кулаками. Карлъ слѣдуетъ его примѣру.

Плохо-бы пришлось Гедвигѣ, если-бы въ эту самую минуту снова не приподнялась тяжелая портьера и на порогѣ не появилась бы высокая, полная, смуглая дама, одѣтая въ нарядный свѣтло-голубой просторный халатъ.

Она медленною, величественною походкою вошла въ комнату и остановилась, съ изумленіемъ глядя на поссорившихся дѣтей.

При видѣ этой дамы оба графчика мгновенно скрылись изъ комнаты. Учитель-нѣмецъ поспѣшилъ за ними.

Маленькая графиня Гедвига горько плакала въ своемъ уголку, не замѣтя вошедшей. Высокая дама быстрымъ взоромъ окинула комнату, неодобрительно покачала головою и съ легкой улыбкой на смугломъ, рябоватомъ лицѣ подошла къ плачущей дѣвочкѣ.

— Они обидѣли тебя опять, моя малютка? — спросила она тихо.

При первыхъ же звукахъ этого нѣсколько грубоватаго, скорѣе мужского голоса слезы дѣвочки разомъ

изсякли. Она подняла на вошедшую просіявшее личико и прошептала чуть слышно:

— Меня никто, никто не любитъ, танте [1].

Смуглая женщина нѣжно притянула ее къ себѣ, вытерла своимъ платкомъ залитое слезами личико и шепнула на ушко ребенку:

— А про танте Анхенъ забыла, злая Гедя! Развѣ танте Анхенъ тоже не любитъ своей маленькой графинюшки?—и она легонько пощекотала шейку ребенка.

Дѣвочка молча улыбалась и стала ласкаться къ своей заступницѣ, какъ кошечка.

А та въ свою очередь забавлялась малюткой, играя ея прекрасными, пышными, черными кудрями, перебирая крупный жемчугъ на худенькой шейкѣ маленькой горбуньи.

Онѣ были счастливы обѣ по своему: смуглая, высокая женщина забыла свои заботы, маленькая Гедвига свое горе.

Маленькая Гедвига думала, лежа на колѣняхъ своего большого друга: «Никто, никто не любитъ ея; ни отецъ, ни матушка, ни братья. Для всѣхъ она гадкая уродка, отвратительная горбунья. Одна тетя Анна любитъ. Тетя Анна никогда не бранитъ и не ругаетъ ни за что, а всегда ласкаетъ ее, бѣдненькую шестилѣтнюю Гедвигу, кормитъ лакомствами, задариваетъ подарками, и за это она, Гедвига, больше всего въ мірѣ любитъ добрую тетю».

И дѣвочка украдкой цѣлуетъ большую смуглую руку, гладившую ее по головѣ.

Въ тотъ же мигъ быстрые шаги за дверью заставляютъ вздрогнуть обѣихъ.

Гедвига вскакиваетъ и настораживается, какъ заяцъ, готовый улизнуть каждую минуту.

---

[1] Тетя.

Дверь широко распахивается и плотная, коренастая фигура нарядно одѣтаго въ придворный костюмъ сановника появляется передъ ними.

Это оберъ-гофмейстеръ русской императрицы, всемогущій Бирономъ.

— Ваше величество! — говоритъ онъ по-нѣмецки съ низкимъ поклономъ, почтительно останавливаясь въ двухъ шагахъ отъ смуглой, высокой женщины, — не знаю, какъ выразить мою благодарность. Вы не брезгуете, всемилостивѣйшая государыня, посѣщать уголокъ своего вѣрнаго раба.

И онъ съ благоговѣніемъ приложился губами къ протянутой ему милостиво рукѣ императрицы.

Потомъ взглядъ его, случайно скользнувъ по комнатѣ, замѣтилъ Гедвигу.

— Маршъ отсюда! И не смѣй выходить безъ спроса изъ твоихъ апартаментовъ. Слышишь ты меня, гадкая горбунья?

Гедвига метнула испуганнымъ взглядомъ на отца и въ одинъ мигъ исчезла изъ комнаты. Свѣтлое настроеніе, навѣянное ей доброй императрицей, разомъ исчезло. Она снова чувствовала себя одинокой и обиженной, бѣдная обездоленная дѣвочка.

ГЛАВА V.

Непріятный докладъ.—Царское рѣшеніе.

ЗАЧѢМЪ, графъ, вы обидѣли дочку?—съ укоромъ произнесла императрица, какъ только горбатенькая фигура Гедвиги скрылась за дверью.

Анна Іоанновна любила дѣвочку, ласкала ее, забавлялась ею. Умненькая, смышленая горбунья интересовала ее. Она позволила маленькой графинѣ называть себя по-просту «танте Анхенъ» и приходить къ ней безъ доклада во всякое время.

Оставшись бездѣтной послѣ смерти мужа-герцога и любя всѣмъ своимъ существомъ дѣтей, императрица страстно привязалась къ маленькимъ Биронамъ. Она не замѣчала ихъ недостатковъ и всячески баловала ихъ. Къ обиженной Богомъ Гедвигѣ сердце Анны Іоанновны лежало больше, нежели къ ея братьямъ. И теперь ей было досадно на своего любимца, незаслуженно оскорбившаго нервную, впечатлительную дѣвочку.

Но Биронъ нисколько не обратилъ вниманія на впечатлѣніе, получившееся отъ его выходки. Въ его рукахъ была важная бумага, съ содержаніемъ которой онъ спѣшилъ познакомить императрицу.

— Измѣна и предательство кишитъ вокругъ васъ, государыня,—хмуря свои черныя брови, мрачно произнесъ онъ.—Съ каждымъ днемъ люди мои доставляютъ все новыхъ и новыхъ измѣнниковъ въ тайную канцелярію, къ генералу Ушакову.

— И, я думаю, много работы доставляютъ нашему Андрею Ивановичу?—усмѣхнулась Анна Іоанновна не веселой усмѣшкой.

Потомъ, помолчавъ немного, добавила:

— И когда ты только успокоишься, графъ!.. Все то тебѣ казни мерещатся да измѣны... Ужь больно ты раздражителенъ сталъ, не въ мѣру... Вамъ-бы съ Андреемъ Ивановичемъ только пытать да жечь...

— Я, какъ вѣрный слуга вашего величества, строго соблюдаю интересы моего новаго отечества,—произнесъ, снова нахмурившись, Бирон,—я не виноватъ, что въ Россіи слишкомъ мало вѣрныхъ слугъ и что приходится уличать.

— Уволь, графъ!—нахмурилась въ свою очередь императрица,—опять, небось, показанія мнѣ принесли съ розыска?.. Скучно все это да и тяжко... Людей зря на дыбу поднимаютъ, мучаютъ, они сдуру брякнутъ что-либо, а вы ужь и придрались.

— Не совсѣмъ зря, ваше величество,—ѣдко произнесъ Бирон.—Недавній новый арестъ открываетъ мнѣ глаза на многое. Арестованъ прапорщикъ Семеновскаго полка Долинскій и еще кое-кто изъ участниковъ товарищеской вечеринки, во время которой мои агенты накрыли ихъ...

— Ну, сболтнули спьяна что-нибудь...—угрюмо перебила докладчика императрица.

— То-то и дѣло, что не спьяна и не сболтнули. Цѣлый заговоръ у нихъ былъ задуманъ, ваше величество... Государыня, опасайтесь! Если вы не обратите на такихъ персонъ вашего вниманія, спокойствію вашего величества угрожаетъ бѣда.

— Какая бѣда? Что ты говоришь, графъ? И отъ кого бѣда?—заволновалась Анна.

Ея любимецъ зналъ, чѣмъ можно повліять на свою высокую покровительницу и теперь остался очень до-

воленъ, что его слова, очевидно, произвели впечатлѣніе.

— Откуда-же грозитъ мнѣ бѣда, графъ?—безпокойнымъ тономъ спросила еще разъ Анна.

Бирономъ ничего не отвѣтилъ. Быстрыми шагами подошелъ къ окну, отбросилъ тяжелый занавѣсъ и величественнымъ жестомъ указалъ прямо передъ собою. За деревьями насаженнаго еще императоромъ Петромъ Лѣтняго сада, среди котораго помѣщался Лѣтній дворецъ, гдѣ жила Анна Іоанновна съ семьею Бирона, раскинулся широкій Царицынъ Лугъ. На краю этого луга, совсѣмъ неподалеку отъ берега Невы, въ то время возвышалось зданіе другого малаго дворца. На этотъ дворецъ и указывала теперь краснорѣчивымъ жестомъ рука Бирона.

— Изъ дворца цесаревны?—такъ и встрепенулась Анна Іоанновна.—Но вѣдь онъ необитаемъ. Царевна у себя въ Покровскомъ.

— То-то и худо! Не страшна намъ, государыня, бѣда видимая, а страшна невидимая,—съ многозначительной улыбкой произнесъ Бирон.—На офицерской пирушкѣ произносилось имя цесаревны. Произносилось оно друзьями прапорщика Шубина, самаго приближеннаго теперь лица къ ея высочеству. Надѣюсь, ваше величество, вы меня поняли, откуда грозитъ бѣда?

Да, Анна поняла своего вѣрнаго слугу. Поняла ясно. Какъ бѣльмо на глазу, лежала на ея душѣ Елизавета. Она только что было успокоилась, зная, что цесаревна въ отдаленіи отъ двора. А выходитъ, что такъ хуже. Вдалекѣ отъ столицы Елизаветѣ легче строить козни и набирать себѣ приверженцевъ. И этотъ Шубинъ, о которомъ ей уже докладывали не разъ! О, онъ умѣетъ вербовать людей для своей цесаревны. Нѣтъ, положительно надо поправить дѣло, пока не поздно.

Императрица встала, вытянулась во весь ростъ. Те-

перь она казалась огромной, величественной женщиной. Это уже была не прежняя ласковая «тетя Анхенъ», забавлявшаяся съ маленькой Гедвигой. Теперь передъ графомъ оберъ-гофмейстеромъ стояла могущественная русская императрица.

— Допросить этого, какъ его... прапорщика и другихъ... — произнесла она своимъ грубоватымъ голосомъ, — а въ Покровское нарядить гонца и пригласить ко двору цесаревну. Случай прекрасный. Принцесса Христина переходитъ въ лоно православной церкви, такъ ей, цесаревнѣ, не грѣшно присутствовать при мvропомазаніи племянницы. Такъ и вели отписать Елизаветѣ...

— Слушаю-съ, ваше величество! Все будетъ исполнено, — поклонился Бирон.

— А теперь въ манежъ. Выѣзжена та лошадь, что прислана намъ въ даръ отъ шаха персидскаго?

— Самолично выѣздилъ, государыня, — отвѣтилъ Бирон.

— Спасибо, графъ! — произнесла, улыбаясь, Анна Іоанновна, и лицо ея, омрачившееся-было подъ впечатлѣніемъ непріятнаго извѣстія, теперь ожило, просіяло.

Императрица любила верховую ѣзду и предавалась ей съ удовольствіемъ. При одной мысли объ ожидавшей ее любимой забавѣ, она забыла всѣ непріятности и снова стала довольной и веселой.

— А Левенвольде что пишетъ изъ Вѣны? — спрашивала она своего любимца по дорогѣ въ свои внутренніе апартаменты, гдѣ ее ждала свита и фрейлины.

— Графъ Левенвольдъ сообщаетъ, что принцъ Брауншвейгъ-Бевернскій, котораго ваше величество изволили намѣтить въ женихи принцессѣ Христинѣ, юноша вполнѣ достойный для принцессы, и нашъ посолъ успѣшно ведетъ переговоры съ его высокими родственниками. Надѣюсь, принцесса останется довольна выборомъ жениха.

Говоря это, Бирон кривилъ душою. Маленькая

принцесса, дочь цесаревны Екатерины Іоанновны, находившаяся съ недавнихъ поръ при дворѣ ея тетки, императрицы Анны, составляла давнишній плодъ тайныхъ мечтаній Бирона для его сына Петра, котораго дерзкій курляндецъ задумалъ женить впослѣдствіи на цесаревнѣ. Но это была слишкомъ дерзкая мысль и о ней пока слѣдовало молчать до поры до времени. И смѣлый временщикъ, скрѣпя сердце, затаилъ эту мысль въ себѣ.

ГЛАВА VI.

Въ застѣнкѣ.

ПОЗАДИ Лѣтняго сада или «огорода», гдѣ быстрая и узкая Фонтанка рѣка вытекаетъ изъ величавой красавицы-Невы, стояло небольшое зданіе, со всѣхъ сторонъ окруженное высокимъ заборомъ.

Снаружи оно не представляло изъ себя ничего особеннаго; зданіе какъ зданіе. Такихъ зданій много появилось со дня населенія Петербурга великимъ Петромъ. Крѣпко сколоченныя, они ютились тутъ и тамъ, между огромными хоромами вельможъ. Но за то внутри домикъ поражалъ своимъ необычайнымъ видомъ. Въ домикѣ была всего одна комната. Посреди этой комнаты былъ придѣланъ къ самому потолку какой-то огромный брусъ, который могъ то подниматься, то опускаться. Въ стѣнахъ ввинчены были желѣзныя кольца. На скамьяхъ лежали кнутья, плетки и большія связки веревокъ—орудія пытки. А подъ деревяннымъ поломъ комнаты, въ подвалѣ, куда вела узкая лѣстница, были устроены тюрьмы и застѣнки.

Это былъ домъ «Тайной Канцеляріи».

Прямо передъ окнами страшнаго учрежденія, гдѣ по одному наговору безчисленныхъ агентовъ пытали и мучили людей, черезъ весело журчащую, вѣчно хлопотливую Неву, на противоположномъ берегу ея, находилось огромное Самсоніевское кладбище. Туда свозили тѣхъ, кому не суждено было вырваться изъ цѣпкихъ оковъ тайной канцеляріи.

Уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Анны Іоанновны началась обильная жатва на страшной кровавой нивѣ.

Мягкая и податливая на милость императрица отличалась подозрительностью и чрезвычайной довѣрчивостью къ своему любимцу Бирону. А у Бирона было много враговъ, которыхъ ему необходимо было уничтожить. Къ тому-же онъ довелъ до болѣзненности боязнь государыни потерять тронъ. Онъ всюду отыскивалъ измѣны, даже тамъ, гдѣ ихъ и въ поминѣ не было. Стоило произнести кому-либо на улицѣ въ простой болтовнѣ имя Анны Іоанновны не съ тѣмъ особеннымъ уваженіемъ, котораго требовали агенты тайной канцеляріи, и ни въ чемъ невиннаго по произнесеніи страшнаго «слово и дѣло» тотчасъ же тащили въ «тайную канцелярію». Тамъ, подъ допросомъ на розыскѣ, подъ страшными пытками люди невольно наговаривали на себя и на другихъ въ надеждѣ избавиться отъ лютыхъ мукъ и страданій. Оговоренныхъ приводили, допрашивали и нерѣдко тащили на дыбу по указу генерала-прокурора Андрея Ивановича Ушакова, начальника этой страшной канцеляріи. И несчастные или погибали подъ пыткой, или отпускались изъ застѣнка истерзанными на-вѣки калѣками, непригодными къ жизни. Но чаще всего изъ тайной канцеляріи свозили безжизненные трупы замученныхъ жертвъ на Самсоніевское кладбище...

Въ темномъ, узкомъ помѣщеніи тайной канцеляріи, похожемъ на погребъ, съ единственнымъ, крошечнымъ крылечкомъ, приходящимся въ уровень съ землею, за крѣпкою рѣшеткою сидѣлъ узникъ.

Это былъ Долинскій. Его притащили изъ его дома прямо сюда, въ это ужасное помѣщеніе. Онъ сидитъ въ немъ уже давно.

Убійственно долгимъ кажется ему время. Маленькое окошечко едва-едва пропускаетъ свѣтъ надъ его

Къ главѣ X.

Тамъ стоялъ маленькій мальчикъ...

головою; около окошечка растутъ кусты и отъ этого еще темнѣе въ тюрьмѣ несчастнаго.

Солнце всходило и скрывалось и снова всходило, а онъ все сидитъ и сидитъ на одномъ мѣстѣ. Кувшинъ съ водою и ломоть чернаго хлѣба, поставленные подлѣ него его тюремщикомъ, остались нетронутыми. Ему не до ѣды! Одна и та же мысль жжетъ его мозгъ: успѣли-ли скрыться Наташа съ сыномъ? А если успѣли, то какъ доберутся они до Покровскаго, какъ пройдутъ 600 верстъ, раздѣляющія Петербургъ съ Москвою, подлѣ которой находится вотчина цесаревны?... Юрій Никитичъ съ ужасомъ вспоминалъ о томъ, что его Наташа въ волненіи забыла взять денегъ, необходимыхъ въ дорогѣ... Какъ они доберутся? Она такая слабенькая, худенькая! Она и раньше не отличалась здоровьемъ, а слухи о всякихъ розыскахъ, да пыткахъ, да гибели людей въ нѣдрахъ тайной канцеляріи и совсѣмъ подточили ея слабое здоровье. Наташа съ дѣтства боготворитъ Россію; она помнитъ ея лучшія времена, и теперешнее тяжелое время камнемъ лежитъ на ея впечатлительной натурѣ... А тутъ еще взяли ея дорогого мужа. Страхъ за него, за сына, бѣгство—добьетъ, доконаетъ бѣдняжку.... Долинскій вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ...

Въ ту же минуту за дверью зашумѣли. Кто-то вложилъ ключъ въ замочную скважину... Дверь скрипнула и распахнулась. Свѣтъ ворвался на мигъ въ темную каморку. Долинскій зажмурился даже, такъ рѣзокъ былъ переходъ къ свѣту отъ темноты.

Двое служителей подошли къ нему, грубо схватили за плечи и вытолкали за дверь въ коридоръ, гдѣ находилась маленькая лѣсенка, которая вела куда-то кверху. Служители почти втащили по ней узника и черезъ минуту, другую, онъ очутился въ описанной уже комнатѣ тайной канцеляріи, прямо передъ лицомъ сидѣвшаго за столомъ вельможи.

Въ дорогомъ камзолѣ, съ лентою черезъ плечо, въ парикѣ и бѣлоснѣжномъ жабо, изъ котораго выходило тончайшее кружево манишки, въ шелковыхъ чулкахъ и туфляхъ съ брилліантовыми пряжками сидѣлъ страшный, съ сѣдыми усами и сизымъ носомъ, генералъ Ушаковъ.

Странно было видѣть этого наряднаго, разодѣтаго вельможу въ далеко нечистоплотной обстановкѣ пыточнаго отдѣленія. Но «страшный» генералъ Ушаковъ былъ здѣсь сегодня только на перепутьѣ. Онъ торопился на пріемъ къ императрицѣ. На его обрюзгшемъ, морщинистомъ лицѣ и въ проницательныхъ ястребиныхъ глазахъ, отъ которыхъ ничто не могло укрыться, казалось, сквозило нетерпѣніе. Онъ поминутно вынималъ изъ кармана огромные золотые часы, въ видѣ луковицы, бросалъ на нихъ взоромъ, сердито хмурился и видимо злился. Сидѣвшій тутъ-же, рядомъ, секретарь канцеляріи старался не напоминать ничѣмъ о своемъ присутствіи, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ начальника.

Служителя, приведшіе Долинскаго, отошли къ двери. Къ нимъ присоединились два незамѣтно явившіеся плечистыхъ молодца въ красныхъ рубахахъ со звѣрскими лицами. Это были заплечные мастера или, попросту, палачи. Юрій Никитичъ угадалъ ихъ значеніе здѣсь, въ этой комнатѣ. Острый холодокъ колючими искрами пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ быстро отвернулъ голову отъ «красныхъ» молодцевъ и нечаянно встрѣтился взглядомъ съ суровымъ взглядомъ страшнаго генерала.

— Ты прапорщикъ Долинскій? — спросилъ тотъ.

— Я, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Юрій Никитичъ.

— Ты былъ въ гостяхъ у сержанта Буланина три дня тому назадъ?

— Былъ, генералъ.

— Ты говорилъ на этой вечеринкѣ о нѣкомъ сер-

жантѣ, нынѣ прапорщикѣ, Семеновскаго полка Алексѣѣ Шубинѣ?

— Да, говорилъ, генералъ, объ Алешѣ Шубинѣ, котораго считаю своимъ младшимъ товарищемъ-другомъ. Будучи еще совсѣмъ молодымъ мальчикомъ, рядовымъ нашего полка, Алексѣй крестилъ у меня сына, потомъ бывалъ у насъ. Мы его любили съ женою...

— Такъ, такъ! Значитъ и жена у тебя есть! Можетъ она будетъ порѣчистѣе. Пригласимъ и ее къ намъ въ гости! Авось отъ нея больше узнаемъ,—произнесъ Ушаковъ и, не взглянувъ даже на смертельно поблѣднѣвшаго при этихъ словахъ Долинскаго, вынулъ изъ кармана табакерку съ изображеннымъ на ней портретомъ императора Петра I и, взявъ щепотку табаку, поднесъ ее къ своему сизому носу. Потомъ быстро вскинулъ глазами на Долинскаго и произнесъ:

— Какимъ образомъ задумали вы черезъ посредство Шубина доставить престолъ извѣстной персонѣ, у которой состоитъ сей упомянутый Шубинъ въ ѣздовыхъ?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ и такъ непонятно-дикъ для Юрія, что тотъ даже не смутился.

— Въ этихъ помыслахъ я неповиненъ, генералъ!— произнесъ молодой человѣкъ, глядя въ самые глаза «страшному» хозяину застѣнка.

— Ой, такъ-ли? Подумай-ка да припомни. Пораскинька мыслями, сударь. Чай память не дѣвичья...

— Охотно бы припомнилъ, если-бы что было вспоминать, ваше превосходительство!—твердо отвѣчалъ Долинскій.

— Такъ не вспомнишь? Нѣтъ?

— Нечего вспомнить, генералъ.

— Ничего не говорилъ на вечеринкѣ Буланина? Не говорилъ, чтобы отписать всѣмъ товарищамъ сообща сему Шубину о томъ, что всѣ здѣсь у васъ къ цесаревнѣ изрядно склонны, что де она природная рус-

ская царевна и нѣмцевъ не терпитъ, а, стало быть, буде царствованіе ея волею судебъ, то она всѣхъ нѣмцевъ настоящими людьми замѣнитъ? Не говорилъ?

— О царевнѣ говорилъ. Но писать о томъ Шубину не собирался, и о царствованіи ея высочества цесаревны ни слова не было сказано промежъ насъ!—тѣмъ же твердымъ голосомъ отвѣчалъ Долинскій.

— Ой, припомни, государь мой, не говорилъ ты развѣ?

— Нѣтъ.

— Не желалъ перемѣны въ благополучномъ нынѣ царствованіи?

— Нѣтъ.

— Припомни.

— Нечего вспоминать...

— А нечего—такъ я напомню!—внезапно переходя изъ роли спокойнаго допросчика въ грознаго судью вскричалъ Ушаковъ.—Эй, молодцы! Взять его!

Парни въ красныхъ рубахахъ кинулись къ Долинскому. Въ одну минуту связали ему ноги, подтащили къ блоку, протянули вдоль «дыбы» конецъ веревки, притягивающей руки къ ногамъ несчастнаго такимъ образомъ, что при малѣйшемъ поворотѣ блока спина его должна была изогнуться колесомъ, плечи подняться къ самому темени, кости выйти изъ своихъ суставовъ. По этой изогнутой неестественно спинѣ долженъ былъ пройтись кнутъ палача.

Долинскій слышалъ уже не разъ объ этомъ родѣ пытки, очень распространенномъ въ то время въ застѣнкѣ тайной канцеляріи. При одной мысли о предстоящихъ страданіяхъ у него потемнѣло въ глазахъ.

Между тѣмъ «молодцы» связаннаго быстро подтащили къ «дыбѣ»... Вотъ его руки касаются уже скользкаго, противнаго бруса пресловутой дыбы... Сколько слѣдовъ крови прежнихъ мучениковъ оста-

лось на ея почернѣвшемъ деревѣ!.. Вотъ и ноги его коснулись блока... Веревка страшно натягиваетъ члены...

— И сейчасъ не вспомнишь?—допытывается Ушаковъ.

— Я ничего не знаю!—произнесъ твердымъ голосомъ Долинскій.—Я говорилъ о Шубинѣ, какъ о товарищѣ, удостоившемся почетной доли получить мѣсто при цесаревнѣ, которую всѣ мы любимъ и помнимъ...

— И больше ничего?

— Ничего!

— Такъ, такъ!

Ушаковъ дѣлаетъ рукою знакъ палачамъ. Одинъ изъ нихъ подходитъ къ блоку, чтобы привести его въ движеніе.

Холодный потъ выступаетъ на лбу Долинскаго. Жилы натягиваются, какъ проволока, на его лбу... Веревка мучительно вытягиваетъ грудь... Сейчасъ, сейчасъ усилится ужасная пытка... Его вскинутъ подъ самый потолокъ на брусѣ и вывихнутъ всѣ члены несчастнаго.

«Прощай, Наташа! И ты, сынишка милый, Андрюша, прощай! Слава Богу, если вы успѣете скрыться!»—мысленно произнесъ несчастный и закрылъ глаза, чтобы не видѣть отвратительныхъ лицъ своихъ палачей.

— Разъ!...

Съ визгомъ поднялся блокъ на ржавыхъ петляхъ...

— Ваше превосходительство, ея величество государыня требуетъ васъ къ себѣ...—послышался голосъ съ порога.

Открывъ глаза, Юрій увидѣлъ солдата-стражника, неожиданно появившагося въ застѣнкѣ.

— Спустить его и оставить до завтра!—прозвучалъ повелительный приказъ Ушакова.

И смертельно блѣднаго, но все-же спокойнаго Долинскаго опустили на полъ.

— Совѣтую одуматься, государь мой, и поразмыслить до завтрашняго допроса, — строгимъ голосомъ произнесъ ему уже съ порога Ушаковъ. — Знай одно, что только откровенность и раскаяніе спасутъ тебя отъ лютой смерти. Подумай о томъ, сударь.

И вышелъ, давъ знакъ служителямъ отвести обратно узника въ тюрьму.

ГЛАВА VII.

Черненькая и бѣленькая.—Тайны подземелья.

БРОСЬ возиться съ этимъ скучнымъ мячомъ, Юля! Что за охота, право! Пойди сюда. Я нашла чудесное мѣсто въ книгѣ. Слушай! Прекрасная Кунигунда обратилась къ рыцарю со словами: «Сударь, вы сожгли мое сердце на пылающемъ огнѣ Зевеса, вы пронзили его стрѣлами Амура, ваша храбрость, отвѣчающая храбрости одного развѣ Марса, окружила васъ ореоломъ безсмертія...»

— Ха, ха, ха!... Зевесъ... Марсъ... Безсмертіе... Смѣшная ты право, Христя!... Въ двѣнадцать лѣтъ зачитываешься глупыми романами, когда время не ушло еще, чтобы бѣгать, рѣзвиться и играть!

И говоря это, хорошенькая, смуглая, черноволосая дѣвочка съ бойкими, живыми глазенками и вздернутымъ носикомъ подбѣжала къ своей бѣлокурой подругѣ, чинно сидѣвшей съ книгой на колѣняхъ въ Лѣтнемъ саду.

— Да, вотъ и madame Адеркасъ, и духовный отецъ не позволяютъ мнѣ читать теперь свѣтскія книги, говорятъ, мнѣ надо хорошенько готовиться къ переходу въ новую вѣру,—произнесла скучающимъ голосомъ бѣленькая дѣвочка.—Тетушка-государыня все время твердитъ о предстоящей мнѣ высокой долѣ... Я должна быть русской великой княжной и женою принца Брауншвейгскаго... Ахъ, Юля, Юля, зачѣмъ все это?

— Какъ зачѣмъ! Вотъ смѣшная ты дѣвочка! Развѣ не сладко сознавать величіе, глупенькое ты дитя?

И хорошенькая смуглянка со смѣхомъ кинулась на грудь своей задумчивой подруги.

— Ахъ, не то, не то, Юля! Не хочу я ни высокаго положенія, ни славы... Тетя отдаетъ меня замужъ за принца Антона-Ульриха, чтобы потомству нашему передать престолъ... Тетушка и не спрашиваетъ даже нравится-ли мнѣ принцъ Брауншвейгскій. Вонъ Левенвольде прислалъ его портретъ на-дняхъ. Ея величество показывала мнѣ. Какой это рыцарь, Юлія? Носъ длинный, самъ тощій, волоса, какъ у дѣвочки, хоть косы плети. Настоящій индюшонокъ, право!

— А тебѣ рыцаря съ лицомъ Марса хочется въ мужья, Христина? — лукаво усмѣхнулась бойкая Юлія.

— Ахъ, я и сама не знаю. Я не думаю совсѣмъ о замужествѣ... Мнѣ-бы хотѣлось жить въ чудесномъ замкѣ, бродить въ подземельяхъ, чтобы все было таинственно и жутко кругомъ, и слышно было бы про всякіе ужасы и страсти, и чтобы самой быть въ безопасности... Понимаешь?

— Вотъ потѣха-то! — вскричала Юлія. — Ужасы! Страсти! Ишь, чего захотѣла! Да мало ихъ что ли здѣсь, въ Россіи, этихъ самыхъ ужасовъ, подумай только! Одна тайная канцелярія чего стоитъ... А знаешь? Мы, кстати сказать, совсѣмъ близко отъ одного изъ ея тайныхъ отдѣленій,—вдругъ неожиданно таинственно зашептала смуглянка,—сюда привозятся самые важные преступники на розыскъ... Мнѣ говорилъ это маленькій графъ Бирон. Онъ все знаетъ отъ лакеевъ. Онъ даже сказывалъ мнѣ, гдѣ потайная тюрьма находится. Хочешь, сведу?

При послѣднихъ словахъ смуглянки блѣдное личико бѣлокурой дѣвочки вспыхнуло румянцемъ. Голубые глаза ея оживились.

— Ахъ, Юля! Какъ бы я хотѣла взглянуть на то мѣсто... Только взглянуть...

— Такъ идемъ же!

— А madame Адеркасъ?—съ тревогой произнесла принцесса Христина.

— Madame Адеркасъ? Вотъ хватилась, гляди!

И тринадцатилѣтняя, не по лѣтамъ разбитная маленькая баронесса Юліана Мегденъ, ближайшая фрейлина и другъ малолѣтней принцессы, показала пальцемъ на группу деревьевъ со скамьей подъ ними. Сквозь значительно опавшую уже листву можно было видѣть сладко дремавшую красивую даму среднихъ лѣтъ, сидящую на скамейкѣ.

Это была госпожа Адеркасъ, француженка, воспитательница принцессы.

— Видишь, она спитъ самымъ сладкимъ сномъ! Не безпокойся, не скоро проснется... Идемъ-же, бѣжимъ скорѣе, чтобы вернуться во-время!

И, недолго думая, проказница Юліана схватила за руку принцессу и кинулась бѣжать съ нею по направленію небольшого домика, стоявшаго за дальними пристройками лѣтняго дворца.

Дѣвочки благополучно миновали самый дворецъ и его пристройки, не встрѣтивъ въ этотъ ранній часъ никого по пути. Вотъ и небольшое зданіе въ родѣ сарая... Оно далеко отстоитъ отъ всѣхъ строеній.

— Кажется здѣсь!—шопотомъ произнесла Юліана.

Христина только безмолвно стиснула руку сверстницы. Пылкое воображеніе восторженной дѣвочки рисовало ей уже мрачныя подземелья и страшныя лица узниковъ, заключенныхъ въ нихъ.

Былъ двѣнадцатый часъ на исходѣ, часъ, когда караульные и сторожа обѣдали въ своемъ помѣщеніи. Около сѣраго домика бродилъ только одинъ часовой, дремавшій у калитки. Обѣ дѣвочки прошмыгнули мимо

него незамѣченными и очутились въ опрятномъ дворикѣ, поросшемъ кустами лопуха и пожелтѣвшею травою.

— И совсѣмъ то нѣтъ здѣсь ничего страшнаго: ни подземелья, ни узниковъ! Точно простая изба для хозяйскихъ надобностей, — произнесла разочарованнымъ голосомъ принцесса Христина. — Вонъ и оконце продѣлано точь въ точь какъ въ кладовыхъ и погребахъ для сушки плодовъ. Я увѣрена, что тамъ груды яблокъ навалены...

— А вотъ я сейчасъ посмотрю, — вскричала бойкая, живая, какъ ртуть, Юліана и, быстро присѣвъ на землю, наклонилась къ окну.

Тихій стонъ раздавался внизу глухо, чуть слышно.

Обѣ дѣвочки стремительно отскочили назадъ.

— Ради Бога, Христина! Тамъ узникъ! — прошептала вся блѣдная Юліана.

ГЛАВА VIII.

Молоденькая спасительница —Узникъ на свободѣ.

ПЕРВОЮ мыслью Юліаны было бѣжать. Всегда бойкая и смѣлая дѣвочка теперь растерялась отъ неожиданности.

За то Христина какъ-бы преобразилась. Вся природная робость бѣлокурой принцессы куда-то мигомъ исчезла. «Если, — разсуждала она, — тамъ стонутъ — значитъ есть горе. А есть горе — надо ему помочь», — пронеслось въ ея мозгу. Доброе сердце молоденькой принцессы не переносило чужого страданія. И сейчасъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она быстро наклонилась къ окошку, приблизила свое поблѣднѣвшее отъ волненія личико къ отверстію и тутъ только замѣтила рѣшетку, придѣланную изнутри камеры къ окну.

— Кто вы? И что надо сдѣлать, что-бы вы не страдали? — произнесъ ея нѣжный голосокъ, обращенный въ черную мглу подземелья.

Въ ту же минуту блѣдное, изможденное лицо узника появилось передъ рѣшеткой.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ Долинскій на бѣлокурое видѣнье, представшее такъ неожиданно передъ его глазами. Онъ силился вспомнить, гдѣ видѣлъ когда-то этого миловиднаго, голубоглазаго ребенка.

— Принцесса Христина! Я узналъ вашу свѣтлость! — произнесъ онъ наконецъ почтительно, — но, Бога ради, какъ вы сюда попали?

— Ахъ, не во мнѣ дѣло!—быстро заговорила принцесса.—Вы офицеръ? Вы заключены по приказу Бирона? Да? Невинны? Да? У васъ есть семья? Дѣти?... Бѣдный, бѣдный!—роняла она слово за словомъ.—Почему вы такъ блѣдны? Васъ пытали, конечно? О, Боже!—и бѣлокурая дѣвочка схватилась за голову.

— Успокойтесь, ваша свѣтлость,—я еще не былъ подвергнутъ пыткамъ,—глухо произнесъ Юрій Никитичъ,—но сегодня... сегодня мнѣ обѣщано отвѣдать дыбы самимъ страшнымъ генераломъ Ушаковымъ.

— За что?—вырвалось взволнованнымъ, подавленнымъ звукомъ изъ груди принцессы.

Долинскій слабымъ, срывающимся голосомъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ все какъ было.

— Это дѣло Бирона! Этого жестокаго Бирона!—прошептала въ трепетѣ Христина.—О, какъ я ненавижу его за всѣ его злыя дѣла!

— Тише! ради Бога тише, Христина!

И Юліана схватила принцессу за руку.

— Или ты хочешь подвести этого несчастнаго подъ еще большія пытки?—прибавила она.

— О Юля! Юля!—прошептала принцесса,—мы должны его спасти во что бы то ни стало,

— Это безуміе! Что можемъ сдѣлать мы, двѣ слабыя дѣвочки? Сейчасъ сюда для розыска съѣдутся сановники и все пропало!

Принцесса на мгновеніе поникла головою. Потомъ лицо ея приняло сосредоточенное выраженіе.

— Юля! Юля!—прошептала она,—какъ это ужасно! Я безсильна помочь этому несчастному...

Но какъ ни тихо были сказаны эти слова, Долинскій ихъ услышалъ и отошелъ отъ крошечного оконца. Его лицо скрылось за рѣшеткой. Онъ не хотѣлъ своимъ скорбнымъ видомъ еще болѣе увеличивать отчаяніе бѣдныхъ дѣвочекъ. Вдругъ Юліана весело вскрикнула и захло-

пала въ ладоши. Христина въ ужасѣ зажала ей ротъ рукою.

— Безумная! Что ты дѣлаешь! Тамъ караульный! — вся трепеща, шептала она.

Но Юліана въ эту минуту все, казалось, забыла; и караульнаго, и опасность, и весь міръ! Лицо ея такъ и сіяло. Черные глаза лукаво блестѣли. Она протянула руку и указывала на что-то подругѣ.

— Видишь? Видишь? Вотъ гдѣ спасенье! — лепетала она.

Дѣйствительно, спасенье было возможнѣе, нежели могъ думать о томъ заключенный.

У наружной стѣны стоялъ большой ящикъ со старыми использованными гвоздями, пучками веревокъ и прочими принадлежностями хозяйства тайнаго пыточнаго отдѣла. Проницательный взглядъ Юліаны замѣтилъ крошечную дверцу, чуть высунувшуюся изъ-за ящика своими ржавыми петлями. Если отодвинуть ящикъ и открыть дверцу, то узникъ очутится на дворикѣ «тайной» и оттуда можетъ бѣжать... Лишь бы только дверь оказалась не запертой на замокъ, а то... все пропало.

Хорошенькая юная фрейлина всплеснула руками.

— Скорѣе, скорѣе! Помоги мнѣ, Христя!

— Что ты хочешь дѣлать, Юлія? — прошептала та и обычная робость замѣнила недавнюю рѣшительность дѣвочки. Она уже отчаялась въ спасеніи узника.

— Молчи! Не время теперь! — прошептала юная Мегденъ, — дѣлай то, что буду дѣлать я! — повелительно присовокупила она.

И обѣ подруги въ четыре руки принялись за работу.

Въ одинъ мигъ ящикъ былъ опорожненъ отъ гвоздей и прочей ветоши.

Обливаясь потомъ, дѣвочки неслышно дѣлали свое дѣло.

Теперь, когда все содержимое ящика валялось въ травѣ, онъ легко поддался усиліямъ слабыхъ рученокъ. Вотъ ящикъ сдвинутъ. Передъ ними дверь или, вѣрнѣе, дверца, величиною не болѣе входа въ собачью конуру.

Юліана бросила быстрый взглядъ на запоръ двери.

— Слава Богу! Замка нѣтъ, одна задвижка! Богъ смилостивился надъ несчастнымъ заключеннымъ!

Христина въ два прыжка очутилась у окна тюрьмы.

— Господинъ офицеръ, выходите, скорѣе, выходите! — прошептала она взволнованно, вперяя лихорадочно-загорѣвшіеся глаза въ темноту подземелья.

Блѣдное лицо узника снова показалось за рѣшеткой.

— Благослови васъ Богъ, принцесса! — произнесъ Долинскій, осѣняя дѣвочку крестнымъ знаменіемъ.

Въ тотъ-же мигъ щелкнула задвижка подъ быстрой рукою Юліи и торжествующая смуглянка распахнула дверцу.

— Выходите-же! — прошептала она, радостно сіяя глазами.

Лицо Юрія исчезло за рѣшеткой и сейчасъ-же появилось въ крошечномъ пространствѣ дверцы, откуда Долинскій вышелъ, согнувшись, и вслѣдъ затѣмъ предсталъ взволнованный и потрясенный передъ обѣими подругами.

— Нѣтъ словъ благодарить васъ! — произнесъ онъ вздрагивающимъ голосомъ, — но имена ваши будутъ произноситься постоянно въ моихъ горячихъ молитвахъ...

И онъ снова обратилъ признательный взоръ къ Христинѣ.

— Дастъ Богъ, я еще послужу вамъ вѣрой и правдой, ваша свѣтлость! — произнесъ онъ тихо и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ протянутую ручку молодой принцессы. Потомъ горячо пожалъ руку ея фрейлины и, перепрыгнувъ высокій заборъ «тайнаго» дво-

рика, быстро зашагалъ по набережной, съ трудомъ удерживая охватившее его безумное волненіе.

Дѣвочки снова старательно заперли роковую дверцу, придвинули къ ней ящикъ, снова наполнили его гвоздями и рухлядью и незамѣтно выскользнули со двора.

Это было какъ разъ во-время, потому что по дорогѣ къ страшному дому ѣхала коляска съ самимъ сіятельнымъ Бирономъ, очевидно пожелавшимъ лично присутствовать при розыскѣ. За коляскою Бирона, въ другой колескѣ, скакалъ во всю прыть генералъ Ушаковъ со своимъ помощникомъ и Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, генералъ-прокуроромъ того времени.

— Вотъ они направились къ «тайному домику».

— Ха, ха, ха, ха!—весело расхохоталась Юліана, когда промчавшіеся мимо нихъ экипажи скрылись за поворотомъ лѣтняго дворца.

— Что ты?—удивилась Христина—чему ты смѣешься?

— Нѣтъ! Нѣтъ, ты вообрази только, съ какимъ длиннымъ носомъ отъѣдетъ милѣйшій графъ Бирон, не найдя преступника на его мѣстѣ! Ха, ха, ха, ха! Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть его хоть въ щелочку!... А генералъ-прокуроръ?... Вѣдь никому въ голову не придетъ способъ исчезновенія. Вѣдь ключъ хранится-то у самого страшнаго Ушакова! И солдатъ нельзя подъ отвѣтъ подвести! Все на мѣстѣ Я убѣждена, что все припишутъ вмѣшательству злого духа и дьявольскаго навожденія! Ха! ха! ха!—съ громкимъ хохотомъ говорила Юліана, но вдругъ разомъ умолкла и притихла. Въ двухъ шагахъ отъ дѣвочекъ очутилась, разсерженная до нельзя ихъ таинственнымъ исчезновеніемъ, госпожа Адеркасъ.

ГЛАВА IX.

Темною ночью—черным лѣсомъ.

ЧЕРНАЯ непроходимая глушь со всѣхъ сторонъ, куда не кинешь взоромъ. Правда, лѣсъ порѣдѣлъ. Костлявая рука осени сорвала пышный зеленокудрый уборъ съ кустовъ и деревьевъ, но деревья и кусты эти такъ плотно жмутся другъ къ другу, что дѣлаютъ затруднительнымъ путь. А скрестившіяся вѣтви образуютъ чащу, въ которой жутко и темно кажется даже въ яркій лѣтній полдень, а осеннимъ октябрьскимъ вечеромъ и совсѣмъ страшно одинокому путнику, забредшему въ эту глушь.

Лѣсъ спереди, лѣсъ сзади, лѣсъ со всѣхъ сторонъ...

Худенькая, маленькая, сгорбленная странница съ котомкой за плечами одиноко бредетъ по лѣсной тропинкѣ, опираясь на посохъ. Съ нею рядомъ шагаетъ крошечная фигурка шестилѣтняго мальчика.

Странница эта Наталья Дмитріевна Долинская. Крошечная фигурка, придерживающаяся за ея юбку, Андрюша.

Вотъ уже болѣе трехъ недѣль длится ихъ путешествіе. Ушли, когда еще было теплое и солнечное бабье лѣто, а теперь совсѣмъ осень на дворѣ установилась. Подъ самымъ Петербургомъ примкнули они къ партіи богомольцевъ, направлявшихся въ Лавру подъ Троицу. Но вскорѣ пришлось отстать. Успѣть за бого-

мольцами слабой и болѣзненной Наталіи Дмитріевнѣ было не подъ силу. Къ тому же она простудилась дорогой, приходилось заходить въ крестьянскія избы ночевать, чтобы не дрожать на ночномъ воздухѣ, а богомольцы торопились. И вотъ снова мать съ сыномъ очутились одинокими путниками.

Наталья Дмитріевна изнемогала. Кашель, усталость, невыносимая боль въ груди, а пуще всего страшная, томительная неизвѣстность о дорогомъ человѣкѣ—все это подрывало силы молодой женщины. А тутъ еще крошка Андрюша не могъ идти. Поневолѣ приходилось его нести на рукахъ большую часть дороги. Кое-гдѣ имъ удавалось, правда, подрядить телѣгу, ѣдущую обратно съ ярмарки изъ какого-нибудь города. Возница, проникнутый сожалѣніемъ къ молодой богомолкѣ (какъ называла себя Наталья Долинская) и ея крошечному сынишкѣ, сажалъ ихъ къ себѣ и подвозилъ немного.

Малютка Андрюша еще мало понималъ всю опасность подобнаго пути. Напротивъ, долгое путешествіе развлекало и забавляло мальчика, а ночлеги въ курныхъ избахъ и безконечная прогулка по лѣсу, гдѣ на каждомъ шагу попадались и грибы, и красныя ягоды брусники, доставляли ему огромное удовольствіе. Онъ даже объ отцѣ не часто спрашивалъ. Матушка сказала ему, что скоро вернутся они къ нему въ Питеръ и что идутъ они къ ласковой цесаревнѣ, которую мальчикъ не иначе представляетъ себѣ, какъ царь-дѣвицей изъ маминой сказки. И любо ему было увидѣть воочію сказочную царевну. «Она навѣрное прикажетъ освободить батюшку, — думаетъ Андрюша,—и сдѣлаетъ его генераломъ. Она вѣдь царевна. Ахъ, вотъ славно бы было!» Лучшей доли, какъ быть генераломъ, Андрюша и не знаетъ. Генералъ все можетъ. Къ самой царицѣ можетъ придти и все у нея попросить, чего душѣ угодно. Одно только странно Андрюшѣ:

почему матушка въ платочкѣ и няниной кофтѣ одѣта и на ночлегахъ не иначе себя какъ дворовой женщиной господъ Щокиныхъ называетъ и говоритъ, что они идутъ на богомолье въ Лавру. Какое-же богомолье— когда они прямо къ царь-дѣвицѣ идутъ?

А время идетъ, бѣжитъ. Проходятъ, дни, недѣли. Наталья Дмитріевна уже послѣднія деньги выложила за покупку на постояломъ дворѣ молока да хлѣба, кренделькова да яблочекъ ея ненаглядному Андрюшѣ. Встрѣчные путники говорятъ, что Москва близко, но силы падаютъ и падаютъ у несчастной женщины не по днямъ, а по часамъ, кашель надрываетъ больную грудь. Вотъ и послѣдняя остановка... Большая харчевня стоитъ на краю дороги, подъ самой Москвою. Одинъ лѣсъ ее отъ селъ подмосковныхъ отдѣляетъ. Изъ оконъ харчевни привѣтливо мигаютъ веселые огоньки.

Наталья Дмитріевна боится харчевенъ и постоялыхъ дворовъ пуще всего. Тамъ могутъ ее открыть шпіоны Бирона, которыхъ, навѣрное, онъ уже разослалъ за нею слѣдомъ, чтобы, какъ и мужа, привлечь къ допросу. Наталья Дмитріевна знаетъ, что цѣлыя семьи притягиваются подъ розыски, даже чуть-ли не малыя дѣти. Но дѣлать нечего. Бояться харчевни нельзя,— надо войти: Андрюша изнемогъ отъ усталости, да и у самой голову ломитъ, ноги чуть слушаются, да и глаза слипаются отъ дремоты. Не добраться, пожалуй, до другого жилья.

И, не долго колеблясь, Наталья Дмитріевна вошла въ избу.

Въ харчевнѣ было людно и шумно. Пятеро пріѣзжихъ, по виду и одеждѣ купцовъ, играли въ карты. Какой то служивый человѣкъ, собравъ вокругъ себя слушателей, говорилъ что-то бойко и громко, размахивая руками. Онъ былъ въ короткомъ кафтанѣ и при оружіи. Форменная треуголка была сдвинута на затылокъ.

Наталья Дмитріевна тихо переступила порогъ и перекрестилась въ уголъ на икону, поклонилась хозяину, стоявшему за стойкой, и попросила его собрать имъ ужинъ.

— Далеко-ли путь держишь, молодка?—обратился къ ней тотъ, поставивъ передъ Андрюшей и его матерью горшокъ со щами и большой каравай чернаго хлѣба.

— Подъ Лавру на богомолье, родимый,—произнесла Долинская, поддѣлываясь подъ тонъ русскихъ крестьянокъ.

— А это сынишка твой, что-ли?

— Сынокъ, родимый!—пододвигая ѣду къ сонному Андрюшѣ, отвѣчала она.

При видѣ жирныхъ щей Андрюша проснулся, оживился и сталъ быстро уписывать вкусную, горячую похлебку.

Наталья Дмитріевна съ жалостной грустью смотрѣла на сынишку. Самой ей не хотѣлось ѣсть. Мучительная боль въ груди, непрерывный кашель и головокруженіе отнимали всякую охоту отъ ѣды.

«Бѣдный мальчикъ! Несчастный мой крошечка!—скорбно думаетъ бѣдная мать, не отрывая взгляда отъ лица ребенка,—не къ такимъ кушаньямъ привыкъ ты, милый, не простыя крестьянскія щи и черный хлѣбъ доводилось ѣсть тебѣ раньше...

И она глубоко, тяжело вздохнула.

Между тѣмъ усталость начала брать свое. Глаза ея стали слипаться, голова отяжелѣла и, взявъ на руки Андрюшу, молодая женщина задремала, сидя на лавкѣ.

Но сонъ не долго сковывалъ вѣки Натальи Дмитріевны: горе, боязнь за участь мужа, страхъ передъ будущимъ не давали ей продолжительнаго сна. Къ тому же зычный голосъ разсказчика не позволялъ забыться. Человѣкъ въ треуголкѣ продолжалъ разсказы-

вать собравшимся вокругъ него слушателямъ, не стѣсняясь ничѣмъ, какъ дома.

— И вотъ, государи мои, тутъ и пошла потѣха. Мы его это значитъ хвать, а онъ тягу. Мы за нимъ, а онъ отъ насъ. Онъ черезъ тынъ—мы тоже. Онъ черезъ ровъ—мы тоже. Онъ скорымъ маршемъ къ себѣ. Мы народъ собрали, кого можно. Дѣло ночное, знамо, да и что понапрасну шумѣть. Взломали ворота, взломали двери, вошли къ нему, а онъ, голубчикъ, тутъ какъ тутъ. Крутите-берите, молъ, предаюсь вамъ. Ну, и скрутили его, голубчика, какъ зайца, и потащили въ тайную канцелярію на допросъ. А тамъ—понятно что: милости просимъ, кнутъ да виски никогда не устаютъ работать!

И разсказчикъ грубо расхохотался, очень довольный своею шуткой.

При послѣднихъ словахъ его остатки тяжелой дремоты выскочили изъ головы Долинской.

Она широко раскрыла глаза и загорѣвшимся взглядомъ впилась въ лицо разсказчика.

— Ну, а дальше что?—задѣтые за живое интереснымъ повѣствованіемъ служиваго приставали къ нему любопытные слушатели.

Тотъ, не торопясь, вынулъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубочку, зажегъ ее у лучины и заговорилъ снова:

— Ну, посидѣлъ это онъ, сударики мои, день, другой, третій и вздернули его на дыбу. Все по порядку, значитъ, чинъ-чиномъ. Да только, братики, дыбы онъ, значитъ, не вынесъ. Упокоился. Отнесли его въ подземелье пока что, до времени. А на другое утро какъ пришли за тѣломъ, чтобы на Самсоніевское тащить, глядятъ, а тѣла то и нѣтъ. Исчезъ прапорщикъ-покойничекъ, точно сквозь землю провалился... Мнѣ объ этомъ мой кумъ сказывалъ, а онъ у генерала Ушакова

въ камердинерахъ служитъ. Такъ всѣ они диву, говоритъ, дивились и чуду случай этотъ приписали...

Наталья Дмитріевна жадно ловила каждое слово разсказчика. Сердце ея подсказывало, что дѣло касается такого же несчастнаго узника, какъ и ея Юрій, такого-же невиннаго страдальца.

Она вскочила со своего мѣста и, какъ была съ Андрюшей на рукахъ, приблизилась къ разсказчику, не будучи въ силахъ удержать своего волненія.

— Что это, молодка, на тебѣ лица нѣтъ?—невольно обративъ вниманіе на ея волненіе, спросилъ послѣдній.

— Ужъ очень заинтересовали, сударь...— произнесла Долинская взволнованнымъ, срывающимся голосомъ.— Больно занятенъ вашъ разсказъ... А какъ звали того несчастнаго, позвольте васъ спросить?—еще болѣе дрожащимъ голосомъ спросила она.

— Ого! Ишь струхнула, молодка! Небось, думаешь, свата, кумонька или ближняго какого родича твоего на дыбѣ погладили. Нѣтъ, мать моя, не тебѣ, мужичкѣ, чета былъ тотъ прапоръ покойный. Былъ онъ офицеромъ гвардейскаго Семеновскаго полка. Звали его Егоромъ Долинскимъ,—не безъ важности произнесъ разсказчикъ.

Дикій, пронзительный крикъ потрясъ стѣны харчевни. Наталья Дмитріевна пошатнулась, схватилась за голову и съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ, со страшнымъ воплемъ бросилась къ дверямъ, не выпуская изъ рукъ Андрюши.

— Держи! Держи ее! Хватай, братцы! Лови! Не даромъ она это... На розыскъ ее!.. Родня она, знать, тому преступному прапору... Одного поля ягоды!—кричалъ служивый, мечась и бѣгая по харчевнѣ.

Нѣсколько человѣкъ бросились слѣдомъ за бѣглянкой. Но въ темнотѣ ночи трудно было замѣтить бѣгущую. Къ тому же Долинская неслась стрѣлою, не чуя ногъ подъ собою. Безумное отчаяніе, смертельный

ужасъ гнали ее впередъ и впередъ, придавая нечеловѣческую скорость ея бѣгу. Андрюша, обвивъ рученками шею матери, едва могъ удержаться на груди ея. Онъ громко кричалъ и плакалъ, не понимая, отчего такъ стремительно бѣжитъ его матушка и кто можетъ гнаться за ними.

Да и сама Долинская врядъ-ли сознавала, куда и зачѣмъ несется она въ темнотѣ ночи. Одна мысль жжетъ ея голову, томитъ мозгъ, наполняетъ безумнымъ отчаяніемъ потрясенную душу.

— Юрій умеръ... Юрія нѣтъ... Юрій не вынесъ мученій и погибъ на дыбѣ...

Все остальное отходило отъ нея. Самая жизнь замерла въ ней и клокотала лишь въ одномъ орошенномъ кровью сердцѣ. Она не слышала ни плача, ни криковъ Андрюши, ни его дѣтской жалобы.

— Остановись! Куда ты бѣжишь, матушка? Мнѣ страшно, страшно! Матушка, остановись! — рыдалъ насмерть перепуганный мальчикъ.

А Долинская все бѣжитъ и бѣжитъ безъ передышки.

Харчевня осталась далеко за нею позади... Дорога становится глуше, чернѣе... По бокамъ, какъ привидѣнія, выростаютъ деревья, протягивая къ нимъ корявые сучья... Они въ лѣсу. Долинская бѣжитъ по лѣсу, но уже не такъ скоро, какъ прежде... Она задыхается... Сердце перестаетъ биться... Звонъ наполняетъ уши... Голова кружится... Что-то быстрой волной подкатываетъ къ горлу, и съ громкимъ стономъ молодая женщина падаетъ на траву.

ГЛАВА X.

Чудесный охотникъ.—Неожиданная встрѣча.—Сказка-быль начинается.

АТТУ! Атту его!—громкимъ, веселымъ крикомъ несется по лѣсу.

Старый лѣсъ дрогнулъ и оживился. Рѣдкое октябрьское солнышко бросаетъ сквозь обнаженныя отъ листвы верхушки деревьевъ свою меланхолическую осеннюю улыбку. Высокія липы, стройныя, гибкія бѣлостволыя березки и кусты дикаго орѣшника протягиваютъ къ нему свои оголенныя вѣтви... Любо имъ нѣжиться въ это на диво выпавшее октябрьское утро. Золотое солнышко—рѣдкій гость теперь въ осыпавшемся осеннемъ лѣсу.

— Атту! Атту его!—несется по лѣсу.

Цѣлая кавалькада всадниковъ мчится въ чащѣ. Зеленые охотничьи кафтаны «верховыхъ», опушенные мѣхомъ и расшитые позументами, яркимъ пятномъ выдѣляются среди темнаго фона оголившагося лѣса.

Веселые крики, свистъ арапника, тявканье гончихъ—все это сливается въ одинъ сплошной веселый гомонъ. Первая смѣна псовъ уже спущена. Она несется за небольшимъ живымъ клубочкомъ, вынырнувшимъ изъ кустовъ и стрѣлой помчавшимся по лѣсной полянѣ. За гончими несутся охотники на своихъ быстрыхъ коняхъ.

Впереди всѣхъ, на прекрасной вороной лошади, какую трудно, пожалуй, найти въ конюшняхъ самого султана Мароккскаго, несется юноша. Свѣжее, пра-

вильное его лицо пышетъ горячимъ румянцемъ. Синіе, лучистые глаза сверкаютъ какъ звѣзды. Яркія, пурпуровыя губы улыбаются счастливой, радостной улыбкой. Изъ подъ лихо заломленной на-бекрень собольей шапочки падаютъ золотистые кудри, струясь волною по стройнымъ юношескимъ плечамъ. Юноша такъ еще молодъ, что кажется мальчикомъ, ребенкомъ.

На немъ такой же кафтанъ, какъ и у остальныхъ охотниковъ, только много наряднѣе и богаче. Отороченный соболемъ, съ драгоцѣнными запонами по борту, онъ подпоясанъ серебрянымъ поясомъ, за который заткнутъ серебряный рогъ. На собольей шапочкѣ—дорогой аграфъ изъ сапфира, дерзко спорящій въ блескѣ съ синими глазами юноши. На ногахъ—широкія русскія шаровары изъ тончайшаго сукна и высокіе сафьяновые сапожки.

Красавчикъ-юноша на своемъ черномъ, какъ уголь, арабскомъ конѣ далеко опередилъ всѣхъ другихъ охотниковъ.

Впереди него только гончія да преслѣдуемый ими зайчишка. Вотъ онъ бѣлымъ снѣговымъ комочкомъ, протянувъ вдоль спины трусливыя ушки, несется, почти не касаясь лапками земли, скосивъ и безъ того косые глазенки, наполненные смертельнымъ ужасомъ смерти. Уйти бы отъ злыхъ псовъ, укрыться...

Да нѣтъ, куда ужъ! Не спастись зайчишкѣ!.. Вотъ онъ юркнулъ въ кусты. Гончія за нимъ... Дико вскрикнулъ зайчикъ предсмертнымъ крикомъ, похожимъ на плачъ ребенка. Въ отвѣтъ на этотъ крикъ послышался лай собакъ.

— Марсъ!.. Быстрый!.. Сюда! Аппортъ!—громко произнесъ красавчикъ-юноша и его звонкій голосъ бархатистою волною пронесся по лѣсу. Но собаки, обыкновенно покорныя своему господину, теперь и не думали повиноваться. Онѣ лаяли и тявкали, возясь въ кустахъ.

— Сюда, Марсъ, сюда, Быстрый!—еще разъ крикнулъ юный охотникъ и чутко насторожился на минуту. Но собаки не хотятъ повиноваться. Тогда красавчикъ-охотникъ, съ трудомъ удерживая въ себѣ закипающую досаду и гнѣвъ, быстро соскочилъ съ коня, подвелъ его къ дереву, привязалъ поводомъ къ нѣжному стволу березки и шагнулъ по направленію того мѣста, гдѣ раздавался лай собакъ.

— Марсъ, Быстрый! Сюда! Ко мнѣ! Негодные!— крикнулъ онъ еще разъ и быстрой рукою раздвинулъ кусты.

Посреди крошечной полянки лежалъ мертвый зайчишка съ перекушеннымъ горломъ. Неподалеку отъ него, глухо тявкая, стояли гончія. Но не заяцъ, не гончія, а нѣчто иное, необычайное, привлекло вниманіе юнаго охотника: подъ развѣсистой липой стоялъ маленькій мальчикъ съ темными кудрями и очаровательнымъ личикомъ и смотрѣлъ во всѣ глаза на охотника. Малютка произнесъ шопотомъ:

— Тише... Тише, дядя! Уйми твоихъ собакъ, дядя ... Онѣ своимъ лаемъ разбудятъ мою матушку... Она спитъ, дядя!.. Пожалуйста, уйми твоихъ собакъ!

Неизъяснимая мольба сквозила въ прелестныхъ, черныхъ глазахъ ребенка.

Юный охотникъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на малютку, такъ неожиданно появившагося въ лѣсной глуши въ ранній часъ октябрьскаго утра.

— Тубо, Марсъ, тубо, Быстрый!—грозно прикрикнулъ юный охотникъ на собакъ, которыя теперь, при властномъ окрикѣ ихъ господина, стали мирно обнюхивать мальчика.

— Кто ты и откуда забрелъ сюда, прелестный ребенокъ?—произнесъ юноша, быстро приблизившись къ маленькому человѣчку и кладя руку на его чернокудрую головку.

— Ахъ, дядя, мы съ матушкой издалека пришли,— спокойно произнесъ ребенокъ.—Изъ самаго Петербурга... То шли, то ѣхали, когда добрые люди соглашались насъ подвезти за серебряные грошики, которые давала имъ матушка... А потомъ пришли въ большую избу... Въ избѣ было много, много народу... Всѣ громко кричали и смѣялись. Такъ громко, что мнѣ стало страшно. Потомъ одинъ изъ нихъ, самый важный, должно быть, сказалъ что-то матушкѣ, отчего она вдругъ закричала и побѣжала изъ большой избы прямо на дорогу и въ лѣсъ!.. Это было еще страшнѣе, дядя... Я плакалъ и кричалъ и просилъ остановиться. А матушка и слышать не хотѣла! Все бѣжала и бѣжала, пока не упала на траву... И я упалъ вмѣстѣ съ нею, только не стукнулся, потому что попалъ въ мохъ... Потомъ я уснулъ... и она уснула... Хочешь, я сведу тебя къ ней? Она здѣсь недалеко и все еще спитъ, а я пробудился, только не сталъ будить матушку. Она такъ утомилась, бѣдненькая, за дорогу... Мы очень долго шли... Пусть отдохнетъ, думаю, хорошенько.

— Куда-же вы шли, малютка?—спросилъ заботливо юноша и взоръ его ласково остановился на чистыхъ дѣтскихъ глазенкахъ.

Личико мальчика вдругъ разомъ приняло радостное выраженіе.

— Мы шли къ царь-дѣвицѣ!—торжественнымъ тономъ взрослаго произнесъ онъ.—Ахъ, ты ее не знаешь, дядя! Она живетъ далеко, далеко! Ее заточили въ теремъ злые великаны и не пускаютъ въ родное царство ея отца... Ахъ, какая она ласковая и добрая! И какъ рвется къ своему народу, и какъ любитъ его!.. Въ маминой сказкѣ такъ говорится... И она такая красавица, что другой такой нѣтъ на свѣтѣ... Глаза у нея—солнце. И какъ взглянетъ на кого-нибудь—такъ у того птички запоютъ на душѣ и такъ легко, легко станетъ...

Малютка даже разгорѣлся, разсказывая это. Яркимъ румянцемъ запылали нѣжныя щечки, звѣздочками загорѣлись темные глазки.

Онъ былъ чудно-хорошъ въ это мгновеніе.

Юный охотникъ внимательно слушалъ его, не скрывая своего восхищенія. Въ то же время назойливая мысль не переставала сверлить его мозгъ.

Послѣ недолгаго раздумья онъ снова обратился къ малюткѣ:

— Ты очень любишь царь-дѣвицу, крошка? Кстати, какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Андрюша. А царь-дѣвицу я люблю больше всего въ мірѣ послѣ матушки и отца!.. Вѣдь это въ сказкѣ она царь-дѣвица только, а по настоящему она царевна. Мой крестненькій служитъ у нея. Она, бѣдненькая, обижена злыми людьми. Крестненькій писалъ въ письмахъ, что ей не легко живется. Ей хочется скорѣе въ родной городъ, гдѣ у нея вѣрные слуги, которые не позволятъ ее обижать...

— А какъ зовутъ твоего крестненькаго, Андрюша?

— Алексѣй Яковлевичъ. Онъ ближній человѣкъ царевны. Ты его не знаешь-ли, дядя? Мы шли къ нему тоже сказать, что батюшку взяли злые люди и чтобы онъ заступился за него передъ царь-дѣвицей.

Что-то неуловимое, какъ лучъ зарницы, промелькнуло въ свѣтлыхъ глазахъ юноши-охотника. Онъ сдвинулъ брови, отчего лицо его приняло скорбное и гнѣвное выраженіе.

— Еще одна невинная жертва рукъ Бирона! — прошепталъ онъ чуть слышно и потомъ, снова обратясь къ маленькому человѣчку, съ прежней ласковой улыбкой сказалъ:

— Ну, веди меня къ твоей матушкѣ, Андрюша. Мы разбудимъ ее и я провожу васъ и къ твоему крестненькому, и къ самой царевнѣ!

— Проводишь, да?—радостно вырвалось изъ груди малютки, и въ одно мгновеніе онъ кинулся на шею юнаго охотника и звонко чмокнулъ его въ румяныя губы.—Ахъ, какой ты добрый, ласковый, дядя! Идемъ-же, идемъ къ матушкѣ, разбудимъ и порадуемъ ее!

И малютка быстро ухватилъ рученкой полу щегольского кафтана юноши и потащилъ его за собою въ кусты.

Подъ вѣтвями дикаго орѣшника, разметавъ руки, лежала Долинская. Ея лицо было смертельно блѣдно. Густая коса, выбившаяся изъ подъ платка, струилась волною вдоль тѣла. Глаза были сомкнуты. Ротъ полуоткрытъ. Страдальческое выраженіе застыло въ осунувшихся, измученныхъ чертахъ спящей.

— Вотъ моя мама! Сейчасъ мы ее разбудимъ!—произнесъ шопотомъ Андрюша и быстро подошелъ къ спавшей, нагнулся, взялъ ея руку и... съ легкимъ крикомъ подался назадъ.

Рука Наташи была холодна какъ мраморъ.

Жизнь навсегда покинула измученное тѣло несчастной. Она была мертва...

Какъ разъ въ эту-же минуту стукъ лошадиныхъ копытъ послышался поблизости и нѣсколько всадниковъ выскочили на полянку.

Впереди ѣхали двое, одѣтые богаче и наряднѣе остальныхъ. Черноусый мужчина не русскаго типа, среднихъ лѣтъ, съ довольнымъ, веселымъ лицомъ, съ искрящимся юморомъ и весельемъ взглядомъ живыхъ, проницательныхъ, черныхъ глазъ, и молодой красавецъ-прапорщикъ, съ честнымъ, открытымъ и смѣлымъ лицомъ.

Черноглазый мужчина соскочилъ съ коня, приблизился къ странной группѣ и, обращаясь къ юношѣ-охотнику, произнесъ почтительно:—Ваше высочество изволили опередить насъ... Ваше высочество соединяетъ въ себѣ стремительность Діаны съ ловкостью и быстротою Ахилла... Но что сіе значитъ—этотъ малютка подлѣ ва-

шего высочества?—спросилъ онъ, глядя съ недоумѣніемъ то на трупъ женщины, лежавшій на землѣ, то на маленькаго мальчика, уцѣпившагося за руку юноши-охотника.

— Мой вѣрный Лестокъ, самъ Богъ посылаетъ васъ ко мнѣ на помощь и васъ, ребята!—крикнулъ юноша-охотникамъ.—Гаврило Извольскій,—вызвалъ онъ затѣмъ изъ толпы рыжаго охотника-стремянного,—позаботься объ этой покойницѣ. Тебѣ поручаю ее. Сдѣлайте носилки и доставьте ее въ слободскую церковь. А ты, Алексѣй Яковлевичъ, пойди сюда,—поманилъ онъ молодого прапорщика, при первомъ же звукѣ этого бархатнаго голоса соскочившаго съ коня.

— Не узнаешь развѣ?—и юноша-охотникъ выставилъ впередъ Андрюшу передъ изумленнымъ взоромъ прапорщика.

Тотъ окинулъ взоромъ крохотную фигурку и, полный изумленія, граничившаго почти съ испугомъ, вскричалъ:

— Маленькій Долинскій! Мой крестникъ!

— Крестненькій!—послышался звонкій отвѣтъ, и Андрюша со всѣхъ ногъ кинулся въ широко раскрывшіяся ему объятія. Крѣпко поцѣловавъ своего крестника, Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, исполненный волненія, кинулся было къ его матери, но чья-то нѣжная рука легла на его плечо.

— Тамъ все кончено, Алеша,—послышался надъ нимъ голосъ юноши-охотника.—Ей ничѣмъ не поможешь уже... Позаботься теперь о ребенкѣ. Мальчикъ уменъ и хорошъ какъ картина. Я хочу его сдѣлать моимъ пажомъ.

— Воля вашего высочества для меня священна,—произнесъ Шубинъ и, подхвативъ на руки ребенка, понесъ его къ своему коню.

— Стой! куда ты меня несешь отъ матушки и

ласковаго дяди, крестненькій? — тревожно вырвалось изъ груди Андрюши.

— Не бойся, милый! Твою маму привезутъ слѣдомъ за нами.

— А ласковый дядя? Онъ тоже поѣдетъ со мной? Онъ вѣдь обѣщалъ проводить меня къ самой царь-дѣвицѣ... Подожди его!

Голосокъ малютки достигъ до ушей юноши-охотника. Онъ оглянулся, быстрыми шагами приблизился къ Шубину и, протянувъ руки къ находившемуся въ его объятіяхъ Андрюшѣ, произнесъ чуть слышно:

— Бѣдный малютка! Клянусь, я замѣню тебѣ отнынѣ тѣхъ, кого ты потерялъ по волѣ злодѣевъ.

И потомъ, быстрымъ движеніемъ, съ ласковымъ возгласомъ добавилъ, срывая шапку съ головы:

— Андрюша! Милый! Ты не узнаешь меня развѣ?

Отъ этого быстраго движенія тяжелая русая съ золотымъ отливомъ коса скользнула съ головы и мягкими волнами заструилась вдоль зеленаго кафтана юноши. Синіе глаза лучисто засіяли навстрѣчу глазамъ ребенка. Румяныя уста улыбались нѣжной, кроткой дѣвичьей улыбкой.

Темные глаза Андрюши широко, изумленно раскрылись. Нѣсколько секундъ растерянно мигали черныя рѣсницы. Вдругъ вдохновенная улыбка озарила вспыхнувшее личико ребенка.

— Да, да, я узнаю тебя! Ты царь-дѣвица изъ матушкиной сказки! — вскричалъ онъ и изо всѣхъ силъ рванулся навстрѣчу прекрасному видѣнью.

ГЛАВА XI.

Добрый геній Покровскаго.

ОКТЯБРЬСКІЙ день клонился къ вечеру. Во многихъ избахъ Покровской слободы зажглись лучины, засвѣтились огоньки, прорѣзавшіе темноту раннихъ осеннихъ сумерекъ. Круглолицый мѣсяцъ выплылъ изъ-за темнаго облака и озарилъ тихимъ причудливымъ свѣтомъ и тесовыя, крѣпкія избы, и широкую слободскую улицу, и окруженный тыномъ цесаревнинъ дворецъ.

Въ 1730 году юная, восемнадцатилѣтняя дочь Петра I и Екатерины поселилась здѣсь, въ своей родной слободѣ. И прежде, въ царствованіе малолѣтняго царя Петра II, своего племянника, она наѣзжала сюда. Здѣсь она отдыхала отъ придворныхъ затѣй, баловъ, «машкарадовъ» да пировъ охотничьихъ, до которыхъ юный царь былъ большой охотникъ. А какъ скончался юный императоръ, и вступила на престолъ бывшая герцогиня Курляндская, да начались интриги да подкапыванія не въ мѣру рьяныхъ слугъ новой государыни подъ нее, цесаревну, Елизавета удалилась въ свою подмосковную вотчину, Покровскую слободу, проживая то въ ней, то дѣлая изъ нея наѣзды въ другое свое владѣніе, село Александровское.

Здѣсь, вдали отъ шумной придворной жизни, мирно да тихо протекала жизнь цесаревны. Когда императрица, уговоренная Минихомъ и другими вельможами изъ

сотрудниковъ покойнаго царя-преобразователя и горячими его сторонниками, согласилась для блага правленія переѣхать всѣмъ дворомъ изъ Москвы въ Петербургъ, одна цесаревна Елизавета не послѣдовала за шумной свитой государыни. Она осталась въ Покровскомъ, зная, что ретивые приспѣшники уже успѣли вооружить противъ нея императрицу своими наговорами и возбудили незаслуженный гнѣвъ Анны Іоанновны къ ея соперницѣ по праву на русскій престолъ. Поселившись въ Покровскомъ, красавица-цесаревна и не думала, однако, о своемъ правѣ быть русской царицей. Она вся ушла въ веселыя деревенскія развлеченія. Въ лѣтнюю пору она собирала крестьянскихъ дѣвушекъ на широкій слободской лугъ и водила съ ними безконечные хороводы, запѣвая своимъ дивнымъ голосомъ ею самою сочиненныя пѣсни. Зимою же устраивала катанья съ горъ по широкой слободской улицѣ съ тѣми же дѣвушками и парнями, молодыми слобожанами, готовыми въ огонь и въ воду идти за ласковую царевну. А осенью, въ сопровожденіи своего неизмѣннаго гвардейскаго прапорщика Семеновскаго полка Алексѣя Шубина, врача или лейбъ-хирурга, горячо преданнаго цесаревнѣ, Армана или Германа Лестока, да любимаго стремянного, Гаврилы Извольскаго, ѣздила на охоту, то на псовую, то на соколиную, сообразно своему желанію, но всегда успѣшную и веселую, какъ сама царевна. Въ мужскомъ костюмѣ, смѣлая, ловкая, подвижная, похожая на красавца-мальчика въ своихъ охотничьихъ шароварахъ и кафтанѣ, она безстрашно носилась по оврагамъ, по полямъ и болотамъ—прекрасная, смѣлая, молодая...

Но не однимъ весельямъ предавалась царевна. Она ходила по крестьянскимъ избамъ, готовая помочь по первой просьбѣ, малѣйшей просьбѣ своихъ слобожанъ. Здѣсь дастъ денегъ на покупку новой коровы замѣсто павшей Буренки, тутъ справитъ приданое неимущей

Къ главѣ XIII.

Сорвавъ съ головы треуголку, онъ поклонился дѣвушкамъ...

невѣстѣ и снарядитъ ее къ вѣнцу, тамъ креститъ ребенка у бѣднаго мужичка и щедрой рукой одѣляетъ его родителей. А достаточнымъ людямъ, которымъ не требуется помощи, такъ просто улыбнется да скажетъ ласковое слово. И отъ этого слова расцвѣтаютъ самыя мрачныя, самыя унылыя лица. Отъ этого взгляда тепло и радостно становится у всѣхъ на сердцѣ. Души не чаютъ слобожане въ ласковой царевнѣ.

— Красавица, лебедка наша бѣлая! Солнышко красное, — несутся возгласы всюду за нею.

Нѣтъ человѣка, который бы, зная о ней, не любилъ царевну. Любятъ ее слобожане, и любитъ русскій народъ. Несется о добротѣ и кротости царевны стоустная молва изъ слободы въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ. Боготворятъ ее слобожане-мужички, боготворятъ и солдатики-гвардейцы. Хоть далеко отъ нихъ заѣхала царевна, но знаютъ они, какая она ласковая да обходительная, знаютъ они и то, что дочь она Петра, создавшаго молодую русскую гвардію... И тихо, тихо, подобно шелесту вѣтра, несется чуть внятный, недоумѣвающій шопотъ по Руси: «Почему не родная дочь Петра Великаго, прирожденная царевна, на престолѣ? Почему ласковая, кроткая русская красавица не занимаетъ отцова мѣста?»

ГЛАВА XII.

Цесаревнины грезы.

НОЧЬ плыветъ, тихо крадучись, и окутываетъ своимъ темнымъ пологомъ Покровскую слободу.

Слабые, томные лучи золотого мѣсяца прокрадываются сквозь высокія деревья царевнинаго дворца, заглядываютъ сквозь кисейную занавѣску въ окно горницы и освѣщаютъ пышную, высоко взбитую постель, богатый кіотъ съ серебряными складнями и хрустальную лампаду, тихо мерцающую передъ строгими ликами святыхъ угодниковъ...

Цесаревнѣ не спится. Цесаревна лежитъ, широко разметавъ свои полныя руки и подсунувъ ихъ подъ голову. Тяжелая русая коса вьется жгутомъ, перекинутая на грудь. Глаза ея широко раскрыты. Въ нихъ тоска и печаль: недавняя встрѣча въ лѣсу взволновала царевну. Эта мертвая женщина, убитая горемъ, этотъ сиротаребенокъ не выходятъ изъ головы цесаревны. Женщина схоронена уже, какъ и подобаетъ ея дворянскому званію, на церковномъ погостѣ. Ея ребенокъ—очаровательное созданіе—въ надежныхъ рукахъ. Самъ Алеша Шубинъ, любимый ѣздовой царевны, и ея приближенная фрейлина и другъ неразлучный, Мавруша Шепелева, взяли его на свое попеченіе. Но что толку? Кто поручится за то, что новыя жертвы Бироновыхъ козней не будутъ нуждаться въ такой же помощи? Русь переживаетъ тяжелыя времена. Любимцы прежняго царствованія, Долго-

рукіе, въ ссылкѣ. Что ждетъ ихъ, — неизвѣстно. Дѣло о нихъ еще идетъ. Въ тайной канцеляріи гибнутъ лучшія силы государства по одному только наговору усердныхъ клевретовъ Бирона. А еще такъ недавно были лучшія времена! Правда, кровь лилась порою и раньше, но то было слѣдствіемъ справедливаго гнѣва. Добрый отецъ, царь-преобразователь, заботясь о хорошихъ всходахъ, вырывалъ плевелы съ огромной нивы-Россіи. И при одномъ воспоминаніи о томъ хорошемъ времени глаза цесаревны принимаютъ снова счастливое выраженіе, губы улыбаются почти дѣтской радостной улыбкой. И золотые сны кружатся надъ головкой юной красавицы. Картины прошлаго встаютъ передъ ней...

Чудный лѣтній день чудится царевнѣ. Солнышко такъ и палитъ, такъ и жжетъ во всю. Своимъ блестящимъ изумруднымъ уборомъ сверкаетъ въ лучахъ его красавица-Нева. Словно жемчужными ожерельями затканa ея поверхность по зеленому полю. По Невѣ плывутъ ялики. Вотъ скользитъ весь въ жемчужныхъ брызгахъ одинъ изъ нихъ. Въ немъ сидятъ двѣ дѣвочки и мужчина. На дѣвочкахъ красныя шерстяныя юбки, простыя канифасовыя кофточки и круглыя шляпки — обычный костюмъ женъ и дочерей саардамскихъ плотниковъ. Но лица у дѣвочекъ не голландскія, иноземныя, а чисто русскія, сіяющія личики. А тотъ, кто сидитъ на веслахъ и быстрыми, мощными взмахами ихъ разрѣзаетъ блестящую поверхность рѣки, не простой лодочникъ. Печать величія лежитъ на его смѣломъ, умномъ лицѣ. Печать величія покоится въ могучихъ орлиныхъ взорахъ. При видѣ его колоссальной фигуры люди во встрѣчныхъ лодкахъ поспѣшно вскакиваютъ, срываютъ шляпы и отвѣшиваютъ низкіе поклоны. И при этомъ восторгъ и раболѣпный страхъ появляются на ихъ смущенныхъ лицахъ. Они трепещутъ передъ могучимъ гребцомъ-богатыремъ, ведущимъ яликъ. Только дѣвочки-

голландочки не боятся его. Старшая изъ нихъ—черненькая, миловидная, съ кроткимъ, немного мечтательнымъ личикомъ—сидитъ спокойно на лавочкѣ, чинно подобравъ подъ себя юбку, какъ взрослая, и сложивъ на колѣняхъ руки. За то младшей, быстроглазой, бѣлокурой шалуньѣ не сидится на мѣстѣ. Она то оглянется, окидывая быстрымъ взоромъ рѣку, то устремляетъ прямо въ лицо гребцу смѣлые и смѣющіеся взоры.

«Ишь, какъ старается батюшка-государь,—думаетъ проказница,—инда въ потъ ударило. Нѣшто освѣжить его маленько!»

И, недолго колеблясь, наклоняется къ борту и почерпываетъ воды въ пригоршню.

«Брызнуть или не брызнуть?—проносится вихремъ шаловливая мысль въ бѣлокурой головкѣ. — Анъ, брызну!»

И сверкающія брызги летятъ въ лицо Петру.

«Вотъ и брызнула!.. Ай да молодецъ царевна Лизута!»—одобряетъ себя дѣвочка, а у самой поджилки дрожатъ.—Не разгнѣвается, чего добраго, государь-батюшка, не осерчаетъ-ли?

Но государь-батюшка зажмурился только. Потомъ глаза его съ недоумѣніемъ скользнули по сторонамъ и вдругъ встрѣтились съ широко раскрытымъ, смѣющимся взглядомъ шалуньи.

— Я тебѣ задамъ, егоза! Погоди вотъ, ужотко!—разомъ понявъ въ чемъ дѣло, грозитъ онъ пальцемъ, а самъ утирается и смѣется.

И любо, любо царевнѣ Лизѣ. Хорошо ей и отъ ласки родимаго батюшки, и отъ сочувствующей улыбки сестры Аннушки, и отъ изумруднаго блеска красавицы-рѣки. Вѣкъ бы каталась такъ! Хорошо, славно!

. . . . . .

А вотъ и другая картина далекаго, милаго дѣтства. Морозный январьскій денекъ выдался на славу. Она,

царевна Лиза, сидитъ у окошка за урокомъ французскаго языка у «мадамы». Урокъ кажется очень скучнымъ. Царевну тянетъ въ дворцовый садъ, или, какъ его называютъ, «огородъ». Тамъ государь-батюшка наканунѣ велѣлъ устроить гору для потѣхи дочекъ. И вотъ сейчасъ принесли туда санки. За санками прибѣжали фрейлины, прибѣжала царевна Аннушка подъ надзоромъ своей «мамы» (т.-е. няньки), строгой Авдотьи Ильиничны. Кричатъ, шумятъ, хохочутъ. Громче всѣхъ раздается веселый голосокъ младшей фрейлины, одиннадцатилѣтней Маврушки Шепелевой. Подбѣжала она къ оконцу, у котораго сидѣла царевна Лиза, притиснула къ нему свое лукавое, бойкое, курносое личико и кричитъ:

— Выходи, ваше высочество, безъ тебя скучно, царевна!

— И то выходи, кончай скорѣй урокъ, Лиза! — вторитъ ей нѣжный голосокъ сестры, царевны Аннушки.

Хорошо имъ говорить «кончай да кончай», а каково ей — Лизѣ? «Мадама» Латуръ-Лануа глядитъ на нее строго-престрого и водитъ пальцемъ по мелко исписаннымъ строкамъ французскихъ писемъ. «Носъ у Латурши длинный-предлинный, совсѣмъ какъ у фельдмаршала Шереметьева! — неожиданно рѣшаетъ, задумавшись, царевна, — или нѣтъ — подлиннѣе будетъ». И пошалить-то ей хочется, и на гору пойти къ сестрицѣ и фрейлинамъ до смерти хочется, но француженка не пускаетъ. Хоть плачь... «Же ву при!.. Же ву при!» — только и слышно... «У-у, носъ противный!» — Царевна Лиза готова расплакаться отъ злости.

Вдругъ широко распахивается тяжелая дверь.

— Что, занимаешься, умница? — слышится знакомый зычный голосъ, и самъ отецъ-государь входитъ въ комнату.

— А, ну, покажь-ка твое умѣнье, разумница! — говоритъ онъ, ласково кивнувъ въ отвѣтъ на почтительный реверансъ «мадамы» и присаживаясь на табуретъ рядомъ съ дочкой. Въ жаръ бросило Лизу. Крупныя капли пота выступили у нея на лбу. Съ трепетомъ беретъ она страницы французскихъ писемъ и начинаетъ переводить ихъ трепещущимъ голосомъ.

«Ой, совру, ой, перепутаю!»—стучитъ и мается ея трепетное сердчишко.

Но не соврала и не перепутала. Не осрамилась царевна.

Государь доволенъ. Поцѣловалъ курчавую головку.

— Молодецъ, Лизутка! Изрядно калякаешь. Быть тебѣ королевой французской! — смѣется царь.

Но подъ этимъ смѣхомъ — знаетъ царевна — истина скрывается, потому что ея родитель хлопочетъ сосватать дочку за короля французскаго Людовика XV.

— Молодецъ, дочка! — еще разъ повторяетъ царь и потомъ прибавляетъ, раздумчиво глядя куда-то вдаль своими орлиными очами:

— Счастливы вы, дѣти, что васъ учатъ съ малолѣтства всякимъ наукамъ... Кабы меня такъ-то выучили въ свое время, я бы на радостяхъ, кажется, не задумываясь, палецъ далъ отрубить на рукѣ своей!..

И тутъ царь заявляетъ «мадамѣ», чтобъ отпустила царевну въ «огородъ»... И царевна, сломя голову, бѣжитъ къ дожидавшимъ ее фрейлинамъ...

. . . . . .

Новые сны... Новая картина...

Шумитъ, кипитъ веселая «ассамблея», какъ велѣлъ называть царь Петръ Алексѣевичъ устраиваемыя имъ самимъ, и вельможами вечеринки. Гостепріимные хозяева, князь Александръ Даниловичъ и его супруга, княгиня

Дарья Михайловна Меньшиковы, умѣютъ потѣшить, позабавить царя и его семейство. Просторны палаты «свѣтлѣйшаго», раскинутыя на самомъ берегу Васильевскаго острова. Весело и людно въ нихъ, какъ никогда. Рядомъ со знатными русскими вельможами здѣсь и простые мастера-нѣмцы изъ Нѣмецкой слободы. Любитъ этихъ мастеровъ Петръ за умѣнье и усердіе въ трудѣ и чуть-ли не предпочитаетъ ихъ русскимъ въ дѣлѣ работы.

Въ одной изъ обширныхъ горницъ играютъ въ шашки и шахматы, въ другой танцуютъ.

Подъ чарующіе звуки собственнаго княжескаго оркестра, въ плавномъ полонезѣ, мѣрно выступаютъ пары.

Танцуетъ сама царица, танцуютъ царевны.

Старшая, Анна, высокая, черноокая, тоненькая, четырнадцатилѣтняя дѣвушка, съ мечтательнымъ взглядомъ, граціозно выступаетъ объ руку со своимъ женихомъ, Гольштинскимъ принцемъ Карломъ. Старательно выдѣлываетъ «па» эта полудѣвочка-полудѣвушка, по всѣмъ правиламъ танцовальнаго искусства, какъ училъ ее и ея сестру нарочно царемъ изъ Италіи вытребованный искусный танцмейстеръ Антоніо Фузано. Не хочется ей выказаться неумѣлой и неловкой передъ лицомъ жениха. Царевнѣ Лизѣ не передъ кѣмъ выказываться, ея время еще не пришло. Дѣло съ французскимъ королемъ сорвалось и нѣтъ у нея жениха покамѣстъ. Но и она пляшетъ и рѣзвится, какъ ребенокъ, во всю, отъ души. Такъ и глядитъ кругомъ какъ-бы набѣдокурить. Поймала самого свѣтлѣйшаго за рукавъ, тянетъ.

— Со мною, Данилычъ! Со мною, князь!

— И-и, что ты, царевна! Не мастеръ я плясать-то. Да и толстъ, отяжелѣлъ. Постойко-сь, я тебѣ другого кавалера достану, молоденькаго.

— Не хочу я молоденькаго! Хочу съ тобою! — смѣется дѣвочка.

— Уволь, царевна!

— А не хочешь, такъ скажу батюшкѣ, что отъ дамы отнѣкиваешься... Онъ тебя за это поподчуетъ изъ кубка Большого орла [1],—грозится царевна, а сама заливается, хохочетъ.

Нечего дѣлать! Пускается старый, толстый Меньшиковъ въ плясъ съ маленькой царевной.

А царевнѣ того и надо только. Завертѣла, закрутила старика въ сложныхъ фигурахъ полонеза. Пыхтитъ, отдувается Данилычъ. Потъ съ него градомъ льется.

— Смилуйся, пощади, матушка-царевна! — молитъ князь.

Смилостивилась Лиза. Да и надоѣлъ ей порядкомъ ея неуклюжій кавалеръ. Къ тому-же къ ней направляется стройная, удивительно величественная фигура красавца-генерала. Быстрая, живая походка, смѣлый соколиный взглядъ, румяныя щеки позволяютъ ему казаться много моложе его 40 лѣтъ.

— Ваше высочество, удостойте! — низко склоняется онъ передъ двѣнадцатилѣтней царевной въ почтительно-рыцарскомъ поклонѣ.

Царевна вспыхиваетъ отъ удовольствія.

Еще-бы! Какъ-же ей не гордиться своимъ кавалеромъ! Вѣдь этотъ кавалеръ — это генералъ Минихъ, лучшій танцоръ.

Плавный полонезъ смѣняется степеннымъ менуэтомъ. Царевна Лиза не любитъ менуэта. Встанутъ другъ противъ друга кавалеры и дамы и ну кланяться. Что тутъ веселаго? То-ли дѣло англійская кадриль! Ноги сами

---

[1] На Петровскихъ вечеринкахъ, выдуманныхъ самимъ царемъ, былъ установленъ штрафъ за малѣйшую виновность въ смыслѣ нарушенія этикета. Провинившагося заставляли въ наказаніе выпить огромный бокалъ вина, носившій названіе «кубка Большого орла». Самъ царь слѣдилъ за исполненіемъ приговора.

такъ и просятся въ плясъ! Но вотъ музыка заиграла кадриль. Наконецъ! Слава Богу!

Пляшетъ, рѣзвится царевна. Глаза блестятъ, щеки пышутъ. Чудные звуки заморскихъ скрипокъ такъ и вливаются въ душу. Вѣкъ бы такъ плясать да рѣзвиться на Меньшиковской ассамблеѣ...

. . . . . .

Новая пора—новыя думы...

Чудный весенній вечеръ. Голубоватый дымокъ скользитъ надъ Петровымъ городомъ. Городъ растетъ и строится не по днямъ, а по часамъ, а его великій основатель лежитъ въ могилѣ... Горько плакала по отцу царевна Лиза. До тѣхъ поръ плакала, пока не явился къ ней утѣшитель. Недавно лишь пріѣхалъ изъ Гольштиніи «нѣкто» и съ тѣхъ поръ точно переродилась семнадцатилѣтняя красавица-царевна. Что-то невѣдомое толкнулось ей въ сердце. Какое-то незнакомое доселѣ чувство всплыло изъ глубины души...

Чудный майскій вечеръ повисъ надъ столицей. Хорошо стало весною въ зазеленѣвшемъ «огородѣ», разросшемся вокругъ лѣтняго дворца. Липы цвѣтутъ и сладкимъ ароматомъ наполняютъ воздухъ. Царевна Елизавета сидитъ на скамейкѣ. Рядомъ съ ней «нѣкто». Этотъ «нѣкто» — двоюродный братъ принца Гольштинскаго, жениха сестры Анны, принцъ Карлъ-Августъ Любскій.

Липы тихо шелестятъ молоденькой, свѣжей листвою... Легкій вѣтерокъ пугливо прячется въ ихъ пахучихъ вѣтвяхъ... И вотъ, откуда ни возьмись, дрогнула, зазвенѣла сладкая соловьиная пѣсня. Дивными тоскующими переливами несется она надъ опущенной головкой царевны, то нѣжно, какъ-будто жалуясь на что-то, то безпечно и звонко смѣясь.

Заслушалась пѣсни воспитательница царевны, Лискена Ивановна. Навѣяла и на почтенную воспитательницу сладкія грезы эта пѣснь, и точно забыла Лискена Ивановна

про царевну Лизу, которая сидитъ рядомъ, на скамьѣ, одна со своимъ женихомъ.

Хорошъ, молодъ, пригожъ ласковый принцъ.

— Милая! — шепчетъ онъ чуть слышно нѣжнымъ, какъ звуки невидимой музыки, голосомъ. — Милая, скоро, скоро наша свадьба... Скоро увезу я въ далекій Любекскій замокъ прекрасную, юную принцессу, подарившую меня сказочнымъ счастьемъ...

И тоскливо, и сладко на душѣ царевны Лизы отъ этого нѣжнаго, мягкаго голоса. Любъ ей пригожій принцъ, но люба и Россія. Жаль разстаться ей съ дорогой родиной, съ любимой матушкой, съ близкими сердцу русскими людьми... И рвется, мечется юное сердечко... Любитъ она своего жениха, но матушку-Россію еще пуще того, кажется, любитъ... Какъ же быть?.. Думаетъ, думаетъ цесаревна и долго рѣшить не можетъ... А пѣснь соловушки звенитъ таинственною, пѣвучею сказкою, точно подсказывая царевнѣ рѣшеніе...

Но увы! — не суждено сбыться счастью цесаревны... Все прошло, все минуло, кануло въ вѣчность. Золотые сны исчезли, какъ грезы. Скрылось свѣтлое невозвратное времячко. Страшный мракъ воцарился кругомъ. Умеръ прекрасный, нѣжный юноша, принцъ Любскій, умерла матушка-царица. Уѣхала въ Киль сестра Аннушка, и черезъ годъ пришло извѣстіе оттуда, что скончалась бѣдная Гольштинская принцесса, подаривъ сыномъ молодого супруга своего.

Горючими слезами обливалась цесаревна, потерявъ почти единовременно троихъ близкихъ людей. Но при дворѣ нельзя долго плакать. Тамъ не любятъ убитыхъ, тоскливыхъ лицъ. А юный царь Петръ II особенно не любитъ. Веселье и потѣхи — вотъ его жизнь.

Кишитъ масками веселая «машкерада». Все, что есть лучшаго среди вельможъ, ихъ женъ и дѣтей, — собралось въ Петергофскомъ дворцѣ. Празднуетъ юный Петръ

свое избавленіе отъ тяжелой опеки Меньшикова, а заодно и отъ нелюбимой невѣсты, дочери всесильнаго до тѣхъ поръ Данилыча. Веселится царь. На немъ костюмъ какого-то олимпійскаго бога и самъ онъ хорошъ и свѣтелъ, какъ юный греческій богъ. Гремитъ музыка, журчатъ фонтаны, вьются пары въ веселой кадрили. Поневолѣ веселый потокъ уноситъ за собой сироту-цесаревну. А тутъ еще самъ императоръ-юноша заботится о томъ, чтобы сошло печальное раздумье съ лица его хорошенькой тетки. Не отходитъ отъ нея.

— Ахъ, Лиза, Лиза!—слышится царевнѣ ласковый шопотъ вѣнценоснаго кавалера. — Что-бы я не далъ, Лиза, чтобы ты улыбалась снова весело и безпечно! Велика твоя потеря, но я всѣми силами постараюсь успокоить тебя. Хочешь, не отойду отъ тебя ни на шагъ, окружу тебя почестями, блескомъ, сдѣлаю тебя царицей, женою своей? Хочешь, Лиза?

— Нельзя этого, Петруша, нельзя! Родня мы! Да и молодъ ты слишкомъ. Я старше тебя, Петруша,— отвѣчаетъ, покачивая головою, Елизавета.

— Вздоръ!—такъ и вспыхиваетъ юный Петръ.— Пустяки ты говоришь, Лиза. Вотъ и Остерманъ, Андрей Ивановичъ, говоритъ, что можно это. А онъ умный, Лизанька, умнѣе всѣхъ въ мірѣ. Ахъ, Лиза, Лиза, согласись на мою просьбу, милая моя!

— Не могу! Не проси, Петруша! Молчи! Молчи!— молитъ цесаревна.

— Ага, знаю, отчего не можешь... Ты своего мертваго принца все помнишь! Или о Морицѣ Саксонскомъ, новомъ искателѣ, мечтаешь? Любъ онъ тебѣ, да?—подозрительно выспрашиваетъ молодую тетку юноша-племянникъ.

— Никто мнѣ не любъ, Петруша,—ни Морицъ, ни другой кто. А принцъ Карлъ умеръ,—грѣшно то-

сковать по немъ. Нѣтъ у меня любви ни къ кому... Не томи ты меня зря допросами, Петруша!

— Ну, ладно, будь по твоему. Не любишь меня, Богъ съ тобою. Возьму себѣ другую жену. Цари должны выбирать себѣ невѣстъ не по сердцу, а какъ для государства удобнѣе... Только смотри, чтобы худо отъ того не было. Привезутъ сюда какую-нибудь захудалую нѣмецкую принцессу и сдѣлаютъ изъ нея царицу... Тебѣ же хуже будетъ потомъ: придется цѣловать ручки новой государынѣ, которая тебѣ по высотѣ рода въ служанки годится. Увидишь тогда, худо будетъ!—желчно смѣется Петруша.

Но не нѣмецкая принцесса, а княжна Екатерина Долгорукая навязана усердными вельможами-родичами въ невѣсты царю.

Царь былъ правъ. «Худо» случилось, но по другой совсѣмъ причинѣ. Схватилъ оспу юный императоръ и не пришлось цесаревнѣ Елизаветѣ цѣловать ручекъ его женѣ, государынѣ. Пришлось другую руку цѣловать ей, руку Курляндской герцогини...

То свѣтлыя, то мрачныя картины встаютъ, выплываютъ изъ полумрака царевниной горницы... Цѣлая вереница ихъ вьется въ усталыхъ мысляхъ царевны. Притомились эти мысли... Мѣшается быль съ дѣйствительностью, правда со сказкой и незамѣтно сонъ подкрадывается и смыкаетъ усталыя очи... Но и во снѣ не отстаютъ отъ цесаревны далекіе, милые призраки прошлаго...

То счастливая улыбка, то облако грусти смѣняются на прелестномъ сонномъ личикѣ. А ночь тянется, тянется безконечно, октябрьская, темная ночь...

ГЛАВА XIII.

Посланецъ. — Веселая затѣя. — Царевна-крестьянка.—Ссора.

ПРОСНИСЬ, вставай, ваше высочество! Курьеръ прискакалъ изъ Санкъ-Петербурха, отъ самой, говоритъ, Юшковой... — сквозь сонъ звучитъ надъ ухомъ цесаревны знакомый голосъ.

Мавра Егоровна Шепелева, молодая, немногимъ старше своей госпожи, приближенная фрейлина цесаревны, наклоняется заботливо надъ спящей золотистой головкой.

— Проснись, цесаревна! — легонько тронувъ за плечо Елизавету, говоритъ она.

Ей безконечно жаль прерывать сонъ красавицы. Сладко подъ утро спится цесаревнѣ. Счастливая улыбка бродитъ по ея лицу. Вѣрно хорошіе сны ей снятся. А будить надо. Курьеръ изъ дворца — дѣло не шуточное. Можетъ важное что имъ сообщитъ.

— Проснись! Проснись, ваше высочество! — снова теребитъ свою заспавшуюся госпожу вѣрная Мавра.

— А? А? Что такое? Курьеръ, говоришь? Господи! еще что занадобилось тамъ? — съ тревогой произнесла, разомъ приходя въ себя, цесаревна, и сонъ, какъ по волшебству, соскочилъ съ нея. — Одѣваться, Мавруша, одѣваться скорѣе! — вскричала она, быстро вспрыгивая съ постели.

Ночныхъ грезъ какъ не бывало. И сладкія, и мрачныя воспоминанія — все исчезло при утреннемъ блескѣ

осенняго солнышка. Жмурясь отъ его назойливыхъ лучей, стала торопливо, при помощи Мавруши и кликнутыхъ ею дѣвушекъ-камеристокъ, одѣваться цесаревна.

— День-то, день какой, словно тебѣ лѣто, — поглядывая въ окна, весело говорила Шепелева. — Въ такой то день не грѣшно и лѣто вспомнить. Созвать развѣ дѣвокъ да хороводы поводить напослѣдокъ передъ зимнимъ затишьемъ, а? Ты какую резолюцію на этотъ счетъ, ваше высочество, положишь? — лукаво сощуривъ свои бойкіе, живые глазки, прибавляетъ она.

— И то дѣло! Погуляемъ на славу, — говоритъ, разомъ развеселившись, цесаревна. — Зови Чегаеху Марѳутку и другихъ... Ахъ, а курьеръ-то! — вдругъ неожиданно осѣклась она, и оживленное за минуту до этого личико приняло озабоченное выраженіе раздумья.

— Ну, что курьеръ! Курьеръ не звѣрь, носа не откуситъ, — грубовато отрѣзала Мавруша, всегда державшая себя по-просту, безъ затѣй съ царевной. — Примешь курьера, а сами айда на лугъ...

— А то... знаешь что?.. — вдругъ громко и весело расхохоталась Елизавета. — Я не выйду сейчасъ къ курьеру.

Тутъ она живо притянула къ себѣ голову своей любимицы и зашептала ей что-то на ухо, такъ, что-бы не могли услыхать ее дѣвушки-камеристки.

Вѣрно веселое что-нибудь сообщила своей любимицѣ Елизавета, потому что та такъ и прыснула со смѣху, такъ и покатилась, ухватившись за бока.

— Ай, да ловко придумала, ай, да царевна моя золотая! Вотъ-то разодолжила, ваше высочество! — хлопая въ ладоши, радовалась Шепелева. И потомъ, обратясь къ окружавшимъ Елизавету дѣвушкамъ-камеристкамъ, спѣшно проговорила, все еще продолжая смѣяться: — Бѣгите-ка, дѣвоньки, къ Марѳуткѣ Чегаехѣ, велите ей всѣхъ нашихъ первыхъ дишкантовъ созвать

на лугъ. Скажите, цесаревна, глядя на солнышко, погулять напослѣдокъ въ хороводѣ хочетъ. Гость, слышь, у насъ изъ Петербурха... Такъ что-бы не осрамились, глядѣли-бы пѣвуньи наши... Да скорѣе вы лупите, стрекозы, слышь!

— Ладно, Мавра Егоровна, не сомнѣвайся, живой рукой дѣло обдѣлаемъ,—предвкушая новую затѣю веселой, изобрѣтательной на шутки царевны, радостно отозвались камеристки и кинулись бѣгомъ исполнять приказаніе старшей фрейлины.

Черезъ полчаса на большомъ пожелтѣвшемъ лугу, раскинувшемся на концѣ слободы, за дворцомъ царевны, собралась веселая, пестрая толпа слободскихъ дѣвушекъ, наряженныхъ въ лучшіе пестрые сарафаны и шугаи, съ яркими лентами, вплетенными въ косы, съ разрумяненными на осеннемъ, утреннемъ холодкѣ лицами. Среди нихъ особенно выдѣлялись двѣ. Одна—статная, полная и высокая красавица, съ золотистою косою ниже пояса, съ синими, ясными глазами, она всѣхъ затмевала своей красотой; другая,—немногимъ уступавшая ей красавица, черноглазая, черноволосая, съ румянымъ личикомъ и живымъ, смѣющимся взглядомъ. Черноглазая бѣгала среди дѣвушекъ, устанавливая ихъ въ хороводѣ голосъ къ голосу, какъ опытный капельмейстеръ. Это была Марѳа Чегаева, первая запѣвало Покровской слободы, обласканная и задаренная царевной, ея любимица.

Дѣвушки съ веселымъ смѣхомъ тѣснились вокругъ бѣлокурой красавицы и черненькой Марѳы, съ шутками, хохотомъ, съ визгомъ.

Вдругъ все затихло, какъ по мановенію волшебной палочки. Только чуть слышный шопотъ пронесся по кругу.

— Идутъ! Идутъ!—зашептали дѣвушки.

У крыльца дворца, выходившаго на лугъ, по-

вилась полная и рослая Мавруша Шепелева, а рядомъ съ нею худой и тощій человѣкъ въ сѣромъ дорожномъ камзолѣ, со шпагой и въ треуголкѣ, изъ-подъ которой висѣли рыжеватые волосы и зорко глядѣли маленькіе рысьи глазки. Длинный, плачевнаго вида носъ уныло глядѣлъ съ худого, сѣраго лица нѣмецкаго типа. Ноги были такъ тощи, что казались ходулями. Онъ препотѣшно передвигалъ ихъ, откидывая какъ-то вбокъ при каждомъ шагѣ. Дѣвушки не могли безъ смѣха смотрѣть на эту тощую, какъ привидѣніе, унылую фигуру. Лишь только появился онъ, хоръ дѣвушекъ грянулъ:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разскакались, расплясались
Красны дѣвки межъ собой...

И на мгновенье разомкнувшійся хороводъ принялъ въ свой кругъ оторопѣлаго нѣмца и снова сомкнулся.

На лицѣ курьера выразилось живѣйшее удовольствіе. Онъ былъ очень польщенъ, очевидно, устроенной въ честь его торжественной встрѣчей и, замахавъ въ воздухѣ треуголкой, низко поклонился дѣвушкамъ. Тѣ фыркнули себѣ подъ носъ, не прерывая пѣсню, которая такъ и звенѣла, такъ и лилась звучной волной въ студеномъ воздухѣ яснаго осенняго дня.

Особенно выдѣлялись въ хороводѣ серебристые голоса двухъ дѣвушекъ: Марѳуши Чегаехи и ея бѣлокурой подруги. Разрумянившіяся отъ старанія показать свое искусство, дѣвушки одна за другой, схватившись за руки, длинной чередою мелькали передъ совершенно растерянным, но все еще не переставшимъ имъ любезно кланяться курьеромъ. Но мало по малу лица дѣвушекъ смѣшались у него на глазахъ; отъ ихъ пестрыхъ, яркихъ костюмовъ зарябило въ глазахъ у бѣднаго нѣмца

Къ главѣ XVI.

Онъ можетъ понять насъ!—произнесла цесаревна...

и звонъ пошелъ въ головѣ отъ голосистаго пѣнія, лившагося прямо въ уши.

Нѣмецъ-курьеръ безпокойно завертѣлся на мѣстѣ, бросая растерянные взгляды на Мавру Егоровну, стоявшую рядомъ съ нимъ.

— Что, нѣмчура, — произнесла она довольно громко, снабжая слова свои насмѣшливой улыбкой, — не любишь россійской пѣсенки, небось! А и плохъ-же ты есть нѣмецъ, какъ я погляжу, мой батюшка!

— Oh, ja, oh, ja, gnaediges Fräulein![1] — закивалъ и заулыбался курьеръ, понявъ, очевидно, что-то очень лестное для себя въ словахъ пригожей Шепелевой.

— То-то! Заякалъ, курляндская образина! Небось, оттелева пріѣхалъ отъѣдаться на русскихъ хлѣбахъ. Это вы умѣете! А что-бы по нашему говорить, такъ нѣтъ. Якаетъ себѣ и горя ему мало. У-у! ненасытная твоя рожа. Не люблю я васъ! Да не понимаю, убей меня Богъ, хоть я прожила съ покойной принцессушкой Анной болѣе года въ вашемъ Килѣ...

— Киль это Гольштинь, а нашъ Митава... — вдругъ разомъ понялъ курьеръ и закивалъ головою.

— Ладно. Изъ одного тѣста будете. Что курляндцы, что гольштинцы. Глаза то у всѣхъ завидущіе. Россію объѣдать тѣ и другіе рады. А только не въ пользу, батюшка. Ишь, ты дохлый какой, ровно мѣсяцъ не жравши гулялъ.

— Дохторъ ни-ни... я не дохторъ... Не Arzt[2], а курьеръ. Mit einem Brief an Ihre Hoheit Prinzessin Elisabeth[3].

— Ладно, не каркай... поняла... Знаю, что курьеръ, а не докторъ... Дохлый, говорю... — закричала Мавра во все

[1] О да, о да, милостивая государыня. — [2] Врачъ. — [3] Съ письмомъ къ ея высочеству принцессѣ Елизаветѣ.

горло. И потомъ, хитро улыбнувшись, присовокупила: — Да ты знаешь-ли, курляндская образина, которая изъ нихъ принцесса-то? — и кивнула въ сторону дѣвушекъ. — Небось, къ намъ въ Россію валомъ валите, а въ лицо прирожденной царевны русской не знаете. А ну-ка, мусье-нѣмецъ, извини, по батюшкѣ тебя какъ величать, не знаю, которая же будетъ изъ нихъ ея высочество, угадай-ка и вручи ей грамотку, цесаревнѣ нашей.

И тотчасъ-же перевела эти слова, какъ умѣла, на ломаный нѣмецкій языкъ.

Курьеръ понялъ, заулыбался и закивалъ и головою, и своимъ длиннымъ, унылымъ носомъ.

— Gut! Gut! [1] — произнесъ онъ съ широкой улыбкой и обвелъ кругъ глазами.

Передъ нимъ, одна подлѣ другой, стояло около двухъ десятковъ крестьянскихъ дѣвушекъ, болѣе или менѣе одинаково одѣтыхъ въ пестрые, нарядные сарафаны. Между ними скрывалась принцесса. Курляндецъ внимательно окинулъ кругъ глазами. И вдругъ ободрился, ожилъ. Одна изъ дѣвушекъ показалась ему величавѣе другихъ. Она вела весь хоръ, запѣвая пѣсню, и всѣ остальныя безпрекословно повиновались черноглазому регенту.

— Вотъ она — принцесса! — рѣшилъ нѣмецъ.

И безъ дальняго колебанья онъ изогнулъ свою костлявую фигуру, подошелъ къ черноглазой дѣвушкѣ съ рыцарскимъ поклономъ, по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета, и самымъ изысканнымъ образомъ остановился передъ нею, потомъ сдѣлалъ еще два шага впередъ и осторожно коснулся ея руки губами. Затѣмъ отступилъ немного, всталъ въ позу и, прижавъ руку къ сердцу, произнесъ ошеломленной дѣвушкѣ привѣтствіе на нѣмецкомъ языкѣ.

---

[1] Хорошо! Хорошо!

— Ай, промахнулся, нѣмецъ!—такъ и взвизгнула Шепелева, безцеремонно присѣвъ на землю и закатываясь отъ смѣха.—Ой, уморилъ, заморышъ!

Остальныя дѣвушки вторили ей. Поднялся такой шумъ и хохотъ, что несчастный курляндецъ рисковалъ оглохнуть.

А передъ нимъ смущенная, раскраснѣвшаяся, какъ маковъ цвѣтъ, стояла Марѳа Чегаева и въ смущеніи закрывала рукавомъ шугая свое пылающее лицо.

И было чего смущаться крестьянской дѣвушкѣ. Важный баринъ въ треуголкѣ и при шпагѣ поцѣловалъ руку у нея, мужички.

Но и самъ «важный баринъ» былъ смущенъ не менѣе ея. Съ раскрытымъ ртомъ и недоумѣвающими глазами стоялъ онъ посреди круга, не зная, что предпринять.

— Ай да курляндецъ! Ишь ты, какъ опростоволосился!—послышался за нимъ веселый голосъ, и внезапно появившійся красавецъ-Шубинъ вбѣжалъ въ кругъ и изо всѣхъ силъ ударилъ по плечу растеряннаго посла рукою.—Ловко осрамился, сударь!

Курьеръ вспыхнулъ. Лицо его побагровѣло. Съ нимъ, съ ближнимъ человѣкомъ самого всесильнаго графа Бирона, перваго вельможи императрицы, смѣетъ такъ обходиться какой-то невѣдомый гвардейскій прапоръ.

— Потише, mein Herr! [1] —разомъ придя въ себя, проговорилъ нѣмецъ,—я слуга его сіятельства графа Бирона. Прошу не забываться и не позволять никакихъ вольностей надо мной.

— А я слуга ея высочества цесаревны Елизаветы Петровны и въ ея присутствіи говорю вамъ и вашему графу, что стыдно присылать гонцовъ къ ея высочеству,

[1] Мой господинъ.

которые не знаютъ въ лицо дочери Великаго Петра!—сверкая глазами, произнесъ Шубинъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Но мнѣ кажется,—весь багровѣя отъ оскорбленнаго самолюбія, произнесъ съ насмѣшливой улыбкой-гримасой курляндецъ,—я не обязанъ знать въ лицо всѣхъ покровскихъ слобожанокъ и отличить изъ среды ихъ принцессу...

— Молчать! Сію же минуту молчать, бездѣльникъ, или моя шпага научитъ тебя вѣжливости!—вскричалъ, выходя изъ себя Шубинъ, такъ сильно тряхнувъ за плечо тщедушнаго нѣмца, что онъ едва-едва удержался на ногахъ.

— О-о! Я, курляндскій дворянинъ и слуга его сіятельства, митавецъ Бергъ, я не забуду вамъ этого, сударь!—едва сдерживаясь отъ бѣшенства, прошипѣлъ тотъ.

— А я, русскій дворянинъ и прапоръ гвардіи, Шубинъ, готовъ проучить тебя, если ты осмѣлишься еще разъ сказать что-либо непочтительное, хотя бы намекомъ, о ея высочествѣ! Слышишь, курляндская нѣмчура?

И Шубинъ грозно сверкнулъ глазами въ сторону взбѣшеннаго Берга. Тотъ хотѣлъ отвѣтить ему, но страхъ передъ разошедшимся офицеромъ удержалъ его. Къ тому же въ этотъ мигъ передъ нимъ появилась очаровательная бѣлокурая дѣвушка-крестьянка и на правильномъ нѣмецкомъ языкѣ произнесла своимъ бархатнымъ голосомъ, глядя въ лицо взволнованнаго Берга:

— Жду отъ васъ извѣстій, господинъ курьеръ. Можете вручить мнѣ письмо. Я—цесаревна Елизавета.

ГЛАВА XIV.

Письмо.—Воля государыни.

ВЕСЬ гнѣвъ Берга разомъ исчезъ и хотя рысьи глазки его съ затаенною злобою метнулись въ сторону Шубина сердитымъ, мстительнымъ взглядомъ, но онъ тотчасъ-же придалъ подобострастное выраженіе своему пронырливому лицу и низко, низко склонился передъ цесаревной. Потомъ разлился въ цѣломъ потокѣ похвалъ самой грубой и назойливой лести. Онъ изумлялся и негодовалъ на себя, какъ онъ могъ не признать красивѣйшую изъ дѣвушекъ и какъ это онъ не замѣтилъ сразу, среди мерцающихъ звѣздъ, сверкавшаго улыбкой солнца.

— Довольно!—прервала этотъ краснорѣчивый потокъ цесаревна.—Я жду отъ васъ письма, которое вы привезли мнѣ изъ столицы.

— О, Prinzessin! [1]—засуетился нѣмецъ и, отстегнувъ пуговицу камзола, вынулъ изъ-за пазухи конвертъ крупной величины и съ изысканнымъ поклономъ, дрыгнувъ смѣшно длинными своими ногами, передалъ его цесаревнѣ.

— На, Алеша, прочти!—передала Елизавета конвертъ Шубину.—А васъ не смѣю болѣе задерживать, сударь!—кивнула она головою курьеру и, поманивъ своего не-

---

[1] О, принцесса!

измѣннаго друга Шепелеву, сказала ей: — Прикажи его угостить, Мавруша.

— Ладно, и безъ угощенія хорошъ курляндскій заморышъ! — рѣзко отвѣчала та. — Слишкомъ много чести ему, что ваше высочество заботится о такой дряни... Ишь, какъ на Алексѣй Яковлевича раскалился, треклятый!

И она презрительно блеснула на злополучнаго курьера глазами. Тотъ низко поклонился принцессѣ, но прежняго подобострастнаго восхищенія ужъ не было на его лицѣ.

Около Елизаветы стоялъ Шубинъ. Бергъ окинулъ любимца цесаревны взглядомъ, полнымъ злобы.

«Попадешься еще ты мнѣ, голубчикъ, — говорилъ этотъ взглядъ, — придетъ и мой праздникъ. Клянусь честью, курляндскій дворянинъ Бергъ не умретъ, пока не отомститъ тебѣ кровавою местью!»

И еще разъ поклонившись цесаревнѣ, онъ заковылялъ вдоль луга къ слободѣ, широко вскидывая своими ходулями-ногами.

— Ну, читай, Алексѣй Яковлевичъ, что мнѣ пишутъ! — произнесла цесаревна своимъ звучнымъ голосомъ, опускаясь на скамью, стоявшую подъ обнаженной отъ листвы березой.

Шубинъ сорвалъ печать и вскрылъ конвертъ.

«Ваше Высочество, всемилостивая моя цесаревна Елизавета Петровна! — началъ онъ. — Доноситъ вамъ по порученію Ея Императорскаго Величества, благоденствующей нынѣ Божіей милостью государыни, вѣрная раба ея, Анютка Юшкова. Ея Императорское Величество государыня-царица шлетъ Вашему Высочеству, всемилостивѣйшей принцессѣ и кузинѣ своей, низкій поклонъ и родственную сантиментацію и велитъ мнѣ довести до вашего высочества изрядную вѣсть. Племянница Ея Императорскаго Величества принцесса Христина-Елизавета-

Екатерина Мекленбургская имѣетъ вступить въ лоно православной церкви. Высокорожденная дѣвица оная подлежитъ на-дняхъ сихъ, волею Господней, великому таинству мvропомазанія. А за симъ доношу я Вашему Высочеству, что ѣдетъ къ намъ женихъ, нареченный принцессы Христины, принцъ Брауншвейгскій, Антонъ-Ульрихъ, выбранный графомъ Левенвольде среди прочихъ иноземныхъ принцевъ европейскихъ дворовъ. А для какой цѣли—вамъ уже, я полагаю, вѣдомо: высокородный юноша сей волею Божіей намѣченъ въ женихи принцессѣ Христинѣ, будущей, послѣ крещенія, великой княжнѣ Аннѣ. А по случаю встрѣчи онаго принца мыслятъ здѣсь устроить плясъ и машкараду въ одинъ изъ куртаговъ [1], на кои Ея Императорскому Величеству благоразсудно было пригласить Ваше Высочество. Своимъ присутствіемъ Ваше Высочество изрядное пріятство доставите и болѣшую атенцію государынѣ свою докажете. Такъ мнѣ по порученію Ея Императорскаго Величества донести вамъ наказано. А за симъ, въ ожиданіи счастливаго лицезрѣнія Вашего Высочества и Вашего благополучнаго прибытія къ намъ, остаюсь въ глубокомъ решпектѣ усердной слугой Вашего Высочества

скромная служанка Ея Величества
покорная Анютка женка Юшкова.

— Вотъ тебѣ разъ!—произнесла Шепелева, какъ только Шубинъ кончилъ и сложилъ письмо.—Пропали наши красные дни... Тю-тю Покровское!

— Пропали, Мавра Егоровна!—въ тонъ ей произнесла цесаревна.—Ты это вѣрно сказала!—и печальная улыбка скользнула по ея лицу.—Прощайте, дѣвушки! Не придется мнѣ хороводовъ водить съ вами больше. Требуетъ меня ко двору императрица!—заключила она

[1] Такъ называли въ то время дни празднествъ.

грустно, кивнувъ сбившимся въ кучку и жадно ловившимъ каждое ея слово дѣвушкамъ.

— Прощай, Марѳуша! Прощай, мой покровскій соловушка! Не забудь пѣсню, которую я вамъ оставила, — подойдя къ Чегаевой и обнявъ ее, добавила цесаревна.

— Царевна-красавица! Ягодка наша! Лебедка бѣлая, не покидай ты насъ! — послышались здѣсь и тамъ робкіе голоса.

— Нельзя, родныя вы мои! Самой уѣзжать, чай, невесело! — произнесла цесаревна. — А ослушаться нельзя. Воля государыни — законъ! Сами, я чаю, знаете. А лучше вы меня еще разъ побалуйте. Спойте мнѣ мою пѣсню, что сложила я вамъ на память о себѣ. Ну-ка, запѣвай, голубушка Марѳуша!

«Во селѣ, селѣ, селѣ Покровскомъ»... — затянула Чегаеха [и вдругъ сорвалась, запнулась. Слезы градомъ хлынули изъ ея глазъ. Она прильнула къ плечу цесаревны и горько зарыдала.

— Голубушка! Свѣтикъ нашъ ясный! Не покидай ты насъ сиротинками, красное солнышко! — лепетала она.

За нею заплакали-заголосили и остальныя.

На синихъ глазахъ царевны также блеснули слезы.

— Жаль мнѣ ихъ покидать, Алеша! — шепнула она Шубину.

Вдругъ тоненькій голосокъ прервалъ всхлипываніе и причитаніе слобожанокъ.

— Чего онѣ плачутъ? — произнесъ маленькій человѣчекъ, одѣтый въ нарядный камзолъ съ красиво убранными по плечамъ черными кудрями, внезапно появляясь передъ толпою дѣвушекъ. — Чего онѣ плачутъ, крестненькій? — обратился онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ къ Шубину.

Елизавета улыбнулась сквозь слезы, взяла на руки

мальчика и объяснила, какъ могла, причину горя слобожанокъ.

Андрюша (это былъ онъ) съ самымъ серьезнымъ видомъ выслушалъ, что ему говорила его сказочная царь-дѣвица. Потомъ обхватилъ ея шею руками и, любовно заглядывая въ самые глаза цесаревны, спросилъ:

— Значитъ ты ѣдешь въ твой родной городъ, царевна?

— Да, милый, государыня зоветъ меня туда.

— Значитъ злые великаны выпустили наконецъ плѣнную царь-дѣвицу? — продолжалъ спрашивать мальчикъ пытливымъ тономъ.

— Да, да, милый!

— Такъ чего-же вы плачете, глупыя? — строго обратился онъ къ дѣвушкамъ и на прелестномъ дѣтскомъ личикѣ заиграла торжествующая улыбка. — Если великаны выпустили царь-дѣвицу, значитъ она должна ѣхать въ царство своего отца, гдѣ ее ждутъ, навѣрное, тѣ, кто ее любитъ, — заключилъ съ увѣренностью малютка.

Шубинъ встрепенулся и взглянулъ на цесаревну, цесаревна на Шубина. Ихъ глаза встрѣтились.

— Ваше высочество, — произнесъ молодой гвардеецъ, — слышали? Устами младенцевъ Богъ глаголетъ. Тамъ васъ ждутъ, цесаревна. Тамъ нуждаются въ присутствіи дочери Великаго Петра, и кто знаетъ, можетъ быть...

Онъ не договорилъ. Загадочная улыбка скользнула по его красивому лицу.

— Ты правъ, Алексѣй Яковлевичъ! — произнесла Елизавета, — намъ слѣдуетъ быть тамъ, гдѣ мы нужны. А тебя, малютка, — произнесла цесаревна, нѣжно прижимая къ своей груди прильнувшаго къ ней Андрюшу, — тебя я не забуду и не оставлю никогда!

ГЛАВА XV.

Государыня развлекается. — Злой духъ Анны.

ГОСУДАРЫНЯ Анна Іоанновна только что встала и теперь, сидя въ своемъ обычномъ голубомъ широкомъ одѣяніи, сверхъ котораго былъ накинутъ богатый, изъ тончайшаго батиста пудермантель, позволила придворному парикмахеру убирать свою голову въ пышную прическу. Черные, какъ вороново крыло, густые еще волосы императрицы (Аннѣ шелъ въ эту пору 41-ый годъ) рельефно выдѣлялись на бѣлоснѣжной ткани пудермантеля.

Государыня не имѣла обыкновенія причудливо убирать голову; она постоянно носила ярко-красный платочекъ, повязанный по мѣщански, вмѣсто всякой прически, но сегодня былъ назначенъ куртагъ во дворцѣ съ танцами по случаю пріѣзда Мекленбургскаго принца Антона-Ульриха, назначеннаго въ женихи недавно мyропомазанной принцессѣ Христинѣ-Аннѣ, и государыня рѣшила выступить торжественно.

Она была въ духѣ. Вчерашній день былъ особенно удаченъ. Все утро ея величество забавлялась изъ окна своей спальни стрѣльбою по дичи, которую нарочно для этой цѣли сгоняли на дворцовый дворъ. Потомъ долго каталась по манежу на только что выѣзженной для нея самимъ графомъ Бирономъ красавицѣ-лошадкѣ.

Биронъ былъ страстный охотникъ до верховой ѣзды. Недаромъ же говорило преданіе, что всемо-

гущій любимецъ Анны былъ родомъ изъ герцогскихъ конюшихъ. Онъ сумѣлъ передать страсть къ лошадямъ и государынѣ, и та съ наслажденіемъ отдавалась пріятному удовольствію. И теперь, сидя передъ роскошнымъ венеціанскимъ зеркаломъ, отражавшимъ ея полное, рябое, но не лишенное величія и привлекательности лицо, Анна думала о вчерашнемъ днѣ и улыбалась. Фрейлины, стоя въ отдаленіи и видя довольное лицо государыни, улыбались тоже. На ихъ лицахъ отражалось малѣйшее настроеніе ея величества, какъ на барометрѣ отражается состояніе погоды.

Въ ту минуту, какъ на головѣ государыни поднималась высокая башня изъ черныхъ, хитро перевитыхъ и взбитыхъ волосъ по модѣ того времени, крикъ, визгъ и шумная возня послышались за дверью, которая съ грохотомъ и шумомъ распахнулась, и черезъ порогъ ея вкатились двое маленькихъ человѣчковъ со смѣшными, намалеванными лицами, одѣтые крикливо и ярко въ разноцвѣтные пестрые костюмы. Они такъ плотно вцѣпились другъ въ друга, что не могли, казалось, вырваться изъ объятій одинъ другого. За ними бѣжалъ вприпрыжку третій, худой, старый, морщинистый человѣчекъ; всѣ трое были придворные шуты. Послѣдній изъ нихъ, погоняя двухъ первыхъ, приговаривалъ:

— Вотъ тебѣ Турція... Вотъ тебѣ Франція... Матушка Россія больно дерется, когда захочетъ...[1]

— Ой! Ой! Смилуйся, Россія! — кричалъ, ломаясь и гримасничая, одинъ изъ шутовъ, португалецъ Лякоста.

— Mio Dio![2] Остановись! Матушка-царица, заступись за вѣрнаго слугу, братишку Педрилло! — вопилъ черномазый, какъ сажа, шутъ итальянецъ.

---

[1] Въ то время затѣвалась война съ Турціей, въ которой Франція вела политику, враждебную Россіи.—[2] Боже мой!

— Такъ вамъ и надо, иноземщина! — съ самымъ серьезнымъ видомъ произнесъ старый Балакиревъ, когда-то любимый шутъ Петра Великаго, теперь доживающій свой вѣкъ при дворѣ новой императрицы.

— Ну, довольно, дядя! — произнесла, обращаясь къ нему съ улыбкой, государыня, понявъ выходку шутовъ и очень довольная ею.

Она любила окружать себя шутами и дурами, любила старину, такъ жестоко изгоняемую мощною рукою Петра изъ Россіи. Въ этомъ сказывалось вліяніе ея матери, царицы Прасковьи. Мать Анны Іоанновны всю свою жизнь прожила старинною русскою барынею въ своемъ подмосковномъ Измайловѣ, окруженная странниками, сказочниками, дѣвками калмычками, дурками и безчисленными шутами. Любовь эту унаслѣдовала отъ нея и Анна.

— Довольно, дядя, — обратилась она еще разъ къ Балакиреву, стоявшему съ поднятой плеткой надъ живымъ клубочкомъ шутовъ. — Изрядно показалъ, я чаю, русскую силу, старина.

— У меня спина болитъ! — плаксиво затянулъ Педрилло.

— А мнѣ голова пришибло, — подхватилъ Лякоста, — такая большой дирка въ голова, что даже баронъ Остерманъ зашить не сумѣетъ! А онъ куда мастеръ великъ!.. Портная не портная, а прорѣшки чиниль и дирка штопаль и уменъ, какъ я. Нѣтъ, даже меня умнѣе! — заключилъ шутъ съ глупымъ хохотомъ.

Императрица засмѣялась. Засмѣялись и фрейлины.

Намекъ на умъ и изворотливость кабинетъ-министра, Остермана, столь цѣнимаго дворомъ, понравился государынѣ.

— На тебѣ, дуракъ! Коли ты уменъ, какъ Андрей Ивановичъ, — значитъ заслужилъ!

И, взявъ съ туалетнаго стола пригоршню червонцевъ, императрица бросила шуту.

— А мнѣ, а мнѣ, тетенька? — засуетился Педрилло.

Въ эту минуту дежурная фрейлина сообщила, что баронъ Остерманъ проситъ разрѣшенія явиться къ ея величеству.

— А-а! Легокъ на поминѣ, Андрей Ивановичъ! — милостиво протягивая руку издали входившему сановнику, произнесла государыня.

Графъ вошелъ, прихрамывая, опираясь одною рукой на плечо дежурнаго камеръ-пажа, другою — на толстый костыль съ золотымъ набалдашникомъ.

Питомецъ Великаго Петра, сразу угадавшаго выдающіяся способности скромнаго, прилежнаго, молодого чужеземца, возведенный имъ изъ ничтожныхъ секретарей коллегіи въ высокій чинъ одного изъ первыхъ сановниковъ, Остерманъ отличался змѣиной мудростью и лисьей изворотливостью. Такъ думала о немъ вся Европа, такъ думали и царствующія особы, дорожа его дѣйствительно выдающимся дипломатическимъ умомъ. Теперь, въ царствованіе Анны, возведенной при его ближайшемъ участіи на Россійскій престолъ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, страдая подагрой, чувствовалъ себя больнымъ и разбитымъ. Впрочемъ больнымъ и разбитымъ онъ былъ преимущественно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло государственной важности требовало отвѣтственнаго съ его стороны рѣшенія. Крайне осторожный и тонкій дипломатъ, онъ умѣлъ прикинуться больнымъ, когда слѣдовало и подавалъ свой голосъ лишь тогда, когда дѣло принимало, болѣе или менѣе, рѣшительный оборотъ.

— Легокъ на поминѣ, баронъ, а говорятъ, что это признакъ злобности! — произнесла государыня, въ то время какъ Остерманъ почтительно цѣловалъ протянутую ему руку.

— Ваше величество изволите говорить справедливо. Злобность, какъ и во всякомъ другомъ смертномъ, живетъ во мнѣ. Но подъ лучами очей моей государыни черный мракъ души моей озаряется свѣтомъ. А свѣтъ и добро—два родные брата, какъ изволите знать, ваше величество,—тонко отвѣчалъ Остерманъ.

— Красно ты говоришь, Андрей Ивановичъ,—милостиво пошутила императрица.—А теперь садись-ка, потолкуемъ. Передавалъ тебѣ вице-канцлеръ письмо нашего посланника?

— Какъ же, государыня! Графъ Михайла Гаврилычъ читалъ это письмо на вчерашнемъ собраніи. Изъ этого письма явственно, что если мы поможемъ курфюрсту Саксонскому стать польскимъ королемъ и пошлемъ наши войска въ Гданскъ противъ его соперника, Станислава Лещинскаго, то курфюрстъ обѣщаетъ содѣйствовать избранію оберъ-гофмаршала вашего величества, графа Бирона, въ герцоги курляндскіе.

— И ты думаешь, Андрей Ивановичъ, что курфюрстъ сдержитъ слово?

— Ваше величество, онъ не посмѣетъ отвѣтить неблагодарностью такому могучему союзнику, какъ моя государыня,—произнесъ съ низкимъ поклономъ тонкій царедворецъ.

— И Эрнста сдѣлаютъ герцогомъ курляндскимъ?

— Если на то будетъ державная воля моей повелительницы...

— Значитъ, Андрей Ивановичъ, вы совѣтуете отправить войска въ Гданскъ противъ Станислава Лещинскаго и его приверженцевъ?—спросила императрица.

— Совѣтовать не смѣю, но полагаю, что это будетъ умное рѣшеніе со стороны вашего величества,—уклончиво отвѣтилъ Остерманъ.—Умное и благородное,—прибавилъ онъ,—потому, что оно дастъ возможность

наградить герцогствомъ одного изъ преданныхъ и вѣрныхъ слугъ вашего величества... А разъ войска будутъ находиться подъ руководствомъ такого опытнаго и испытаннаго вождя, какъ графъ Минихъ, то мы впередъ уже можемъ быть увѣрены въ успѣхѣ дѣла.

Эти слова были тонко разсчитаны лукавымъ барономъ. Съ одной стороны, ему хотѣлось сплавить Миниха, соперничества котораго онъ опасался при дворѣ; съ другой — онъ зналъ, что благосклонность Анны могла только увеличиться къ нему отъ его хлопотъ за ея любимца, Бирона. Послѣдній ходъ былъ вѣренъ. Анна Іоанновна улыбнулась еще ласковѣе, еще милостивѣе.

— И такъ походъ на Гданскъ рѣшенъ... А пока довольно о дѣлахъ. Замучили меня ими. Сегодня не грѣшно и повеселиться. Надѣюсь увидѣть тебя на машкарадѣ вечеромъ, баронъ.

— Почту за особенную честь, ваше величество!

И Остерманъ всталъ съ легкой гримасой усилія, откланялся и пошелъ къ двери. На порогѣ онъ столкнулся съ оберъ-гофмейстеромъ государыни, Биромомъ. Бирономъ вошелъ стремительно, почти вбѣжалъ въ комнату императрицы. На лицѣ его написаны были гнѣвъ и раздраженіе. Нахмуренныя брови предавали еще болѣе грозное выраженіе его и безъ того недобрымъ чертамъ.

— Что такое, графъ? Что случилось?—произнесла государыня, которой сразу передалось волненіе ея любимца.

Но тотъ только обвелъ краснорѣчивымъ взглядомъ камеръ-юнгферъ, фрейлинъ и шутовъ.

— Уйдите всѣ!—коротко приказала всѣмъ имъ Анна Іоанновна.

Фрейлины повиновались, не исключая и старшей изъ нихъ, любимицы Юшковой, неотлучно состоявшей при государынѣ. Шуты съ громкимъ кудахтаньемъ, ко-

торое обычно такъ тѣшило императрицу, кинулись къ двери. Но на этотъ разъ Анна Іоанновна даже и не улыбнулась ихъ выходкѣ.

— Что опять такое?—взволнованно произнесла она, когда всѣ присутствующіе скрылись за дверями.

— Измѣна, ваше величество!—коротко произнесъ Бирон.

Анна нахмурилась. Все ея свѣтлое настроеніе разомъ исчезло.

— Въ чемъ дѣло?—обратилась она къ своему любимцу.

Тотъ быстрымъ взоромъ окинулъ комнату, потомъ заглянулъ за дверь и, убѣдившись, что тамъ никто его не подслушиваетъ, подошелъ къ государынѣ и, опустившись на стулъ, заговорилъ пониженнымъ шопотомъ:

— Вчера былъ у меня извѣстный вашему величеству Бергъ, который былъ отправленъ курьеромъ къ ея высочеству цесаревнѣ два мѣсяца тому назадъ... Я уже имѣлъ честь докладывать о томъ, какъ непочтительно отнеслась свита цесаревны къ гонцу отъ двора вашего величества. Бергъ перенесъ обиду, но въ отместку сталъ усиленно слѣдить за дворомъ цесаревны съ перваго же дня прибытія ея въ Санктъ-Петербургъ. Онъ узналъ, что ѣздовой цесаревны, прапорщикъ Семеновскаго полка Шубинъ, ходитъ по казармамъ, собираетъ людей изъ гвардейцевъ и вербуетъ ихъ въ пользу провозглашенія императрицей цесаревны Елизаветы. Въ Смоляномъ дворѣ уже идутъ пирушки съ новыми приверженцами цесаревны. Мало того, цесаревна ѣздитъ по домамъ солдатъ, кумится съ ними, креститъ у нихъ дѣтей и въ два мѣсяца своего пребыванія въ Санктъ-Петербургѣ уже сумѣла найти себѣ достаточно друзей среди солдатъ и офицеровъ гвардіи, чтобы...

— Полно, Эрнстъ! — произнесла Анна, прервавъ

НАША БИБЛІОТЕКА

СОБРАНІЕ ЛУЧШИХЪ КНИГЪ

3 р. ДЛЯ ДѢТЕЙ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ 3 р.

Подъ общимъ названіемъ **„Нашей Библіотеки“** Товариществомъ М. О. Вольфъ предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ для дѣтей, — книгъ, отличающихся, съ одной стороны, прекраснымъ внутреннимъ содержаніемъ, съ другой — изящною внѣшностью, обиліемъ рисунковъ, четкою печатью, бумагою наилучшаго сорта и проч. Въ составъ **„Нашей Библіотеки“** входятъ книги для всѣхъ возрастовъ, начиная съ самаго младшаго (т.-е. дѣтей, только-что начинающихъ читать) и кончая книгами для юношества.

Николай Никльби. Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 13 отдѣльными картинами и 34 рисунками въ текстѣ.

Яша Поляновъ. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства Гр. Л. Л. Толстого, съ рисунками Л. Бальдингера. Второе изданіе.

Бѣлая мыза, или открытія Коли на берегу Чернаго моря. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. В. Л. Ранцова. Съ 9 отдѣльными картинами и 82 политипажами.

Давидъ Копперфильдъ. Романъ Чарльза Диккенса. Изданіе для юношества. Съ 14 отдѣльными картинами и 36 рисунками въ текстѣ. Второе изданіе.

Красный фонарь, Митина нива и другіе разсказы для дѣтей Н. Г. Вучетича. Съ 7 отдѣльными картинами В. Полякова и со многими рисунками въ текстѣ (разсказы «Красный фонарь» и «Митина нива» удостоены преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества). Третье изданіе.

И я читаю. Разсказы для маленькихъ дѣтей, собранные кружкомъ матерей, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ, крупнымъ шрифтомъ. Второе изданіе.

Скромные подвиги. Разсказы для дѣтей старшаго возраста В. И. Немировича-Данченко, съ рисунками въ текстѣ художниковъ: Левченко, Юмудскаго, Далькевича и др. Второе изданіе.

Павелъ и Виргинія. Повѣсть Бернардена де Сенъ-Пьера, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ художника Лелоара.

Приключенія Спиридона. Повѣсть для юношества А. В. Круглова. Съ 13 отд. карт. и 51 рисункомъ въ текстѣ А. С. Сударушкина и др.

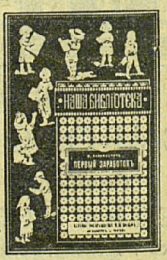
Царство малютокъ. Приключенія Мурзилки и лѣсныхъ человѣчковъ въ двадцати семи разсказахъ А. Б. Хвольсонъ, съ 182 рис. П. Кокса.

Что видитъ звѣздочка и другіе разсказы для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ 26 отдѣльными картинами и многими рисунк. въ текстѣ.

Первый заработокъ и другіе разсказы К. С. Баранцевича, съ портретомъ автора, 17 отдѣльными картинами и 25 рисунками въ текстѣ.

Записки институтки. Повѣсть для юношества Л. А. Чарской, съ рисунками А. И. Сударушкина.

Княжна Джаваха. Повѣсть для юношества Л. А. Чарской, съ 80 иллюстраціями В. А. Табурина и А. И. Сударушкина.



Цѣна каждаго тома въ богатомъ золототисненіемъ перепл. 3 р.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

своего вѣрнаго слугу.—Не ошибаешься-ли ты?.. Не клевещетъ-ли просто этотъ Бергъ на царевну?.. Лиза всегда была веселаго нрава и любила якшаться съ простымъ людомъ. Вонъ въ Покровскомъ...

— Государыня, въ Покровскомъ иное дѣло,—забывъ всякую сдержанность прервалъ Анну Бирон.—Покровское далеко, но если здѣсь принцесса такимъ образомъ будетъ дѣйствовать въ свою пользу, то коронѣ вашего величества грозитъ опасность.

— Отъ Лизы? Отъ этого веселаго, вѣтренаго существа?—усмѣхнулась царица.

— Ваше величество изволили забыть чья дочь Елизавета Петровна и сколь велика любовь и привязанность къ ней въ Россіи потому только, что ея отецъ былъ Великій Петръ...

Анна задумалась на мгновенье. Передъ ея мысленнымъ взоромъ выплылъ образъ цесаревны.

— Но гдѣ-же и въ чемъ же ты видѣлъ измѣну, мой другъ?—снова обернулась она къ Бирону.

— Бергъ прослѣдилъ за дѣйствіями Шубина. Подъ видомъ простого лакея Бергу удалось проникнуть во дворецъ цесаревны. Болѣе того: ему посчастливилось побывать и въ Смоляномъ дворѣ, куда ея высочество пріѣзжаетъ веселиться. Въ послѣдній разъ, нѣсколько дней тому назадъ, тамъ собралось много гвардейской молодежи и говорилось... говорилось... что...—тутъ графъ запнулся,—говорилось, что ваше величество изволите не по праву носить императорскую корону,—чуть слышнымъ шопотомъ заключилъ онъ.

Анна вспыхнула, встала съ кресла и грозно вытянулась во весь ростъ.

— Доказательства! Дай мнѣ доказательства, графъ!—произнесла она, сверкая глазами.

— Они не замедлятъ явиться, ваше величество. Всякія инструкціи въ этомъ отношеніи уже даны Бергу.

Кошелекъ съ червонцами и обѣщаніе высочайшихъ милостей придадутъ еще больше рвенія его трудамъ. Онъ будетъ доносить о каждомъ шагѣ цесаревны и ея клевретовъ. Кромѣ того, я передалъ уже генералу Миниху, чтобъ онъ отъ себя назначилъ урядника Щегловитаго слѣдить съ внѣшней стороны за царевнинымъ дворомъ. Надѣюсь, ваше величество, вы ничего не изволите имѣть противъ этого?

— Слѣдить за Лизой?—вздрогнувъ произнесла императрица,—окружить ее шпіонами, доносчиками!.. Но, любезный Эрнстъ, вѣдь это...

Императрица не договорила.

— Ваше величество, иначе поступить нельзя. Придется прибѣгнуть можетъ быть даже и къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Этотъ Шубинъ уже давно на примѣтѣ у меня. Таинственное исчезновеніе его друга Долинскаго изъ-подъ розыска, друга, съ которымъ онъ велъ дѣятельную переписку, теперешнія старанія Шубина сблизить цесаревну съ гвардіей, все это даетъ мысль видѣть въ немъ важнаго преступника передъ вами, государыня, и какъ только достаточно будетъ открыта его лукавая игра, придется привлечь его къ самому строгому допросу, розыску.

— Допросъ! Розыскъ! Пытки! О, графъ, какъ тяжело слышать все это!—произнесла скорбнымъ голосомъ Анна.

— Еще болѣе тяжело, что между слугами вашего величества попадаются измѣнники, которые грозятъ благосостоянію избранниковъ престола!—съ напыщенной торжественностью произнесъ Бирономъ и, помолчавъ немного, спросилъ:

— Угодно будетъ вашему величеству дать мнѣ разрѣшеніе дѣйствовать по своему усмотрѣнію?

— Ахъ, дѣлай какъ знаешь, Эрнстъ! Только поменьше крови, если возможно, другъ мой!—произнесла

императрица и скорбнымъ кивкомъ головы отпустила своего любимца.

Бирономъ давно вышелъ, а Анна все еще сидѣла въ глубокой задумчивости, облокотясь рукою на столъ.

Скорбныя мысли бродили въ головѣ ея. Предстоящій разладъ съ кузиной, дочерью любимаго покойнаго дяди, мучилъ ее. Тяжело и нерадостно было на душѣ.

— Ты одна, тетя Анхенъ? Могу я войти къ тебѣ?— послышался съ порога нѣжный голосокъ и крошечная фигурка горбуньи появилась въ комнатѣ.

Императрица не слышала этого голоска, не замѣтила появленія своей маленькой любимицы. Ея глаза были печально устремлены вдаль, губы скорбно шептали:

— Блескъ... величіе... престолъ... слава—все это мишурно и скоротечно, а вся эта придворная толпа льстецовъ раболѣпно поклоняется величію и блеску, а не мнѣ, Аннѣ... Всѣ эти Головкины, Минихи, Остерманы, даже онъ, даже Бирономъ, всѣ они заботятся только о своемъ положеніи, но не объ интересахъ своей императрицы... По одному пустому наговору какого-то проходимца этотъ Бирономъ не задумывается лишать спокойствія свою благодѣтельницу... И у него, какъ у другихъ, себялюбіе и корысть превозмогаютъ истинную преданность... Никого нѣтъ вокругъ самоотверженнаго, вѣрнаго, преданнаго до смерти... Одна на свѣтѣ вѣнценосная одинокая сирота!—съ горечью заключила императрица и крупныя слезы блеснули въ ея черныхъ глазахъ.

Вдругъ, неожиданно, двѣ крошечныя ручонки обвили ея колѣни. Анна вздрогнула отъ неожиданности и испуганно посмотрѣла внизъ. Прямо у ногъ ея, свернувшись комочкомъ, сидѣла Гедвига. Блѣдное личико горбуньи лежало на колѣняхъ императрицы.

— О, танте Анхенъ!—лепетала дѣвочка,—не горюй, ты не одинока... Не горюй, танте Анхенъ, милая, родная!

Ты не одна; твоя Гедвига съ тобою! Знаешь, я докажу тебѣ, какъ я люблю тебя, танте Анхенъ! Сейчасъ докажу. Я отдамъ тебѣ самое лучшее, что у меня есть на свѣтѣ. Тебѣ нравятся мои черные локоны, танте Анхенъ. Ты любишь играть ими. Да? Я ихъ тоже люблю. Они одни только красятъ бѣдную Гедвигу. Возьми ихъ себѣ, танте Анхенъ, я дарю тебѣ ихъ.

И прежде чѣмъ Анна могла опомниться, горбунья, схвативъ съ туалетнаго стола острыя ножницы, быстро поднесла, ихъ къ своей чернокудрой головѣ.

— Остановись, малютка! Я вѣрю тебѣ!—схвативъ за обѣ руки горбунью съ испугомъ вскричала императрица. Потомъ нѣжно притянула къ себѣ ребенка и произнесла, съ неизъяснимой лаской глядя въ прекрасные умные глаза Гедвиги:

— Дай Богъ тебѣ великаго счастья, милое дитя. Ты мой другъ, мой вѣрный маленькій другъ, и я вѣрю твоей чистой дѣтской любви, моя Гедя. Ты одна искренно и безкорыстно любишь твою тетю Анхенъ. Неправда-ли, дитя?

И императрица крѣпко поцѣловала просіявшее счастьемъ лицо дѣвочки.

ГЛАВА XVI.

Машкарада.—Снова проказница Юліана.—Злополучный женихъ.—Живая статуя.

Въ зимнемъ дворцѣ назначенъ балъ-маскарадъ въ честь юной принцессы Христины, по случаю ея перехода въ православіе.

На этотъ вечеръ принцесса Христина, послѣ крещенія ставшая великой княжной Анною Леопольдовною, должна впервые увидѣть своего жениха, привезеннаго гофмаршаломъ Левенвольде изъ Вѣны, отъ двора высокихъ родственниковъ принца Брауншвейгскаго.

Гости на балъ начали съѣзжаться рано, чтобы быть на лицо къ торжественному выходу императрицы.

Большія, роскошно убранныя залы кишатъ избранной публикой. Блестящіе камзолы сановниковъ смѣшиваются съ пестрыми костюмами масокъ.

Юная, двѣнадцатилѣтняя принцесса одѣвается еще въ отведенныхъ ей во дворцѣ комнатахъ. Костюмъ Діаны со всѣми принадлежностями его тщательно разложенъ на диванѣ. Колчанъ со стрѣлою и лукъ, крошечныя сандаліи, похожія на бомбоньерки, все это лежитъ тутъ-же. Принцесса Анна сидитъ передъ зеркаломъ, поминутно вертясь и вскакивая, несмотря на увѣщанія г-жи Адеркасъ и черноглазенькой Юліаны, вмѣстѣ съ двумя помощницами-фрейлинами одѣвающими принцессу.

— Не верти-же такъ головой, Анна, дай причесать

тебя,—поминутно останавливаетъ хорошенькая смуглянка Юліана свою подругу.

— Ахъ, Юлечка, какъ это все скучно!—отвѣчаетъ принцесса.—И неужели же богиня Діана, олицетвореніемъ которой я являюсь сегодня, должна была терпѣть такія-же муки! Охъ, въ такомъ случаѣ я предпочла бы на ея мѣстѣ жить въ лѣсной хижинѣ, а не среди богинь Олимпа.

— Но ты должна быть сегодня прелестна, какъ богиня!—не унималась Юліана,—и я бы на твоемъ мѣстѣ достигла этого, чтобы плѣнить твоего рыцаря-принца во что бы то ни стало.

— Ахъ, мнѣ никого-то не хочется плѣнять, а принцаженихa и подавно!—сорвалось самымъ искреннимъ образомъ съ надутыхъ губокъ Анны. — Я-бы хотѣла только имѣть около себя мои книги, милую madame Адеркасъ и тебя, моя Юлечка!—произнесла грустно юная принцесса, кидаясь на шею своей воспитательницы, а вслѣдъ затѣмъ на грудь своего смуглаго друга-фрейлины.

— Тише! Тише! ваше высочество, вы смяли цѣлое облако газа!— вскричали испуганныя камеръ-юнгферы, бросаясь оправлять костюмъ принцессы.

Маленькая Анна Леопольдовна только тяжело вздохнула, безмолвно подчиняясь ихъ быстрымъ рукамъ.

Но вотъ она наконецъ одѣта. На ней нарядная роба съ фижмами и пышнымъ корсажемъ, какіе, должно быть, и во снѣ не снились греческой богинѣ. И только колчанъ, лукъ и стрѣла, повѣшенные черезъ плечо на атласной лентѣ, да брилліантовый полумѣсяцъ въ волосахъ отдаленно напоминаютъ, что нарядъ этотъ долженъ считаться одеждою Діаны-охотницы, обитательницы миѳологическаго Олимпа.

Въ этомъ фантастическомъ костюмѣ Анна Леопольдовна очень мила и привлекательна, и смуглая Юлі-

ана, одѣтая аркадской пастушкой, громко, искренно заявляетъ принцессѣ, что она «прелесть».

Ровно въ 8 часовъ гофмаршалъ императрицы, блестящій красавецъ графъ Левенвольде, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ въ большой танцовальный залъ, гдѣ толпились нарядные гости и ударомъ гофмаршальскаго жезла возвѣстилъ о выходѣ ея величества. Въ ту же минуту загремѣли трубы, забили литавры и, предшествуемая пажами, въ сопровожденіи блестящей свиты, вошла государыня.

На ней была великолѣпная роба, вся затканая драгоцѣнностями, яркаго пурпуроваго цвѣта, любимаго болѣе другихъ Анной Іоанновной. Брилліантовая діадема покоилась на пышныхъ взбитыхъ волосахъ. Опираясь на руку своего неизмѣннаго гофмейстера, Анна Іоанновна съ милостивою улыбкой обходила гостей.

Какъ только императрица подошла къ стоявшимъ въ первомъ ряду сановникамъ, ей навстрѣчу выступила робкою, застѣнчивою, мѣшковатою походкою маленькая, тщедушная фигура юноши съ длинными, какъ у дѣвушки, локонами, разбросанными по плечамъ, съ некрасивымъ, опущеннымъ книзу носомъ и крошечными подслѣповатыми глазами.

— Имѣю честь привѣтствовать ваше величество! — произнесъ по-нѣмецки, сильно заикаясь, юноша.

Государыня протянула ему руку, которую юноша мѣшковато поднесъ къ губамъ.

— Рада васъ видѣть на моемъ вечерѣ, принцъ Антонъ-Ульрихъ! — ласково произнесла Анна Іоанновна, стараясь всѣми силами ободрить застѣнчиваго принца. — Позвольте вамъ представить даму на первый танецъ. Надѣюсь угодить ею вашей свѣтлости!

И лукаво улыбаясь, императрица сдѣлала знакъ одному изъ находившихся въ ея свитѣ камергеровъ.

Въ тотъ же мигъ миловидная Діана, въ сопровожденіи смуглой аркадской пастушки, съ низкимъ поклономъ выступила впередъ.

— Вотъ тебѣ кавалеръ, Анюта! — произнесла императрица, вкладывая въ руку принца дрогнувшіе пальчики племянницы, и милостиво кивнувъ еще разъ принцу, направилась дальше.

Принцъ очутился теперь наединѣ съ двумя дѣвочками — одной смуглой, другой свѣтловолосой — съ дерзкимъ любопытствомъ и явною насмѣшкой во всѣ глаза уставившимися на него.

Онъ неловко затоптался на мѣстѣ, теребя свои кружевныя манжеты, безъ всякой надобности хватаясь за шпагу и въ замѣшательствѣ тряся головою. Длинные локоны его тряслись вокругъ взволнованнаго, испуганнаго, поблѣднѣвшаго и еще болѣе оттого подурнѣвшаго лица, губы судорожно дрожали.

Нѣсколько минутъ длилось тягостное молчаніе, показавшееся вѣчностью бѣдному принцу. Наконецъ, потерявшій послѣднюю смѣлость, принцъ, страшно заикаясь, залепеталъ по-нѣмецки:

— Неска-а-за-анно счастливъ, ваше вы-со-че-ство, при-н-цесса, встрѣ-ти-ть-ся съ вами!

— Батюшки, да онъ заика! — шепнула Юліана на ухо подругѣ.

Та только плечами пожала. Явная недоброжелательность выразилась на юномъ личикѣ принцессы. Полное разочарованіе отразилось въ голубыхъ глазахъ. Антонъ-Ульрихъ приводилъ въ ужасъ принцессу и своимъ несчастнымъ видомъ, и своей несказанной робостью, и всей своей комической фигурой, а тутъ еще, вдобавокъ, оказывается, что онъ заика.

Принцесса не знала что отвѣтить своему кавалеру. Она какъ будто растерялась.

Ее выручила бойкая, смѣлая Юліана.

— Ваше высочество, у васъ всѣ говорятъ такъ въ Брауншвейгіи? — дерзко взглянувъ въ самые глаза принца, спросила проказница.

— Ка-къ го-во-о-ря-ятъ? — не понялъ тотъ.

— Да заикаются... Ахъ, если всѣ, то мнѣ очень жаль... Это должно быть очень непріятно — заикаться...

Принцъ понялъ насмѣшку, несмотря на мнимый тонъ состраданія, который Юліана старалась придать своему голосу. Понялъ и смутился, не зная, что отвѣтить.

Хорошо еще, подумалъ онъ вѣроятно, что не она, эта насмѣшница-смуглянка, а ея блѣдненькая подруга намѣчена ему въ жены. Эта, по крайней мѣрѣ, не кажется такой сорви-головой. Желая воздать должное доброй душѣ своей невѣсты, принцъ Антонъ съ трудомъ поборолъ смущеніе и съ самой любезной улыбкой произнесъ:

— Ва-а-а-ше вы-со-со-че-ство, пре-ле-стнѣй-шая изъ бо-гинь, кака-ка-ку-ку-ку-ю то-ль-ко мож-мож-жно встрѣтить, могу-ли я разсчитывать...

Но едва только онъ произнесъ это, какъ Юліана отчаянно замахала руками.

— Не старайтесь расточать ваше краснорѣчіе, принцъ. Ея высочество не понимаетъ по-нѣмецки, — произнесла самымъ искреннимъ тономъ шалунья.

— Но ея вы-ы-ы-сочество... — замямлилъ снова бѣдный заика.

— Ея высочество съ двухлѣтняго возраста живетъ въ Россіи и не говоритъ иначе, какъ по-русски, ваша свѣтлость, — снова прервала на полусловѣ бѣднаго принца Юліана.

— Но по фран-фран-цузски? Вѣдь го-го-го-во-о-ритъ принцесса по фран-фран-фран-цузски! — въ отчаяніи переходя на французскій языкъ произнесъ совсѣмъ оторопѣвшій принцъ.

— Ни-ни!—усиленно замотала головой Юліана.

— Но какъ-же мнѣ гово-о-о-рили...

— Вамъ говорили сущія нелѣпости,—живо затараторила Юліана.—Правда, у принцессы есть воспитательница француженка, но принцесса не хочетъ у нея ничему учиться. Она ужасно зла, принцесса, даромъ что выглядитъ тихоней, а когда ее кто-нибудь разсердитъ, принцесса кусается, какъ дикій звѣрекъ, или бьетъ насъ, своихъ фрейлинъ, по щекамъ,—торжествующе заключила шалунья.

— О-о!—произнесъ въ ужасѣ принцъ, со страхомъ косясь на свою невѣсту.

Та только губы закусила, чтобы не расхохотаться выходкѣ проказницы Юліаны.

— Ну, пари держу, что онъ убѣжитъ теперь за сто тысячъ верстъ отъ такой невѣсты,—успѣла шепнуть послѣдняя своей подругѣ.—Вы должны, принцесса, благодарить меня.

Императрица все это время издали любовалась своею племянницею и ея женихомъ, не подозрѣвая, какой травлѣ былъ подвергнутъ несчастный принцъ.

— Гляди, генералъ,—обратилась она къ почтительно стоявшему передъ нею Миниху,—какъ оживленно бесѣдуютъ наши дѣти. О, изъ нихъ выйдетъ славная парочка! Только онъ слишкомъ еще робокъ, нашъ молодой принцъ. Надо отшлифовать его хорошенько. Ты возьмешь его съ собою въ польскій походъ, генералъ, и вернешь возмужалымъ юношей!

— Слушаю, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ и, мелькомъ взглянувъ на принца, подумалъ тутъ-же: «Ну, не знаю, гдѣ видитъ оживленіе государыня. Говоритъ одна только проказница Юліана, принцесса-же нѣма, какъ рыба, а что касается принца, то... Великій Боже, что за жесты, что за дикая мимика у этого молодца?»

Между тѣмъ принцъ, повѣривъ Юліанѣ, что Анна

не пойметъ его рѣчей, принялся объясняться съ нею языкомъ жестовъ и мимики. Онъ то прикладывалъ руки къ сердцу, то поднималъ въ потолокъ глаза и всячески старался показать ей, какъ восхищенъ ея граціей, костюмомъ и красотой.

Видъ принца былъ настолько смѣшонъ и жалокъ, что принцесса окончательно отвернулась отъ своего жениха.

— О, Юліана! Это какой-то ощипанный цыпленокъ, а не принцъ!—произнесла она съ негодованіемъ и, поспѣшно отойдя отъ него, бросилась въ сосѣдніе съ залою аппартаменты. Миновавъ цѣлый рядъ роскошно убранныхъ покоевъ, юная принцесса вбѣжала въ пустовавшій въ то время зимній садъ, который находился на самомъ концѣ дворца. Посреди сада меланхолически звенѣла искрящаяся струя фонтана. На диковинныхъ заморскихъ деревьяхъ, разставленныхъ въ большихъ расписныхъ бочкахъ, сидѣли пестрыя птицы. У каменнаго грота, устроеннаго въ самомъ концѣ сада, стоялъ черный, какъ уголь, арапъ со скрещенными на груди руками, неподвижный, какъ каменное изваяніе. На его черномъ лицѣ сверкали лишь бѣлки глазъ, широко раскрытыхъ и обращенныхъ ко входу въ зимній садъ императрицы, стражемъ котораго онъ былъ.

Принцесса Анна стремительно вбѣжала въ садъ, приблизилась къ гроту, упала на бѣлую мраморную скамейку, стоявшую въ глубинѣ грота, и громко зарыдала, лепеча сквозь всхлипыванія:

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я не простая дѣвочка Христина, не бѣдная дочь какого-нибудь Мекленбургскаго ремесленника! Зачѣмъ судьба мнѣ сулитъ высокую долю! Выйти замужъ за этого противнаго принца, всю свою жизнь проводить въ этомъ скучномъ дворцѣ, кланяться и присѣдать по этикету, наряжаться и блистать, и слушать лесть, и самой смѣяться, и притворяться!.. Бѣдная,

бѣдная Анна, невеселая участь ждетъ тебя! И одна ты, одна на свѣтѣ, никто не заступится за тебя!

И горькія слезы новымъ потокомъ заструились по убитому личику маленькой Діаны.

— Ошибаетесь, ваше высочество! У васъ есть другъ преданный и вѣрный! — раздался тихо пріятный голосъ невдалекѣ.

Принцесса съ изумленіемъ подняла глаза.

Никого, ни одной души не было въ зимнемъ саду, если не считать чернаго арапа, безмолвнымъ каменнымъ изваяніемъ попрежнему стоявшаго у входа въ гротъ. Но арапъ не могъ знать по-русски, а если и зналъ, не сумѣлъ-бы такъ чисто выразиться на этомъ языкѣ.

Принцесса обвела гротъ испуганными глазами. Попрежнему глухая тишина царила въ немъ. Только крохотныя птички порхали съ вѣтки на вѣтку тропическихъ деревьевъ, да меланхолически звучала фонтанная струя...

Тогда суевѣрный ужасъ охватилъ Анну.

Съ быстротою молніи вскочила она на ноги и кинулась бѣжать къ выходу, чуть не сбивъ съ ногъ на порогѣ входившую въ садъ новую группу.

Трое существъ заняли черезъ минуту покинутое въ гротѣ мѣсто на-смерть испуганной принцессы. Цесаревна Елизавета, одѣтая Психеей, въ чудесной розовой робѣ и съ брилліантовой діадемой на пышно взбитыхъ волосахъ, стремительно вбѣжала въ гротъ. Крошечный пажъ, наряженный Амуромъ, несъ ея шлейфъ съ торжественной миной на очаровательномъ личикѣ. Этотъ пажъ былъ Андрюша Долинскій. За недолгое время своего пребыванія во дворцѣ цесаревны онъ, благодаря стараніямъ своего крестненькаго, успѣлъ научиться всѣмъ обязанностямъ пажа. Онъ не отходилъ отъ цесаревны, ловилъ взоры ея ласковыхъ очей, стараясь предупредить малѣйшее желаніе своей высокой покровительницы.

И сейчасъ, какъ только Елизавета опустилась на скамью, онъ, не спуская съ нея глазъ, пріютился у ногъ цесаревны, ловя ея мимолетные взоры.

Но сегодня Елизавета какъ-бы забыла о присутствіи своего маленькаго любимца-пажа. Она казалась очень взволнованной. Гнѣвъ и негодованіе выражались на ея прекрасномъ лицѣ.

— Это ужасно! Это возмутительно!.. Помѣстить въ мой домъ шпіона, чтобы слѣдить за мною!.. Это выдумки Бирона, даромъ что приказаніе идетъ отъ Миниха, — говорила цесаревна гнѣвнымъ голосомъ, обращаясь къ почтительно стоявшему передъ ней лейбъ-медику Лестоку.

— Приказаніе идетъ изъ устъ государыни, — произнесъ послѣдній, поднимая на принцессу значительный взглядъ.

— Тѣмъ хуже, Лестокъ, тѣмъ хуже! — пылко сорвалось съ устъ Елизаветы. — Значитъ Анна не довѣряетъ мнѣ.

— Коршунъ не можетъ вѣрить смиренію дикаго лебедя, чье гнѣздо онъ занялъ не по праву.

— Молчите, докторъ, вы погубите и себя, и меня. Здѣсь сами стѣны надѣлены ушами, — произнесла цесаревна.

— Ваше высочество могли-бы не бояться теперь этихъ стѣнъ, если-бы послушались въ свое время меня. Вы помните, цесаревна, ту ночь, въ которую блаженной памяти Петръ II скончался въ Москвѣ? Я разбудилъ васъ тогда среди ночи и умолялъ ваше высочество скакать изъ Покровскаго въ Москву и заявить свое право на престолъ Россійскій. Что вы отвѣтили тогда, цесаревна, вашему вѣрному слугѣ?

— То же, что отвѣчу вамъ и теперь, мой вѣрный Германъ. Я не хочу короны. Такъ жить легче и беззаботнѣе. Не знаю, но мнѣ кажется, я слишкомъ молода еще и слишкомъ люблю веселую, безпечную жизнь, что-

бы желать престола... И потомъ, развѣ нельзя дѣлать добро, не нося горностаевой царской мантіи на плечахъ? Развѣ мои крестьяне и солдатики-гвардейцы не довольны своей царевной?

— Но ради нихъ то, ради пользы всей Россіи вы и должны желать ко...—началъ Лестокъ, но тутъ цесаревна схватила его за руку.

— Тише!—прошептала она, въ то время какъ легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Глаза цесаревны встрѣтились съ умнымъ, блестящимъ взглядомъ чернаго человѣка, застывшаго въ своей неподвижной позѣ у входа въ гротъ.

— Онъ можетъ понять насъ!—произнесла она по-французски.

— Онъ не пойметъ ничего. Ты понялъ что-нибудь, чумазый пріятель?—обратился Лестокъ къ арапу.

Тотъ безсмысленно улыбнулся, не измѣняя позы.

— Вотъ видите, ваше высочество, я правъ!—торжествующе засмѣялся лейбъ-медикъ!

— Но почему онъ смотрѣлъ на меня?—тѣмъ-же опасливымъ шопотомъ произнесла Елизавета.

— Это понятно. Арапъ тоже человѣкъ и, какъ человѣкъ, не можетъ не воздать дани божественной красотѣ вашего высочества. Неправда-ли, дружокъ, ты находишь цесаревну прекрасной?—снова обратился къ черному человѣку Лестокъ, ударивъ его по плечу.

По лицу арапа пробѣжала гримаса, замѣняющая улыбку. Глаза его безъ всякаго выраженія взглянули на говорившаго.

— Нѣтъ, онъ нѣмъ, какъ рыба, глухъ, какъ тетеревъ и глупъ, какъ гусь! Вашему высочеству рѣшительно нечего опасаться,—разсмѣялся Лестокъ и тотчасъ же добавилъ:

— Однако, надо уйти отсюда. Наше долгое отсутствіе можетъ быть истолковано не въ вашу пользу. Ска-

жутъ, пожалуй, что въ зимнемъ саду государыни задуманъ тайный заговоръ... Идемъ-же, принцесса! Идемъ, Андрюша! Великій Боже! Что это? Мальчикъ уснулъ!

И веселый, подвижной, какъ и подобаетъ быть настоящему швейцарцу, Лестокъ быстро склонился надъ спящимъ у ногъ царевны ребенкомъ.

— Не будите его, а положите на скамейку и въ концѣ вечера пришлите кого-нибудь изъ фрейлинъ за нимъ. Бѣдный малютка утомился. Ему еще рано ѣздить по баламъ...

И, нѣжно поцѣловавъ соннаго мальчика, царевна вышла въ сопровожденіи своего придворнаго врача.

Едва успѣли фигуры обоихъ исчезнуть за дверью, какъ арапъ, находившійся до сихъ поръ въ своей спокойной, закаменѣлой позѣ, вдругъ разомъ встрепенулся, ожилъ. Въ два прыжка онъ очутился въ гротѣ, наклонился надъ спящимъ пажикомъ и, съ трудомъ затаивъ дыханіе, бурно вздымающее его грудь, впился въ него долгимъ взоромъ.

— Милый мой, радость моя, единственный! — шептали его дрожащія губы, въ то время какъ слеза за слезой скатывались по чернымъ щекамъ и мочили пышные кудри и мирнымъ сномъ скованное дѣтское личико.

— Милый! Теперь-то, теперь я ужъ не выпущу тебя изъ вида чего-бы это не стоило мнѣ!—промолвилъ черный человѣкъ и, не будучи въ состояніи противостоять своему порыву, стремительно обвилъ руками голову ребенка и напечатлѣлъ на его чистомъ лобикѣ горячій поцѣлуй.

Все это произошло въ одинъ мигъ. И когда Андрюша открылъ изумленные заспанные глазки, черный человѣкъ уже снова стоялъ у входа въ гротъ въ застывшей позѣ каменнаго изваянія.

ГЛАВА XVII.

Изъ пословъ въ лакеи.—Графъ-шпіонъ.—То, что было услышано за досчатой перегородкой.

НУ, и попомню же я вамъ, русскія канальи! Никакіе червонцы, никакія милости не смогутъ заплатить мнѣ за всѣ эти униженія. Я курляндскій дворянинъ и почтенный человѣкъ, истинный слуга своего отечества, долженъ прислуживать этимъ неотесаннымъ мужикамъ, этимъ русскимъ салдафонамъ. О! если-бы не вѣчная гнетущая жажда отплатить моему злодѣю-обидчику, если-бы не мучительное желаніе подвести этого негодяя Шубина подъ плаху, я бы, кажется, ни за что не пошелъ на эту проклятую, унизительную должность агента тайной канцеляріи, клянусь!

И высокій, худой, въ лакейской ливреѣ и въ сѣдомъ парикѣ лакей, въ которомъ едва-ли кто-либо узналъ бы Берга, того самаго Берга, который курьеромъ съ приказомъ императрицы пріѣзжалъ въ Покровское, неистово загремѣлъ тарелками, разставляя ихъ на длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью.

Прошло болѣе трехъ недѣль со дня его поступленія въ качествѣ наемнаго лакея въ Смоляной домъ цесаревны. Елизавета не жила въ этомъ домѣ; она только наѣзжала туда по временамъ, чтобы принимать и веселить на вечеринкахъ своихъ друзей гвардейцевъ и ихъ семейства, жившихъ по сосѣдству съ нею, въ Преображенскихъ казармахъ. Но царевна гащивала иногда по

Къ главѣ XXII.

— Цесаревна Елизавета сумѣетъ спасти родину...

цѣлымъ недѣлямъ въ своемъ Смоляномъ домѣ, уединяясь сюда отъ шума придворной жизни. Домъ этотъ стоялъ, окруженный садомъ и лѣсомъ, на берегу Невы, на самой окраинѣ Петербурга, а кругомъ были расположены казармы гвардейскихъ полковъ, и никакихъ знатныхъ домовъ вельможъ по близости не было. Гвардейскіе солдатики знали «матушку-царевну», любили ее и безъ стѣсненія навѣдывались къ ней во дворецъ. Тотъ просилъ крестить у него ребенка, этотъ приглашалъ царевну въ посаженыя матери. И никому не было отказа, никого не отпускали безъ ласковой улыбки и добраго слова. Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, любимецъ офицеровъ и солдатъ, частенько передавалъ деньги отъ имени царевны тѣмъ, кто нуждался въ нихъ; онъ же носилъ богатые подарки цесаревнинымъ кумушкамъ, женамъ солдатъ. Добрая, заботливая Елизавета, какъ любящая мать, пеклась о своихъ дѣтяхъ-солдатикахъ, пеклась точно такъ же, какъ и о крестьянахъ Покровской слободы.

И послѣ каждаго ея пріѣзда въ Смоляной дворъ или, по-просту, Смольный, мнимому лакею цесаревны, Бергу, и шпіону-сторожу, уряднику Щегловитому, приходилось доносить Бирону о новыхъ затѣяхъ цесаревны, о новыхъ и новыхъ друзьяхъ-солдатикахъ, пріобрѣтенныхъ ею среди огромной войсковой семьи.

Но ничего предосудительнаго, ничего противозаконнаго не пришлось пока услышать ни тому, ни другому. Бергъ изводился. Онъ ежедневно видѣлъ своего врага — Шубина. Больше того, ему приходилось прислуживать этому врагу, смертельно оскорбившему его въ Покровскомъ, однако уличить Шубина, подвести его подъ розыскъ, ему не удавалось. Если-бы Алексѣй Яковлевичъ былъ повнимательнѣе и не уходилъ весь въ дѣло своей службы у обожаемой цесаревны, онъ бы могъ замѣтить, какъ высокій, худой, въ большомъ, сѣдомъ парикѣ лакей,

тщательно прятавшій свое лицо, смотритъ на него съ нескрываемой ненавистью и враждой. Но Шубину некогда было замѣчать этого. То и дѣло цесаревна заваливала его все новыми и новыми порученіями: то надо было позвать къ ней бѣднаго солдата, у котораго умерла жена, то отвезти подарокъ новорожденному унтеръ-офицерскому сынишкѣ, то съѣздить купить матеріи на платье невѣстѣ сержанта, которую она обѣщала благословить къ вѣнцу.

Но если Алексѣю Яковлевичу не было дѣла до новаго слуги цесаревны, то послѣдній не пропускалъ ни единаго взгляда, ни единаго слова молодого прапорщика.И все напрасно. Бергъ уже сталъ отчаиваться и сходилъ съ ума при одной мысли, что всѣ его старанія напрасны. Но вотъ, неожиданно, явился случай узнать кое-что важное, открыть цѣлый заговоръ, уличить виновныхъ. Наканунѣ Бергъ узналъ, что цесаревна пріѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Смольный, чтобъ отдохнуть среди друзей-гвардейцевъ. По этому случаю готовилась вечеринка, при чемъ эта вечеринка назначена была какъ разъ въ тотъ день, въ который три мѣсяца передъ тѣмъ исчезъ изъ тайной канцеляріи прапорщикъ Семеновскаго полка, другъ Шубина, Долинскій. Изъ подслушанныхъ разговоровъ Бергъ узналъ, что вечеринка устраивается именно въ память Долинскаго. Цесаревна Елизавета горячо чтила память каждаго изъ погибшихъ безвинно, по волѣ Бирона, людей, а Долинскій считался въ кругу цесаревны тоже однимъ изъ невинно погибшихъ.

Узнавъ о затѣвающейся вечеринкѣ и не сомнѣваясь, что на ней будутъ происходить важныя совѣщанія и разговоры, Бергъ далъ о ней знать Бирону и получилъ очень благосклонный отвѣтъ и какое-то, очень важное, секретное сообщеніе.

Бергъ потиралъ руки. Дьявольская улыбка кривила губы мнимаго лакея.

— Не будь я курляндскій дворянинъ Бергъ, если ты, голубчикъ, не влопаешься сегодня! — грозя кулакомъ невидимому Шубину, произнесъ онъ и снова съ особеннымъ рвеніемъ принимался за работу.

— Тарелки, кувшины съ виномъ, чарки — все готово... Милые гости, дѣло за вами! — шепталъ онъ злобно, подъ носъ, оглядывая столъ.

Веселый звонъ бубенцовъ, раздавшійся по близости, прервалъ его работу. Выглянувъ въ окно, Бергъ увидѣлъ широкія сани, запряженныя тройкой быстрыхъ, какъ молніи, лошадей. На козлахъ сидѣлъ Шубинъ, въ саняхъ—Елизавета съ ея неизмѣнной Маврушей и маленькій, черноглазый мальчикъ, ярко разгорѣвшійся отъ шибкой ѣзды. За ними бѣжало около десятка солдатъ-гвардейцевъ безъ шапокъ и верхняго теплаго платья, въ однихъ мундирахъ, несмотря на декабрьскій морозъ.

— Царевна-матушка! Лебедка наша! Красавица! — кричали они, не отставая отъ саней.

Царевна кланялась, улыбалась, вся сіяя счастливой, радостной улыбкой, отъ которой еще краше, еще свѣжѣе казалось ея чисто-русское разрумянившееся на морозѣ лицо.

— Ко мнѣ прошу, братцы!—кричала она, продолжая кивать и улыбаться сопровождавшимъ ее солдатамъ.— Алексѣй Яковлевичъ, зови ихъ всѣхъ ко мнѣ, — весело обратилась она къ Шубину, — для всѣхъ, надѣюсь, хватитъ угощенья.

— Какъ не хватить! Хватитъ! — отвѣтила бойкая Мавруша. — У насъ чтобъ не хватило пироговъ да водки!.. Не нѣмцы мы, прости Господи, какіе, которые ѣдятъ, какъ цыплята: тяпъ-тяпъ, хляпъ-хляпъ и кончено! Пожалуйте, служивые, на всѣхъ хватитъ! — крикнула она въ толпу солдатъ.

— Спасибо, красавица, спасибо! — отвѣчали тѣ, не отставая отъ саней. — Мы не ради угощенья, сама

знаешь... Намъ бы царевну нашу золотую повидать подольше.

— Ладно, повидаете! Бѣгите ужъ, быстроногіе! — звонко крикнула въ отвѣтъ Мавруша.

Шубинъ лихо осадилъ сани передъ крыльцомъ царевны.

— Вотъ какъ мы! — самодовольно крикнулъ онъ, обернувшись со своего облучка и блестя глазами.

— Славно, Алеша! Смерть люблю ѣзду такую! — весело улыбнулась ему царевна и вмѣстѣ съ Маврой Егоровной Шепелевой и Андрюшей выскочила изъ саней.

Въ большой горницѣ все уже было готово. Бергъ, вмѣстѣ съ другими, настоящими лакеями, суетился и хлопоталъ вокругъ огромнаго стола.

Скоро стали съѣзжаться и гости. Но блестящихъ нарядовъ и шелковыхъ робъ не видно было здѣсь. Офицеры и солдаты-гвардейцы явились сюда въ обычныхъ затрапезныхъ мундирахъ. Ихъ жены — въ простыхъ платьяхъ. Сама хозяйка вышла по-простецки, по-русски, въ шерстяномъ сарафанѣ безъ фижмъ и со спущенной по-дѣвичьи косою.

Этотъ костюмъ, изгнанный изъ Россіи Петромъ I и замѣненный нѣмецкой робой, какъ нельзя болѣе оттѣнялъ красоту Елизаветы.

— Кушайте, гости дорогіе, — произнесла она, низко кланяясь по русскому обычаю въ поясъ. — Милости просимъ, не побрезгайте моимъ хлѣбомъ-солью.

Едва только была подана первая смѣна кушаній, какъ сѣдой лакей въ большомъ парикѣ незамѣтно исчезъ изъ горницы. Онъ быстро пробѣжалъ рядъ комнатъ Смоляного дома и, выскочивъ на заднее крыльцо, тихо свистнулъ. Отвѣтный свистъ раздался подлѣ и въ кустахъ, покрытыхъ пушистымъ декабрьскимъ снѣжкомъ, зашевелился стоявшій тамъ человѣкъ. При рано сгущаю-

щихся сумеркахъ зимняго дня Бергъ различилъ плотную фигуру, одѣтую въ простой, сѣрый кафтанъ бѣднаго ремесленника.

Фигура, оглядываясь, приблизилась къ крыльцу.

— Ты, Бергъ? — произнесъ быстрымъ шопотомъ вновь прибывшій.

— Я, ваше сіятельство, пожалуйте за мною... Я проведу васъ въ сѣни... Тамъ отъ слова до слова слышно, что говорится въ горницѣ...

— Хорошо придумалъ, Бергъ. Только курляндская голова способна изобрѣсть что-либо подобное, — произнесъ довольнымъ голосомъ странный ремесленникъ.

— Радъ служить вашему сіятельству! — восторженно отвѣчалъ Бергъ и почтительно склонился передъ своимъ собесѣдникомъ.

— Веди меня и награда за мною! — снова проговорилъ тотъ и послѣдовалъ въ сѣни за мнимымъ лакеемъ.

Тотъ, весь просіявъ отъ удовольствія, заковылялъ впередъ. Миновавъ сѣни и темный переходъ, онъ быстро толкнулъ низкую дверку и впустилъ своего спутника въ крошечную коморку безъ оконъ, гдѣ не было видно ни зги.

— Васъ никто не примѣтитъ здѣсь, ваше сіятельство, — съ глубокимъ поклономъ произнесъ Бергъ, — и всякое слово, произнесенное въ горницѣ, долетитъ къ вамъ сюда черезъ досчатую перегородку.

— Хорошо! Ступай отсюда! Твое отсутствіе можетъ быть замѣчено. И помни: вѣрные слуги графа Бирона никогда не остаются безъ щедрой награды.

И кивкомъ головы мнимый ремесленникъ отпустилъ отъ себя мнимаго лакея.

ГЛАВА XVIII.

Пирушка.—Шпіонъ-казакъ.—Рѣчь Шубина.

ВКУСНЫЯ яства, тонкія вина, ласковыя улыбки гостепріимной хозяйки—все это пріятно дѣйствовало на собравшуюся молодежь. Урядникъ Щегловитый, рослый, рябоватый казакъ, стоявшій у входа въ горницу въ родѣ какъ-бы почетнаго караула, а на самомъ дѣлѣ приставленный сюда по приказанію Бирона, только хлопалъ глазами при видѣ всѣхъ этихъ питей и яствъ. У бѣднаго казака давно уже текли слюнки при видѣ всѣхъ этихъ угощеній. Съ затаенной завистью смотрѣлъ онъ во всѣ глаза, какъ ласковая цесаревна собственноручно обносила гостей серебряной чаркой. Самъ Щегловитый былъ лихой казакъ и любилъ выпить. Онъ уже ощущалъ во рту вкусъ анисовки, разсылавшей далеко по горницѣ свой душистый ароматъ. Всякій разъ, какъ кто-либо изъ присутствующихъ подносилъ чарку къ губамъ, онъ такъ и впивался глазами въ рюмку. Почти до бѣшенства доходилъ бѣдняга при видѣ того, какъ подчуются гости изъ рукъ самой цесаревны. И вдругъ—не сонъ-ли это? Передъ нимъ стройная русая дѣвушка, румяная, полная, съ быстрымъ взоромъ. Въ рукахъ ея подносъ, на подносѣ чарка.

— Выпей, родимый. Что зря стоять-то. За здоровье благовѣрной государыни Анны Іоанновны выпей.

И Мавруша Шепелева, лукаво блестя своими карими глазами, поднесла чарку уряднику.

Тотъ вздохнулъ полною грудью. Выпить за здоровье ея величества не смѣлъ отказываться ни одинъ вѣрноподданный. Таково уже правило. И дрожащей отъ смущенія рукой Щегловитый принялъ съ поклономъ чарку и духомъ опорожнилъ ее.

— А теперь за долгоденствіе государыни. Дай Богъ ей царствовать многія лѣта!—послышался снова бархатный голосъ надъ ухомъ казака и онъ увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя красавицу-царевну.

Подлѣ нея стоялъ Шубинъ съ чаркой вдвое больше первой и протягивалъ ее Щегловитому.

И отъ этой чарки не смѣлъ отговориться урядникъ.

Потомъ снова быстроокая, румяная Мавра Егоровна подноситъ ему бокалъ французской шипучки, прося выпить за силу Христолюбиваго воинства, за Гданскій походъ и за его превосходительство генерала Миниха.

За Миниха тоже нельзя не выпить: онъ главное начальство урядника, то же самое, что «атаманъ-батька»—главный начальникъ всѣхъ войскъ и предсѣдатель военной коллегіи.

Какъ не выпить за генерала-батьку!

Чарка за чаркой, бокалъ за бокаломъ, и, черезъ полчаса усиленнаго угощенія, Лестокъ коротко приказалъ столпившимся у стола слугамъ:

— Убрать этого каналью. Онъ мертвецки пьянъ.

И къ большому удовольствію присутствующихъ лакеи выволокли изъ горницы лепечущаго себѣ подъ носъ Щегловитаго.

— Ну, теперь мы одни! Никто не станетъ слѣдить за нами,—вскричалъ Шубинъ, лишь только Бироновское «ухо» исчезло за дверью,—теперь мы можемъ говорить, не опасаясь, что слово наше передастся проклятому курляндцу.

— Проклятый курляндецъ! Вотъ какъ! Ну, да тебѣ это зачтется, милѣйшій,—мысленно злорадствуя, про-

шепталъ Бергъ, скосивъ глаза въ уголъ горницы, гдѣ находилась коморка съ притаившимся въ ней Бирономъ, переодѣтымъ ремесленникомъ.

— Друзья мои, — произнесъ снова Шубинъ, поднимая чарку, — сегодня минуло три мѣсяца со дня гибели одного изъ среды нашей: вѣрнаго слуги отечества, умершаго на дыбѣ. Онъ былъ схваченъ Бирономъ лишь за то, что отзывался съ любовью о нашей высокой хозяйкѣ!

И низкимъ поклономъ Шубинъ склонился въ сторону Елизаветы. Потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Почтимъ же память нашего друга и пожелаемъ, чтобы сынъ его былъ такимъ-же вѣрнымъ слугой цесаревны, какъ и его отецъ!

И, бросивъ быстрый взглядъ на прелестнаго, черно-кудраго мальчика, не отходившаго отъ Елизаветы, Шубинъ духомъ осушилъ бокалъ.

Всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру.

— Да, уменьшаются въ числѣ вѣрные слуги отечества! Всѣ они гостепріимно принимаются подъ своды пыточныхъ отдѣленій и не выходятъ оттуда, — произнесъ высокій, статный семеновецъ, бросивъ угрожающій взоръ кому-то вдаль.

— А кто виноватъ? Кто виноватъ въ этомъ? — пылко вскричалъ Алексѣй Яковлевичъ. — Кто мѣшаетъ намъ соединиться и подать челобитную государынѣ-царицѣ? Такъ молъ и такъ, матушка-царица, защити и помилуй, народъ твой гибнетъ по прихоти курляндца. Россія залита кровавыми слезами. Прерви коварное дѣло. Все въ твоихъ рукахъ. Прогони нѣмцевъ, государыня. Развѣ среди вѣрныхъ русскихъ людей, любящихъ Россію, не найдется достойныхъ тебѣ помощниковъ?..

И, говоря это, Шубинъ весь трепеталъ отъ волненія. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собою саму

императрицу, что она милостиво выслушиваетъ его. Вся великая любовь его къ родинѣ сосредоточилась въ сверкающихъ взорахъ.

— Да, да, просить, просить государыню, просить ея величество прогнать нѣмцевъ и умолять ее утереть кровавыя слезы Россіи, прервать страшныя дѣла таинственныхъ канцелярій!.. Нести челобитную, умолить ее!.. — раздались короткіе, взволнованные возгласы среди гостей.

— Умолять можно, да что толку то? Вишь, императрица не надышется на проклятаго Бирона. Она считаетъ его первымъ своимъ помощникомъ и слугою и не согласится его прогнать. Что тогда-то? — послышался звонкій голосъ Мавруши.

— А тогда...

Глаза Шубина блеснули изъ-подъ черныхъ бровей.

— Тогда... созвать всѣхъ лучшихъ людей со всей Руси великой и требовать, да, требовать отъ нихъ спасенія родины! — произнесъ онъ, восторженнымъ взглядомъ окинувъ присутствующихъ.

— О-о! — неожиданно раздался не то вздохъ, не то возгласъ негодованія позади него.

Шубинъ живо обернулся. Маленькіе рысьи глазки Берга впились въ него сверкающимъ взоромъ.

На мгновеніе Шубинъ застылъ на мѣстѣ. Потомъ, грозно подступая къ курляндцу, произнесъ:

— Что ты хочешь этимъ сказать, холопъ?

Но Бергъ уже успѣлъ побороть себя.

— О, я только удивлялся мужеству вашего благородія, — произнесъ онъ ломанымъ языкомъ, склоняясь передъ молодымъ офицеромъ.

— То-то! — усмѣхнулся Шубинъ. — А ты лучше удивляйся тѣмъ ужасамъ, какіе ввелъ въ нашей святой Руси твой одноплеменникъ Биронъ.

И обращаясь къ обществу, Шубинъ заговорилъ опять горячо и вдохновенно:

— Я вѣрный слуга ея величества. Я присягалъ матушкѣ-императрицѣ, я желалъ видѣть въ ней мать-защитницу всего русскаго народа. И государыня-царица должна защитить насъ отъ рукъ кровопійцъ-нѣмцевъ, ищущихъ погибели Россіи. Должна во чтобы-то ни стало! Самъ Господь вступится, умудритъ ее на это! Я вѣрю въ справедливость государыни и желаю ей здравія на многія лѣта.

Быстрымъ движеніемъ Шубинъ поднялъ чарку и опорожнилъ ее до дна.

Нѣжная, бѣлая рука цесаревны легла на его плечо.

— Спасибо, Алеша! — произнесла она, — спасибо, родной. Было-бы побольше такихъ слугъ у государыни, не гибла-бы тогда родимая матушка-Русь!

Прекрасные синіе глаза Елизаветы блеснули мимолетной слезой. Она закручинилась на минуту, потомъ прежняя ласковая улыбка засіяла на ея лицѣ.

Мысль, поданная ей ея любимцемъ, плотно засѣла въ ея головѣ. А что, ежели и впрямь просить, молить государыню освободить страну отъ владычества курляндцевъ? Что, если открыть ей глаза на то, что дѣлается за ея спиною? Открыть можно, да что пользы, какъ говоритъ Мавруша? Не повѣритъ Анна и всѣхъ челобитчиковъ выдастъ съ головой.

И при мысли о томъ, что могло ожидать этихъ добровольныхъ ходатаевъ за народъ русскій, цесаревна вздрогнула отъ ужаса и закрыла рукою глаза.

ГЛАВА XIX.

Андрюша не спитъ.—Загадочныя тѣни.—Арестъ Шубина.

АХЪ, крестненькій, какъ воетъ вѣтеръ, какъ гудитъ за окномъ! — робко озираясь по сторонамъ, говорилъ своимъ тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ Андрюша, безпокойно ворочаясь въ своей постели.

— Полно, голубчикъ, что ты? Чего ты боишься? Я съ тобой!

И Алексѣй Яковлевичъ ласково провелъ рукою по кудрявой головкѣ своего крестника.—Спи! Уже поздно, миленькій.

— И царевна спитъ?

— Экъ, хватился! Гляди, не видать и свѣту въ окнахъ дворца.

И Шубинъ быстро отдернулъ кисейную занавѣску.

Черная зимняя ночь беззастѣнчиво глянула въ окно. Деревья, глухо шумя подъ напоромъ вѣтра, шевелили своими обнаженными сучьями.

Маленькій домикъ Шубина былъ расположенъ неподалеку отъ Смольнаго дворца цесаревны. Онъ выходилъ окнами съ одной стороны на дворъ Елизаветинаго запасного дворца, съ другой—на огромное снѣжное поле и рощу, плотно примыкающую къ маленькому домику. Кругомъ было глухо и безлюдно. Отъ домика до дворца приходилось идти по крайней мѣрѣ шаговъ сто по протоптанной между двумя снѣговыми сугробами дорожкѣ. Во время наѣздовъ въ Смольный запасной дворецъ Ели-

заветы Алексѣй Яковлевичъ пристраивался въ маленькомъ домикѣ со своимъ крестникомъ, готовый по первому зову изъ большого дома бѣжать туда.

Андрюша взглянулъ въ окно, приподнявшись съ постели. У-у, какая жуткая темнота царитъ кругомъ! Только и слышны шумъ вѣтра да свистъ мятелицы. Къ нимъ присоединяются еще какіе-то странные звуки. Отъ этихъ звуковъ морозъ проходитъ по тѣлу мальчика. Это волки воютъ недалеко за рощей въ лѣсу... Андрюша знаетъ, что они не посмѣютъ прійти сюда, а все же жутко слышать ихъ страшный вой. Мрачныя картины встаютъ въ памяти мальчика подъ эти звуки: долгій путь съ покойной матерью, харчевня, смерть любимой...

— Крестненькій! — снова говоритъ Андрюша, — а какъ ты думаешь, видятъ меня матушка съ батюшкой сію минуту съ небесъ?

— Видятъ, голубчикъ. Какъ не видѣть!.. Мертвые могутъ знать и видѣть все, что ни дѣлается на землѣ.

— И царевну они видятъ?

— Конечно!

— И тебя?

— Всѣхъ, всѣхъ, конечно, милый мой мальчикъ.

— И видятъ, какъ ты и царевна любите меня?

— И это видятъ!

— Значитъ они счастливы! — произнесъ мальчикъ, улыбнувшись мечтательно и потомъ, подумавъ минуту, снова произнесъ:

— А злого Бирона они тоже видятъ и навѣрное проклинаютъ его?

— Нѣтъ, мальчикъ. Тамъ, въ небесахъ нѣтъ ни ненависти, ни вражды, ни проклятій. Только здѣсь, на землѣ, дитя мое, ненавидятъ и мучаютъ сильные слабыхъ, — произнесъ задумчиво Шубинъ.

— Но я, я ненавижу его, крестненькій! Онъ взялъ у меня отца, изъ-за него матушка умерла!..

— Спи съ Богомъ, Андрюша, спи! Меня самого клонитъ ко сну.

И заботливо прикрывъ крошку-пажа шелковымъ одѣяльцемъ, Алексѣй Яковлевичъ быстро раздѣлся и легъ. Скоро ровное дыханіе его донеслось до слуха Андрюши.

— Уснулъ крестненькій! — произнесъ мальчикъ и, повернувшись на бокъ, всѣми силами старался забыться и самъ.

Но дремота, всегда послушная дѣтской головкѣ, теперь будто съ умысломъ бѣжала отъ нея. Андрюшѣ не спалось. Дикія завыванія вѣтра и волчій вой не давали ему покоя. Страшная ночная мгла, таившая въ себѣ какую то притягательную силу, такъ и тянула, такъ и манила его къ себѣ. Малютка неслышно всталъ, быстро и безшумно одѣлся, и вскорѣ крошечная фигурка, примостившаяся на подоконникѣ, прильнула къ окну.

Глаза малютки устремились на небо. Тамъ сіяли, кротко мигая золотыя, ласковыя звѣзды. Онѣ точно улыбались, точно кланялись ему. Андрюша вспомнилъ красивую легенду, которую разсказывала ему когда-то мать. Въ этой легендѣ говорилось, что звѣзды — глаза праведныхъ, хорошихъ умершихъ людей и маленькихъ дѣтишекъ.

«Вѣрно тамъ и матушкины, и батюшкины глазки!» мелькало въ головѣ мальчика, и онъ еще съ большей нѣжностью устремилъ въ небо свой взоръ.

Вдругъ легкій шорохъ привлекъ вниманіе Андрюши. Прямо подъ окномъ мелькнула какая-то темная фигура, за ней другая, третья.

— Это вѣрно слуги изъ дворца. Цесаревна, должно быть, послала звать къ себѣ крестненькаго! — рѣшилъ мальчикъ.

Но за первыми двумя темными тѣнями промелькнуло еще нѣсколько, четыре-пять другихъ. Потомъ еще и еще. Андрюша сталъ считать ихъ и сбился.

Неясный страхъ и испугъ своими ледяными тисками сжали сердце Андрюши. Онъ быстро вскочилъ съ подоконника и сталъ будить крестнаго, сбивчиво толкуя ему что-то про черныхъ, неизвѣстныхъ людей.

— Крестненькій, проснись! Проснись, дядя Алеша!— весь дрожа и трепеща отъ непонятнаго ему самому волненія кричалъ мальчикъ.

Шубинъ живо открылъ глаза и, дико озираясь, вскочилъ съ постели.

— Что? Что такое?—лепеталъ онъ спросонокъ.

— Гляди... гляди... крестненькій! —зашепталъ, подтаскивая его къ окну, Андрюша. —Тамъ они... Ихъ много, много... И всѣ крадутся точно воры... Сюда идутъ... къ крыльцу... Гляди! Гляди!

Шубинъ быстро накинулъ на себя платье и подбѣжалъ къ окошку, но во дворѣ не было видно ни одной души.

— Полно, почудилось тебѣ. Ложись спать, милый! — произнесъ, обращаясь къ мальчику, молодой прапорщикъ.

Вдругъ онъ чутко насторожился.

Чуть слышные шаги въ сѣняхъ привлекли его вниманіе. Въ тотъ-же мигъ наружная дверь жалобно заскрипѣла подъ сильнымъ ударомъ. Еще такой ударъ— и въ сѣняхъ послышалась глухая возня, шумъ, топотъ.

Андрюша съ испуганнымъ крикомъ метнулся къ Шубину. Тотъ привлекъ его къ себѣ одной рукой, другой обнажилъ шпагу.

— Господи! Спаси и помилуй невиннаго ребенка, не дай погибнуть вмѣстѣ со мной! —прошепталъ онъ, поднявъ глаза къ небу.

Страшная, роковая догадка осѣнила его голову.

Шаги между тѣмъ приближались съ каждой минутой. Вотъ уже совсѣмъ ясно, что нѣсколько человѣкъ

хозяйничаютъ въ сосѣдней комнатѣ. Шубинъ нервно сжалъ рукою рукоятку шпаги... Минута... другая... третья... О, какъ мучительно долго тянется время!..

Но вотъ кто-то подошелъ къ двери и изо всѣхъ силъ ударилъ въ нее.

— Открывай, што-ли!—послышался грубый громкій окрикъ.

И новые удары посыпались въ дверь.

Ударялъ теперь не одинъ человѣкъ, не двое. Должно быть много ихъ пришло за нимъ—Шубинымъ.

Алексѣй поднялъ шпагу. Онъ пронзитъ ею перваго, кто появится на порогѣ... Онъ недешево продастъ свою свободу и жизнь...

И вдругъ страшный, оглушительный трескъ... Дверь, подавшись впередъ, валится съ шумомъ къ ногамъ ошеломленнаго прапорщика и цѣлая толпа неизвѣстныхъ людей врывается въ комнату. Впереди всѣхъ торжествующій Бергъ.

— Вотъ онъ, берите его!—кричитъ курляндецъ съ пѣной у рта и съ дикимъ бѣшенымъ блескомъ въ глазахъ,—берите его! Онъ порицалъ милостивое царствованіе нашей государыни и грозилъ бунтомъ... Онъ измѣнникъ. Хватайте его!

Нѣсколько человѣкъ кинулись къ Шубину и схватили его. Шубинъ взмахнулъ шпагой. Но чьи-то сильныя руки выбили ее изъ его рукъ, другія руки вырвали изъ его объятій плачущаго Андрюшу и въ одинъ мигъ обезоруженнаго офицера скрутили веревками по рукамъ и ногамъ, вынесли его изъ домика и положили въ сани, стоявшія у крыльца. Бергъ и его спутники усѣлись туда-же. Кто занялъ козлы, кто всталъ на запятки, и сани тронулись, чуть скрипя полозьями по снѣжной дорогѣ.

— Остановитесь! Остановитесь! Возьмите и меня съ собою! Я не хочу оставаться безъ крестненькаго! Не

хочу! Не хочу!—кричалъ взволнованный голосокъ кинувшагося слѣдомъ за санями Андрюши.

Но никто не слышалъ, никто и не хотѣлъ слушать несчастнаго ребенка. Возница хлестнулъ лошадей. Сани помчались быстрѣе.

Андрюша побѣжалъ за ними, продолжая громко плакать и кричать:

— Возьмите меня! И меня возьмите!

Но только вьюга и вѣтеръ отвѣчали ему, заглушая его крики и плачъ. Вьюга кружилась и пѣла вокругъ него. Вѣтеръ свистѣлъ въ уши. Мальчикъ бѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу. Его крошечныя ножонки вязли въ сугробахъ... А сани уже были далеко, далеко... Вскорѣ онѣ повернули за уголъ и исчезли изъ вида.

— О, злые! злые люди! Отдайте мнѣ моего крестненькаго!—неутѣшно зарыдалъ несчастный мальчикъ.

И вѣтеръ, и вьюга рыдали вмѣстѣ съ нимъ...

Андрюша остался теперь совсѣмъ одинокимъ среди пустынной дороги.

«Къ цесаревнѣ. Къ ней, родной, ласковой, милой!—неожиданно мелькнула быстрая мысль въ крошечной дѣтской головкѣ,—она поможетъ крестненькому, она освободитъ его, велитъ догнать злыхъ людей, прикажетъ вернуть дядю Алешу!»

И со всѣхъ ногъ малютка пустился назадъ къ Смоляному дому.

Но бѣжать ему было больше не подъ силу. Темнота и снѣжные сугробы утруждали путь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Андрюша окончательно выбился изъ силъ, опустился на снѣгъ и горько заплакалъ...

Бѣдный мальчикъ такъ горько всхлипывалъ и рыдалъ, такъ ушелъ весь въ свое горе, что не разслышалъ скрипѣвшихъ по снѣгу быстрыхъ шаговъ, не замѣтилъ приближающейся къ нему высокой фигуры. А незнакомецъ

приближался и приближался быстро, быстро къ маленькой фигуркѣ. И вотъ онъ уже въ двухъ шагахъ отъ нея...

Андрюша поднялъ голову, взглянулъ передъ собою затуманеннымъ слезами взглядомъ и трепетъ ужаса пробѣжалъ по его маленькому тѣлу: передъ нимъ стоялъ страшный черный человѣкъ со сверкающими въ темнотѣ бѣлками, точно самъ сатана въ образѣ человѣка.

Андрюша громко вскрикнулъ, протянулъ впередъ крошечныя ручонки, отталкивая ими страшное видѣнье, и... лишился чувствъ.

Вскрикнулъ и черный человѣкъ и быстро склонился надъ ребенкомъ. При слабомъ свѣтѣ луны онъ успѣлъ разсмотрѣть прелестное, смертельно блѣдное личико и тихо, испуганно закричалъ:

— Онъ! Опять онъ, мой мальчикъ! Само небо посылаетъ меня къ нему! И одинъ въ эту пору въ темномъ полѣ!.. Скорѣй, скорѣй отнести его во дворецъ Елизаветы!.. Докторъ Лестокъ приведетъ въ чувство ненагляднаго крошку...

Говоря это, черная фигура заботливо склонилась надъ безчувственнымъ ребенкомъ и легко подняла его. Потомъ, прижавъ Андрюшу къ сильно бьющемуся сердцу, черный человѣкъ быстро зашагалъ съ нимъ по снѣжной дорогѣ по направленію Смольнаго дворца, всячески стараясь своимъ теплымъ дыханіемъ согрѣть закоченѣвшаго малютку...

Въ то время сани съ похищеннымъ Шубинымъ находились уже далеко-далеко отъ Смоляного двора.

ГЛАВА XX.

Въ каменномъ мѣшкѣ.—Бергъ отомщенъ.

АЛЕКСѢЙ Яковлевичъ лежалъ связанный на днѣ саней, у ногъ своихъ похитителей. Его тѣло томительно ныло, веревки, перетягивавшія члены, вонзались въ него, вызывая нестерпимую боль. Ко всему этому прибавлялось мучительнѣйшее чувство полнаго недоумѣнія—за что его взяли? Какимъ страшнымъ преступленіемъ заслужилъ онъ это разбойничье нападеніе въ эту ночь? Изъ нападавшихъ на него враговъ онъ узналъ только одного—торжествующаго лакея дворца цесаревны. Но какимъ образомъ нѣмецъ-лакей могъ попасть въ число его недруговъ, Шубинъ никакъ не могъ сообразить. Ему и въ голову не приходило, что этотъ лакей въ сѣдомъ парикѣ—обиженный имъ въ слободѣ Покровской курляндецъ Бергъ.

А сани все неслись и неслись по снѣжной дорогѣ. Вотъ онѣ вынырнули на такъ называемую «Большую Прешпективу», вотъ миновали Аничковскую слободу съ примыкавшей къ ней огромной рощей, вотъ пролетѣли мимо Казанской церкви и очутились у воротъ адмиралтейской крѣпостцы. Здѣсь возница разомъ осадилъ лошадей. Сани остановились. Сидѣвшіе въ нихъ выпрыгнули и вынули связаннаго по рукамъ и по ногамъ Шубина. Два караульныхъ солдата, по данному знаку, широко открыли ворота, которыя вели въ крѣпостной дворъ, гдѣ, по самой серединѣ, горѣлъ одинокій фонарь.

Невѣдомые враги Алексѣя Яковлевича пронесли своего плѣнника чрезъ дворъ, мимо фонаря, по направленію къ небольшой площади, отдѣленной заборомъ, и, пройдя чрезъ узкое, маленькое отверстіе, опустили его на землю рядомъ съ глубокой, темной, четырехугольной ямой, имѣвшей видъ могилы. Вслѣдъ затѣмъ они, по приказанію шедшаго впереди, сняли съ арестанта веревки.

Шубинъ, не подозрѣвавшій какая участь грозитъ ему, съ удовольствіемъ расправилъ затекшіе члены, вытянулъ руки. Но тутъ чей то неожиданный толчокъ заставилъ его пошатнуться, оступиться, и черная бездна поглотила несчастнаго.

Каменный мѣшокъ принялъ свою жертву...

. . . . . .

Страшная, черная, узкая четырехугольная яма давила заключеннаго со всѣхъ сторонъ. Бѣдный узникъ не могъ пошевелиться, не могъ двинуться съ мѣста. Черныя стѣны, выложенныя камнями, почти вплотную приходились къ его плечамъ. Это былъ тѣсный гробъ, въ которомъ, къ тому же, заживо-погребенный долженъ былъ находиться стоя. Алексѣй Яковлевичъ сразу понялъ весь ужасъ своего положенія. Понялъ и содрогнулся. Онъ зналъ, что заключеніе въ «каменный мѣшокъ»— была страшнѣйшая изъ пытокъ, ужаснѣйшая изъ казней. Только самыхъ страшныхъ преступниковъ и пытали такимъ способомъ. Несчастные лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выносили свое мучительное заключеніе. Многіе задыхались, многіе сходили съ ума, не преодолѣвъ томительной пытки. Это была смерть, но смерть медленная, мучительная. Алексѣй Яковлевичъ приготовился къ ней. Онъ не кричалъ, не звалъ на помощь. Онъ зналъ, какъ безполезно будетъ все это. Его не спасутъ, не вынутъ отсюда. Черный каменный гробъ долженъ заключить его, полную свѣтлыхъ надеждъ, молодую жизнь. А эта жизнь

была до сихъ поръ такъ прекрасна! Прекрасна съ той поры, какъ онъ встрѣтилъ цесаревну... О, какъ онъ помнитъ этотъ день! Сама смерть, кажется, не заставитъ его забыть эту благословенную встрѣчу. Въ темныхъ воронежскихъ лѣсахъ, неподалеку отъ границы родной вотчины его матери, встрѣтилъ онъ Елизавету. Она выѣзжала на соколиную охоту съ небольшою свитою, въ неизмѣнномъ мужскомъ охотничьемъ кафтанѣ, прекрасная и смѣлая, какъ всегда. Шубинъ и прежде много слышалъ о ней, много говорилъ про нее со своимъ пріятелемъ Долинскимъ, но видѣть ее не доводилось. Въ дни его пребыванія въ Петербургѣ цесаревна находилась то въ Москвѣ, то въ селѣ Покровскомъ. Но онъ думалъ о ней много, часто мечтая о плѣнительномъ образѣ настоящей русской царь-дѣвицы. И вотъ, въ осеннее свѣжее утро, когда деревья одѣлись въ багряно-золотистый нарядъ—стройное, дивное видѣнье предстало передъ нимъ, съ бѣлымъ кречетомъ на плечѣ предстала дочь Великаго Петра. И съ перваго же взгляда, съ перваго взмаха бровей, царственнаго и смѣлаго, Шубинъ былъ очарованъ и красотою цесаревны, и ея добротою, и ея царственнымъ величіемъ. И съ этой минуты онъ поклялся служить ей, поклялся отдать ей всѣ свои силы и—его дерзкія мечты зашли далеко—помочь ей стать спасительницей Россіи отъ курляндскаго ига и добыть для нея похищенный престолъ...

Но все рушилось въ одинъ день... Кара была незаслуженна, мученіе непосильно... Шубинъ поднялъ лицо къ небу, горѣвшему въ отверстіе его гробницы золотыми очами ночныхъ созвѣздій, и въ тотъ же мигъ испустилъ крикъ неожиданности, изумленія, почти суевѣрнаго страха.

Передъ нимъ, высоко надъ его головою, какъ въ рамѣ, опоясанное отверстіемъ каменнаго мѣшка, виднѣлось, слабо освѣщенное ближнимъ фонаремъ, пере-

кошенное лицо Берга. Мнимый лакей давно уже сорвалъ съ головы парикъ, совершенно измѣнившій его лицо, и съ дьявольской улыбкой торжества смотрѣлъ на Шубина.

— Узнаешь меня, неправда-ли, пріятель? Вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться. Небось, попомнишь теперь, какъ оскорблять прирожденнаго курляндскаго дворянина! Не забудешь никогда того рокового дня въ селѣ Покровскомъ и курьера Берга, умѣющаго мстить за обиды!

Алексѣй Яковлевичъ отъ слова до слова слышалъ злорадную рѣчь. И рѣзкимъ пятномъ встало передъ нимъ недавнее происшествіе. Онъ внимательно взглянулъ на перекошенное лицо рыжаго курляндца, узналъ его и разомъ понялъ все. «Доносъ! Клевета изъ мести!»

— Убью, негодяй! — вскричалъ онъ и дико рванулся впередъ, но сильный ударъ каменныхъ стѣнъ о его грудь, голову и спину разомъ напомнилъ ему о его безсиліи. Торжествующій хохотъ Берга еще болѣе подтвердилъ ему, что его угроза теперь неисполнима. Несчастный могъ только испустить мучительный стонъ, почти лишаясь сознанія.

ГЛАВА XXI.

Собираются тучи.—Жертва застѣнка.

ГОСУДАРЫНЯ гнѣвается. Государыня не въ духѣ изволила подняться.

Напрасно безотлучно окружавшія Анну Іоанновну дѣвки-дурки, во главѣ съ любимицей государыни карлой Буженіновой, всячески старались увеселить свою высокую госпожу; напрасно Анна Ѳеодоровна Юшкова, безотлучная фрейлина императрицы, кликнула шутовъ, и тѣ, умостившись въ лукошки, принялись кудахтать по куриному, что всегда такъ забавляло Анну; напрасно курляндка Зарлендъ, приставленная въ надзирательницы къ любимому говорящему попугаю государыни, заставляла своего питомца старательно повторять чуть-ли не сотый разъ: «Нѣтъ могущественнѣе на свѣтѣ русской государыни. Да здравствуетъ на многія лѣта императрица Анна Іоанновна!» Все напрасно! Государыня даже не улыбнулась на продѣлку шутовъ, обыкновенно заставлявшую ее смѣяться, и не приласкала своего пернатаго любимца.

Прибѣжала любимая собачка императрицы Цитринка; прибѣжалъ слѣдомъ за нею спеціально приставленный къ ней шутъ Никита Волконскій, бывшій знатный дворянинъ и князь, обращенный въ шуты императрицей по личной враждѣ ея величества къ его супругѣ, нынѣ заточенной въ монастырь. Но и на Цитринку императрица не обратила вниманія.

Прибѣжали наконецъ маленькіе Бироны и начали возиться и шумѣть, но Анна только морщилась въ отвѣтъ на веселую болтовню дѣтей. Даже Гедвига, пріютившаяся у ея ногъ и разсказывавшая о новыхъ своихъ обидахъ, причиненныхъ ей братьями, не произвела обычнаго впечатлѣнія на государыню.

Анна Іоанновна была не въ духѣ и весь дворъ затихъ. На лицахъ фрейлинъ застыло почтительно-печальное настроеніе. Лица камергеровъ вытянулись, прилично случаю.

У императрицы были въ этотъ разъ уважительныя причины къ тоскѣ и грусти. Вѣсти изъ Польши не приносили ничего утѣшительнаго. Союзница Станислава Лещинскаго, Франція, обѣщала послѣднему усиленную помощь. Русскій фельдмаршалъ Ласси съ двадцатитысячнымъ войскомъ готовился къ осадѣ Гданска и слалъ съ дороги предупрежденія, что побѣда достанется не такъ-то легко, благодаря вмѣшательству французовъ, и что придется пролить много крови, для того чтобы одолѣть враговъ.

Но, помимо военныхъ дѣлъ, еще другія заботы угнетали государыню. Принцъ Антонъ Брауншвейгскій не понравился своей невѣстѣ и принцесса Анна явно сторонилась его. Положимъ, принцесса была очень молода и, подрасти она немного, все могло-бы измѣниться къ лучшему. Но и самой государынѣ былъ не по душѣ робкій, заикающійся, безцвѣтный принцъ, хотя она всячески старалась не показывать этого приближеннымъ. Отослать-же принца обратно — значило оскорбить австрійскаго императора, которому онъ приходился близкимъ родственникомъ.

А тутъ еще принцесса Елизавета. Биронъ открылъ новыя козни ея близкаго приближеннаго и настаиваетъ на привлеченіи его къ розыску. Это будетъ ударъ для цесаревны и порветъ и такъ уже натянутыя отношенія

между ними... Но вѣрный Эрнстъ открылъ такія важныя тайны, такія козни, что...

Анна Іоанновна даже вздрогнула при одной мысли о нихъ...

И глубоко, глубоко задумалась она, положивъ голову на руку и глядя куда-то вдаль.

Потомъ она быстро вскинула взоромъ на толпившихся вокругъ нея приближенныхъ. Что-то жесткое теперь мелькнуло въ ея суровомъ, но далеко не злобномъ обычно лицѣ.

— Эрнстъ правъ,—произнесла она мысленно,—только строгостью и крутыми мѣрами можно создать благополучіе Россіи!

И рѣшивъ это, государыня приказала позвать дежурнаго пажа. Съ нимъ она послала наказъ торжествующему любимцу: допросить новаго арестанта-прапора со «всевозможнымъ пристрастіемъ», т.-е. со всею строгостью.

. . . . . .

Маленькій, темный застѣнокъ адмиралтейской крѣпости съ сырыми сводами, освѣщенный единственною сальною свѣчею, поражалъ своимъ угрюмымъ видомъ. Кольца, дыбы, гнутыя «виски»—словомъ всѣ орудія пытки того времени нашли гостепріимство въ этой страшной комнатѣ, со скользкимъ отъ обильно орошаемаго человѣческой кровью поломъ, съ тяжелымъ, смраднымъ запахомъ сырости и тлѣнія.

За столомъ, сдвинутымъ къ стѣнѣ, сидѣлъ не менѣе страшный, нежели самый застѣнокъ, генералъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, прибывшій сюда только что изъ своей тайной канцеляріи. Секретарь его, приготовившійся записывать показанія, сидѣлъ тутъ-же. Нѣсколько заплечныхъ мастеровъ находилось у двери. Между ними былъ и необходимый въ пыточномъ дѣлѣ костоправъ-лѣкарь, которому приходилось вправлять

суставы, вывороченные на дыбѣ у несчастныхъ мучениковъ.

За дверью послышался повелительный голосъ, и самъ Бирономъ, въ сопровожденіи извивающагося змѣей Берга, вошелъ въ застѣнокъ.

— Добились чего-нибудь на утреннемъ розыскѣ, генералъ? — коротко обратился онъ съ вопросомъ къ Ушакову.

Андрей Ивановичъ почтительно поднялся съ кресла передъ лицомъ всесильнаго временщика.

— Ничего не могли подѣлать, ваше сіятельство. Арестованный нѣмъ, какъ рыба,—разведя безсильнымъ жестомъ руками произнесъ тотъ.

— Но я приведу еще новыя доказательства вины его... Ввести сюда обвиняемаго! — приказалъ сурово Бирономъ.

Секретарь стремительно выскочилъ изъ-за стола и кинулся въ смежную горницу. Вскорѣ послышались шаги за дверью и на порогѣ появился, еле передвигавшій ноги и поддерживаемый двумя стражниками, Шубинъ, предшествуемый секретаремъ.

Трудно было узнать теперь прежняго молодца-гвардейца. Опустившаяся, сгорбленная фигура, землянисто-сѣрое лицо, потухшіе глаза и мертвенно бѣлыя губы— вотъ что оставалось отъ недавно еще прекраснаго лица молодого прапорщика. Двѣ недѣли, проведенныя въ каменномъ мѣшкѣ, не прошли даромъ. Красавецъ Шубинъ сталъ неузнаваемъ.

Онъ равнодушнымъ взглядомъ обвелъ обоихъ вельможъ, секретаря, палачей, стражниковъ, всѣхъ присутствующихъ, и вдругъ лицо его вспыхнуло, глаза засверкали негодованіемъ и гнѣвомъ.

— Негодяй!—произнесли его трепещущія губы, и сверкающій взоръ съ такимъ гнѣвомъ остановился на Бергѣ, что тотъ счелъ за лучшее юркнуть за спины караульныхъ солдатъ.

— Сегодня послѣдній допросъ,—прозвучалъ въ наступившей затѣмъ тишинѣ жесткій голосъ Бирона.—Если ты раскаешься и добровольно укажешь намъ твоихъ сообщниковъ, какъ-бы высоки не были они родомъ, какъ бы не близки были они къ престолу, государыня императрица помилуетъ тебя! Но если ты будешь настаивать, если будешь отмалчиваться и упорствовать,—продолжалъ Биронъ, все сильнѣе и сильнѣе коверкая русскія слова, что происходило съ нимъ обычно въ минуты возбужденія и гнѣва,—то клянусь примѣнить къ тебѣ такія строгости, какія только имѣются въ нашемъ распоряженіи...

И онъ краснорѣчиво скосилъ глаза на уголъ, гдѣ чернѣла дыба и поблескивала своими металлическими кольцами страшная «виска», говорящая о нечеловѣческой мукѣ.

Но Шубинъ не вздрогнулъ, не ужаснулся.

За долгое пребываніе въ «мѣшкѣ», прерываемое лишь допросами въ тайной канцеляріи, нервы его какъ то упали и притупились. Ему, казалось, было все равно теперь, и предстоящая послѣдняя пытка даже не волновала его души. Вѣдь эта послѣдняя пытка могла освободить его отъ этого томительнаго пребыванія въ черной могилѣ. Она одна могла перебросить его въ вѣчность изъ этой жизни, которая стала теперь сплошнымъ мучительнымъ томленіемъ для него. И Шубинъ ждалъ пытки, какъ избавленья. «Скорѣе! Скорѣе-бы только!»—мучительно ныла его душа.

— Слушай,—вызвалъ его изъ оцѣпенѣнія новый голосъ, въ которомъ онъ, какъ во снѣ, разслышалъ голосъ Андрея Ивановича Ушакова,—къ тебѣ предъявляется новое обвиненіе: ты не только ходилъ по казармамъ съ цѣлью вербовать новыхъ сторонниковъ въ ряды цесаревны, не только вооружалъ всѣхъ противъ милостивой нашей государыни, но еще и замы-

слилъ жениться на ея высочествѣ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобы, открывъ путь къ престолу дочери Петра, потомъ захватить самому власть въ руки...

Гнѣвъ, негодованіе, ужасъ сковали все существо Шубина. Этого обвиненія онъ не ждалъ. Оно было дико, нелѣпо, почти смѣшно. Онъ—простой смертный, скромный прапорщикъ Семеновскаго полка, облагодѣтельствованный милостями своей высокой покровительницы-цесаревны, онъ, Шубинъ, могъ имѣть эту предерзостную мысль!

Лицо его вспыхнуло. Взглядъ засверкалъ огнемъ.

— Это ложь!—вскричалъ онъ и губы его исказились страданіемъ.

— Допустимъ, другъ мой, что такъ, что тебя оболгали, — произнесъ спокойно генералъ Ушаковъ.— Я вѣрю въ твою безкорыстную службу цесаревнѣ... Но кто поручится, что сама цесаревна не желала брака съ тобой, чтобы сдѣлать себѣ слѣпое орудіе въ твоемъ лицѣ и чтобы ближе соединиться черезъ тебя съ гвардіей, на услуги которой она разсчитывала? Слушай, сударикъ мой, и старайся запомнить каждое мое слово: тебѣ стоитъ только сказать, что цесаревна Елизавета навѣяла тебѣ мысли сближенія ея съ гвардейцами, и ты свободенъ. Мало того, графъ Бирономъ сумѣетъ заставить тебя забыть твое печальное прозябаніе въ этомъ скверномъ подземельѣ, щедро наградитъ тебя и дастъ о тебѣ блестящую аттестацію самой императрицѣ... А ты знаешь, какъ скора на милости наша щедрая государыня. Тебя ждутъ награды, почетъ... Подумай, голубчикъ, хорошенько объ этомъ. Тебѣ стоитъ только сказать, что ты дѣйствовалъ по приказанію цесаревны Елизаветы, и ты свободенъ и на пути къ славѣ. Не бойся за цесаревну. Дочери великаго Петра не можетъ грозить никакая опасность, и тѣмъ, что ты назовешь ее,—ей, прирожденной русской

царевнѣ, не можешь повредить ничѣмъ, а себя самого спасешь отъ лютой пытки и, можетъ быть, отъ казни...

Едва только окончилъ свою рѣчь «страшный» генералъ, какъ Шубинъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Лицо его, пылавшее до этой минуты, вдругъ покрылось смертельной блѣдностью. Онъ зналъ, что дѣйствительно немного требуетъ отъ него начальникъ тайной канцеляріи. Зналъ, что цесаревнѣ онъ не повредитъ чистосердечнымъ признаніемъ того, что дѣйствительно по ея желанію призывалъ къ ней солдатъ, потому что ею руководила въ этомъ не какая-нибудь корыстная цѣль. Нѣтъ. Ему, лучше чѣмъ кому-бы то ни было, извѣстно, что одна только любовь, безконечная любовь ко всему русскому, близкому ея чуткому сердцу, руководила обожаемою цесаревною. Но если-бы онъ сознался все-таки, что звалъ солдатъ, — кто знаетъ, — допросчики истолковали-бы иначе его слова и приписали-бы совсѣмъ иную цѣль дѣйствіямъ цесаревны... Нѣтъ, пусть его пытаютъ лютой пыткой, казнятъ, онъ ни однимъ звукомъ не исторгнетъ изъ себя признанія. Имя Елизаветы не должно быть произнесено здѣсь, въ этихъ ужасныхъ стѣнахъ, передъ людьми, готовыми приписать ей, — ласковой, доброй матушкѣ-цесаревнѣ, — самую гнусную, самую отвратительную измѣну! Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ! Это было-бы святотатствомъ съ его стороны, — произнести драгоцѣнное имя своей благодѣтельницы! О! нѣтъ, онъ будетъ молчать. Молчать во что-бы то ни стало!

И яснымъ, торжествующимъ взглядомъ посмотрѣлъ Шубинъ прямо въ суровыя лица своихъ судей.

— Мучайте, пытайте меня, — произнесъ онъ громкимъ, разомъ окрѣпшимъ голосомъ, — вы не дождетесь отъ меня ни слова!

Биронъ сдѣлалъ знакъ Ушакову, Ушаковъ палачамъ. Тѣ бросились къ несчастному, раздѣли его и потащили къ «вискѣ». Минута, другая, третья и металлическія

кольца обвили руки Шубина... Веревка натянулась... Петли заскрипѣли подъ напоромъ повисшаго на нихъ тѣла... Кости затрещали... Кнутъ взвился и съ визгомъ опустился на обнаженную спину... Кровь хлынула ручьемъ.

Глухой стонъ пронесся по застѣнку. Глаза Шубина, широко раскрытые, устремились куда-то вдаль. Точно невѣдомый образъ предсталъ передъ мысленнымъ взоромъ мученика.

— За тебя, цесаревна! За тебя, красное солнышко, готовъ на самую смерть! — шептали запекшіяся горячія губы пытаемаго.

— Одно слово, одно указаніе на дѣятельность принцессы Елизаветы и ты спасенъ! — прозвучалъ гдѣ-то подъ нимъ голосъ Бирона.

— Никогда! Слышите-ли вы, никогда!—громкимъ, внятнымъ голосомъ крикнулъ несчастный.

Новый знакъ палачамъ... Хрустнуло что то... Еще стонъ, еще вопль, уже нечеловѣческій, дикій, и безгласное, безчувственное тѣло вынули изъ колецъ и спустили на полъ...

Заплечные мастера уступили свое мѣсто костоправу. Тотъ долго возился надъ безчувственнымъ мученикомъ. И долго хрустѣли вправляемыя кости, входя въ суставы.

Когда Шубинъ пришелъ въ себя и открылъ глаза, казавшіеся теперь огромными среди осунувшагося послѣ нечеловѣческихъ мученій, мертвенно блѣднаго лица, его, полуживого отъ пытки, вынесли изъ застѣнка и опять бросили въ каменную гробницу.

ГЛАВА XXII.

На волоскѣ отъ смерти.—Тяжелыя вѣсти.—Отчаянное рѣшеніе.

МИЛАЯ моя! родная моя! Золотенькая царевна! Не отходи ты отъ меня! Не отходи, пожалуйста! Батюшку отняли, матушку, крестненькаго, и тебя отнимутъ!—метался Андрюша, ловя руки сидѣвшей на краю постели Елизаветы.

Двѣ недѣли тому назадъ дворцовый арапъ, случайно проходя въ тотъ вечеръ по пути къ Смоляному двору, постучался въ домъ цесаревны и передалъ на смерть перепуганнымъ фрейлинамъ малютку-пажа, найденнаго имъ среди снѣжныхъ сугробовъ. Доложили цесаревнѣ. Арапа наградили по царски и отпустили домой. Андрюшу уложили въ постель, въ горницѣ самой цесаревны, и передали наблюденію лейбъ-медика Лестока.

Ночное путешествіе и потрясеніе не прошли даромъ маленькому пажу. Мальчикъ заболѣлъ горячкой. Его безсвязныя рѣчи, постоянныя упоминанія о крестненькомъ, взятомъ какими-то незнакомыми людьми, открыли глаза Елизаветѣ. Долгое отсутствіе ея любимаго ѣздового досказало остальное. Цесаревна была безутѣшна. Съ одной стороны неожиданное и таинственное исчезновеніе ея любимца, съ другой—опасная болѣзнь пажа-малютки сильно повліяли на цесаревну. Какъ одинъ, такъ и другой,—и взрослый прапорщикъ, и крошечный пажикъ,—своею неподкупной, безкорыстной привязанностью не могли не привлечь къ себѣ благодарное, чут-

кое сердце Елизаветы. Она любила обоихъ: и вѣрнаго своего слугу Алешу, и этого чернокудраго-крошку, метавшагося передъ ней въ жесточайшей горячкѣ.

— Царевна-матушка! голубушка! Звѣздочка моя ясная! Не уходи отъ меня! Мнѣ легче, когда ты со мною! Не отходи, царевна!—кричалъ въ забытьѣ ребенокъ, хватая нѣжныя, бѣлыя руки той, которая была ему всѣхъ дороже.

— Я не ухожу! Я съ тобою, мой мальчикъ! Видишь меня? Узнаешь, крошечка?

И цесаревна, забывая собственныя муки, склонялась къ самому личику ребенка, заглядывая своими кроткими глазами въ его дико блуждающіе глаза.

Но напрасно приближалось встревоженное, полное неизъяснимой любви, прелестное лицо ея къ лицу Андрюши, напрасно нѣжная рука гладила черные, слипшіеся кудри маленькаго пажа: мальчикъ не узналъ своей милой сказочной «царь-дѣвицы».

— Онъ умретъ, Лестокъ! Неправда-ли?—обращалась взволнованнымъ голосомъ къ своему лейбъ-медику Елизавета.

— Всѣ мы смертны, ваше высочество. Но надо надѣяться, что наука...

— Используй же всю науку, докторъ, сдѣлай чудо, но верни мнѣ къ жизни моего пажа!

И, не будучи болѣе въ силахъ сдержаться, Елизавета отошла къ окну и зарыдала.

Она плакала тихо, чуть слышно, чтобы не потревожить больного. Слезы одна за другой скатывались по ея прелестному лицу...

Вдругъ легкіе, быстрые шаги послышались въ сосѣдней горницѣ. Цесаревна живо отскочила отъ окна и стремительно кинулась къ двери. Въ тотъ самый мигъ на порогѣ появилась раскраснѣвшаяся отъ мороза, въ мѣховой шапочкѣ и шубкѣ, Мавра Егоровна Шепелева.

— Ну, что, Мавруша? Узнала?—такъ и кинулась къ ней царевна.

— Охъ, матушка ваше высочество, умаялась,—тяжело переводя духъ, говорила, падая въ первое попавшееся кресло, вѣрная Мавруша.—Не взыщи, сѣла! Устала, мочи нѣтъ!

— Сиди, сиди! Только говори скорѣе, что узнала, что вывѣдала?

— Сейчасъ, сейчасъ! Дай духъ перевести. Вѣдь намаялась какъ! Повсюду катала, вѣстей ищучи. Была у Никиты Юрьевича Трубецкого—нѣтъ его дома; у вице-канцлера Головкина—тоже нѣтъ; у Остермана барона—тоже ни-ни! Нигдѣ не узнала и, представь, къ *самому* угодила!

— Къ Бирону?—изумилась цесаревна.

— Къ нему самому, къ курляндцу, къ нехристю... Не взыщи, пожалуйста,—съ мимолетнымъ поклономъ въ сторону Лестока проговорила она,—вѣдь и ты изъ того-же роду, изъ нѣмецкаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, мадмуазель Мавра. Изволите ошибаться, я швейцарецъ,—тихо разсмѣялся послѣдній.

— И полно—швейцарецъ? Эко сказалъ: да по мнѣ—что французъ, что нѣмецъ, что швейцарецъ, все едино—нехристи.

— Да молчи ты, молчи Христа ради, болтунья!—остановила ее цесаревна.—И больного тревожишь, да и толку не дождешься отъ тебя. Ну, попала къ Бирону и что-же?

— Самого нѣтъ. Вышла эта самая индюшка его, супружница, Бе-Бе-ниг-на Гот-Гот-либъ. Тьфу, и не выговоришь! Вышла это ко мнѣ дура-дурой. Глаза выпучены, сама важная, разодѣтая. Разговорились. Такъ молъ и такъ. Я говорю: хочу *самого* видѣть, говорить съ нимъ насчетъ одного прапора. А она на это мнѣ: «Не насчетъ того, котораго неподалеку отъ Смоляного

двора арестовали? Хороша, говоритъ, цесаревна ваша, такихъ къ себѣ лицъ приближаетъ, которыя государынѣ-царицѣ измѣнники». А я и говорю: «За всѣми не услѣдишь, ваше сіятельство, мало-ли что у кого на умѣ. А только мнѣ подлинно извѣстно, что Шубинъ измѣнничествомъ не отличался». А она то: «клы-клы-клы-клы», какъ индюшка расфыркалась. Я ей такъ, а она мнѣ этакъ, а я ей опять...

— Маврушка! Не мучь ты меня, не томи! — взмолилась цесаревна, въ то время какъ Лестокъ не могъ удержать улыбки при видѣ бойкой фрейлины, умѣло передразнивающей напыщенную графиню Бирона.

Но цесаревна и не замѣтила комической выходки Мавры. Она вся дрожала отъ нетерпѣнія.

— Скорѣе, скорѣе говори, что узнала, Маврушка!

— Узнала, матушка! Охъ, узнала! — вздохнула фрейлина.

И за минуту до этого оживленное лицо изобразило смущеніе, печаль, тревогу.

— Что? Худо? Убили его? — такъ и вскинула на нее испуганными глазами Елизавета.

— Не убили! Нѣтъ, а почитай хуже того сдѣлали.... Пытали его сегодня... поднимали на «виску», — чуть слышно заключила она.

— О! — глухо простонала цесаревна и, всплеснувъ руками, схватилась за голову.

— Его, вѣрнаго слугу, Алешу, его пытали! Проклятые! Проклятые! За что? За что?

— Пытка что! Впереди горше! — прошептала также тихо Мавра, — впереди еще худшее ждетъ Алексѣя Яковлевича.

— Что? Что такое ждетъ его впереди?! Говори, я готова все услышать, все, все! — схвативъ за плечи свою подругу и приблизивъ къ ея лицу свои горящіе глаза, произнесла глухимъ голосомъ цесаревна.

— А то, что нѣту больше теперь Алексѣя Яковлевича. Есть безымянный арестантъ въ каменномъ мѣшкѣ адмиралтейской крѣпостцы. И безымяннаго арестанта этого отсылаютъ на вѣчныя времена въ Камчатку. А тамъ ждутъ его пожизненные кандалы и безобразная невѣста-камчадалка, съ которою его окрутятъ насильно.

И Мавруша, всегда веселая, не унывающая Мавруша, залилась слезами при послѣднихъ словахъ.

Лестокъ нахмурился. Ему было жаль молодую жизнь. Въ глазахъ жизнерадостнаго лейбъ-медика блеснули непритворныя слезы.

Одна цесаревна не проронила ни единой слезы.

При послѣднихъ словахъ своей подруги-фрейлины она гордо выпрямилась. Глаза ея засверкали царственнымъ величіемъ и гнѣвомъ. Никто бы въ этомъ грозномъ обликѣ не узналъ теперь прежней кроткой, мягкой, сердечной цесаревны.

— Слушай, Мавра, и ты, докторъ, слушайте! — обратилась она громкимъ, мощнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово. — До сихъ поръ цесаревна Елизавета смотрѣла со скорбнымъ смиреніемъ на гибель лучшихъ русскихъ людей. До сихъ поръ она сносила безропотно издѣвательство надъ Россіей пришлыхъ чужеземцевъ. До сихъ поръ была покорной слугой существующаго порядка. Но лучшіе друзья гибнутъ невинно на дыбахъ и гніютъ въ мрачныхъ застѣнкахъ тайной канцеляріи. Святая Русь залита кровью. Стоны слышатся все явственнѣе и слышнѣе. Невинныя души взываютъ къ мщенію. Не пришло еще время освобожденія, но когда оно придетъ, — тутъ цесаревна подняла глаза кверху и, глядя вдохновеннымъ взоромъ вдаль, произнесла еще громче, — когда оно придетъ, цесаревна Елизавета сумѣетъ спасти свою погибающую родину!

Она умолкла. И Лестокъ, и Мавра Шепелева съ

восторгомъ смотрѣли на нее. Что-то пророческое чудилось имъ въ рѣчахъ Елизаветы.

Минуту длилось молчаніе. Потомъ Елизавета вся вздрогнула, встрепенулась.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, докторъ,—заторопилась она.

— Куда? Зачѣмъ?—взволновались ея друзья.

— Какъ куда? Къ нему! Къ Шубину! Я должна его видѣть! Должна благословить на трудный путь своего вѣрнаго слугу.

— Но это безуміе, ваше высочество! Что, если васъ увидятъ?—произнесъ взволнованно Лестокъ.

— Надо приложить всѣ старанія, чтобы этого не случилось. Конечно, не въ моемъ видѣ должна буду я явиться туда. И тебѣ придется сыграть комедію, мой другъ! Рѣшишься-ли ты на это?—обратилась къ своему лейбъ-медику цесаревна.

— Хоть на самую смерть, если это угодно вашему высочеству!—поспѣшно отвѣтилъ тотъ.

— Нѣтъ, до этого, дастъ Богъ, далеко!—съ грустной улыбкой произнесла цесаревна.

— Располагайте мною, ваше высочество,—съ низкимъ поклономъ произнесъ Лестокъ.

— Хорошо!.. Мы выѣдемъ, когда стемнѣетъ... Мавруша останется подлѣ больного... Кстати, осмотри его еще разъ.

Съ новымъ поклономъ лейбъ-медикъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своей госпожи и занялся ребенкомъ.

— Ему хуже?—съ тревогой освѣдомилась цесаревна.

— Все въ рукахъ Божіихъ! Одинъ Господь можетъ помочь ему!—произнесъ Лестокъ, избѣгая скорбныхъ глазъ Елизаветы.

— Господи! Ты видишь мое сердце!—вырвалось изъ груди послѣдней.—Оно далеко лихихъ помысловъ

и зла. Но клянусь жизнью этого ребенка Тебѣ, Господи, что отнынѣ всѣ мои силы положу на пользу моей бѣдной родины! Сохрани же мнѣ, Господи, этотъ великій залогъ моей клятвы!

И, боясь рыданьемъ нарушить покой больного, царевна стремительно вышла изъ горницы.

ГЛАВА XXIII.

Снова арапъ. – Чудесное средство. – Онъ умеръ! – Спасенье.

ДОЛГІЙ зимній вечеръ уже плотно окуталъ со всѣхъ сторонъ столицу.

Въ домахъ обывателей потушили огни, когда къ небольшой пригородной слободкѣ быстрыми шагами приблизилась одинокая фигура закутаннаго въ шубу человѣка.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по темной, кривой улицѣ, фигура внезапно исчезла, точно провалилась, уйдя въ черную, зіявшую дыру у ея ногъ.

Это было небольшое отверстіе входа въ подземное жилище.

Длиннымъ подземнымъ проходомъ незнакомый человѣкъ подошелъ къ крошечной дверцѣ и постучалъ въ нее.

— Войдите! — раздался голосъ оттуда, и дверь поддалась подъ толчкомъ сильной руки.

Сальный огарокъ освѣщалъ комнату. Сѣдой, какъ лунь, старикъ, въ очкахъ, съ худымъ лицомъ и умными, проницательными глазами сидѣлъ у стола и растиралъ что-то въ глиняной чашкѣ. Вокругъ него стояли склянки и пузырьки, наполненные жидкостями всевозможныхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ. Всюду, на полу, на деревянныхъ подставкахъ, были разставлены разные приборы, въ шкапу лежали, стояли и валялись книги.

При появленіи вошедшаго старикъ поднялъ голову, съ трудомъ оторвавшись отъ работы.

Передъ нимъ стоялъ закутанный въ шубу стройный, высокій арапъ.

— Добро пожаловать! Чѣмъ могу служить вамъ снова? — очевидно, сразу признавъ стараго знакомаго въ лицѣ чернаго человѣка, произнесъ старикъ.

Тотъ почтительно поклонился ему.

— Простите, что опять безпокою васъ, мудрѣйшій изъ ученыхъ, — произнесъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ арапъ. — На этотъ разъ еще болѣе сильное и безысходное горе, чѣмъ въ прошлый разъ, толкаетъ меня въ ваше жилище... Мнѣ нечего повторять, что если я живъ еще, если меня, несмотря на самые тщательные поиски, не могли поймать искуснѣйшіе слуги Бирона, то этимъ я обязанъ всецѣло вамъ. Съ помощью вашей я, послѣ моего бѣгства изъ застѣнка тайной канцеляріи, превратился въ чернаго арапа. Благодаря вашимъ снадобьямъ, мое тѣло стало похожимъ на уголь... Это не только помогло мнѣ укрыться отъ преслѣдователей, но дало возможность проникнуть во дворецъ императрицы, гдѣ менѣе всего могли догадаться искать бѣжавшаго узника... Я безконечно благодаренъ вамъ, мудрѣйшій изъ ученыхъ, но теперь, теперь иную просьбу и не просьбу, а мольбу услышите вы... Спасите жизнь, спасите юное существо, маленькаго ребенка отъ смерти. Ребенокъ боленъ, опасно боленъ и вы одинъ можете ему помочь... Спасите его, и я всѣми моими мыслями, всѣмъ сердцемъ буду благодарить васъ!

И, говоря это, черный арапъ упалъ на колѣни. На глазахъ его сверкали слезы. Онъ весь трепеталъ, какъ былинка, отъ охватившаго его волненія.

— Встаньте, сударь. Вамъ не слѣдуетъ унижать себя передъ скромнымъ ученымъ, не успѣвшимъ ничѣмъ прославить своего имени. Встаньте и разскажите чѣмъ боленъ ребенокъ, жизнь котораго вамъ такъ дорога.

— Чѣмъ онъ боленъ, я не знаю. Я нашелъ его двѣ

недѣли тому назадъ полузамерзшимъ на дорогѣ,—проговорилъ, поднимаясь съ колѣнъ, дрожащимъ голосомъ арапъ.—И когда пришелъ черезъ нѣкоторое время справиться о немъ, мнѣ сказали, что дитя наканунѣ смерти. Вы мудры настолько, что постигли всѣ тайны природы,—снова обратился онъ съ мольбою, простирая руки къ старику,—вы одинъ можете помочь мнѣ. Я не пожалѣю ничего. Я получилъ большую сумму изъ рукъ одной высокой особы, покровительницы больного ребенка. Возьмите все, но спасите мнѣ эту маленькую жизнь.

И, говоря это, черный человѣкъ стремительно запустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда цѣлую пригоршню червонцевъ, разсыпалъ ихъ по столу.

Старикъ съ негодованіемъ отстранилъ ихъ рукою.

— Оставьте это себѣ. Не ради золота и наградъ я ломалъ голову надъ величайшими тайнами природы,—произнесъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ,—не для того, чтобы продавать свои знанія. Когда я встрѣтилъ васъ бѣгущаго изъ тюрьмы и привелъ сюда, въ мою лачугу, чтобы превратить васъ изъ бѣлаго европейца въ сына африканскихъ лѣсовъ, не дѣйствовалъ-ли я, руководимый однимъ желаніемъ принести пользу человѣку? Людская благодарность мнѣ замѣнитъ золото. Дружеское отношеніе ко мнѣ—богатство. Мнѣ ничего не надо. Я уединился въ своей землянкѣ съ цѣлью извѣдать все, что еще не постигнуто человѣческимъ умомъ. Забудьте же о наградѣ...

— Вы говорите, что нашли ребенка полузамерзшимъ, да?—прибавилъ онъ другимъ уже тономъ.

— Да,—отвѣтилъ арапъ,—и вотъ этотъ ребенокъ лежитъ теперь уже двѣ недѣли въ жару, мечется, бредитъ, не узнаетъ никого и...

— Довольно, я догадываюсь, что съ ребенкомъ,—прервалъ старикъ, неторопливо всталъ, открылъ дверцу

шкапа и, вынувъ оттуда небольшой пузырекъ, передалъ его черному человѣку.

— Вы вольете это въ ротъ больного дитяти, — сказалъ онъ.

Потомъ онъ собралъ червонцы со стола и передалъ ихъ обратно арапу.

— Когда вамъ понадобится снова принять прежній обликъ, приходите, старый ученый и химикъ будетъ радъ видѣть васъ всегда, — сказалъ онъ съ ласковой улыбкой — Я другъ всѣхъ страдающихъ, а вы, по лицу вашему видно, страдаете немало. Благослови васъ Богъ!

Съ благодарностью взглянулъ на старика его посѣтитель, крѣпко пожалъ руку ученаго и исчезъ за дверью, прижимая пузырекъ къ груди.

Теперь онъ зашагалъ еще быстрѣе. Передъ нимъ живо промелькнули невзрачные домики слободки, потомъ потянулись широкія улицы и большіе дома вельможъ, къ которымъ робко прижимались мазанки ремесленнаго люда.

Петербургъ того времени представлялъ изъ себя соединеніе большихъ и роскошныхъ палатъ и крошечныхъ домиковъ мастерового и рабочаго люда, смѣсь широкихъ улицъ и узкихъ, кривыхъ переулковъ, какіе едва теперь можно встрѣтить въ уѣздныхъ городахъ.

Арапъ миновалъ и тѣ, и другіе и, черезъ часъ усиленной ходьбы, постучался у задняго крыльца цесаревниного дома. Тамъ было тихо. Ея высочество принцесса Елизавета, какъ объяснилъ ему открывшій двери камеръ-лакей, съ часъ назадъ отлучилась куда-то. Одна фрейлина Шепелева находится при больномъ ребенкѣ. И, узнавъ въ позднемъ посѣтителѣ дворцоваго арапа, слуга предложилъ вызвать цесаревнину фрейлину къ нему.

Но, прежде чѣмъ камеръ-лакей успѣлъ удалиться за Маврой, черный человѣкъ предупредилъ его и чуть не бѣгомъ пустился по направленію внутреннихъ горницъ.

«Вѣрно какое-либо важное извѣстіе изъ дворца, —

подумалъ лакей, — ишь, помчался сердешный, самому, вишь, надо видѣть фрейлину! И пущай его»... заключилъ онъ, садясь на прежнее мѣсто въ углу сѣней.

А черный человѣкъ не шелъ, а бѣжалъ рядомъ небольшихъ комнатъ скромнаго Смоляного дома. Вотъ онъ достигъ послѣдней изъ нихъ. Это была спальня цесаревны. Онъ уже былъ въ ней, когда принесъ сюда полузамерзшаго ребенка.

Съ трудомъ переводя дыханіе и сжимая въ рукѣ драгоцѣнный пузырекъ, онъ толкнулъ дверь спальни.

Больной ребенокъ безъ движенія лежалъ на постели. Нагорѣвшая въ шандалѣ свѣча озаряла мертвенно блѣдное личико. Темныя тѣни лежали на немъ. Около постели, въ глубокомъ креслѣ, спала Шепелева.

Въ два прыжка арапъ очутился подлѣ больного, наклонился надъ нимъ и... слабый стонъ вырвался изъ его груди.

— Опоздалъ! Ребенокъ мертвъ! Все кончено теперь!

Съ отчаяніемъ упалъ арапъ головою на крошечную грудку, но неясное слабое біеніе сердца малютки сказало ему, что жизнь еще не отлетѣла отъ маленькаго существа. Оно билось еще чуть слышно. Андрюша еще дышалъ.

Тогда, съ трудомъ удерживая въ себѣ крикъ восторга, готовый вырваться изъ груди, арапъ быстро откупорилъ пузырекъ, осторожно раскрылъ ротикъ ребенка своими большими черными пальцами и вылилъ ему въ горло все содержимое пузырька.

Лицо Андрюши подернулось судорогой, потомъ разомъ осунулось и потемнѣло, какъ у мертвеца. Малютка вытянулся во всю длину. Ротъ его покривился, закрытыя вѣки сжались плотнѣе.

Дрожь ужаса прошла по тѣлу арапа

«Я убилъ его! — вихремъ пронеслось въ его мысляхъ,—старикъ вѣрно перепуталъ лѣкарства!»

И онъ схватился за голову и широко раскрытыми безумными глазами смотрѣлъ въ лицо больного.

Легкое, чуть замѣтное трепетаніе рѣсницъ Андрюши разомъ дало иное направленіе мыслямъ чернаго человѣка.

Онъ склонился надъ мальчикомъ, жадно ловя каждую малѣйшую перемѣну въ его чертахъ.

Теперь уже первый трепетъ ужаса прошелъ... Онъ ждалъ, онъ надѣялся. Старикъ не ошибся—ребенокъ возвращался къ жизни. Черныя тѣни исчезли, легкій, едва примѣтный румянецъ заигралъ въ лицѣ. Новый вздохъ, новый трепетъ рѣсницъ, и глаза больного широко раскрылись.

Арапа уже не было въ комнатѣ. Арапъ исчезъ за дверями, превознося имя Бога.

Андрюша былъ живъ.

ГЛАВА XXIV.

Сонъ на яву.—Преслѣдованіе.—Ея высочество.

ВЪ то время, какъ фигура арапа скользила темнымъ привидѣніемъ по горницамъ Смольнаго дворца, къ воротамъ адмиралтейской крѣпостцы подкатили сани. Двое сѣдоковъ проворно выскочили изъ нихъ и направились къ караулкѣ.

Впереди шелъ плотный мужчина въ дорогой шубѣ и треуголкѣ, надвинутой на лобъ. За нимъ слѣдовалъ молоденькій офицеръ-гвардеецъ.

Караульный солдатъ проворно выбѣжалъ имъ на встрѣчу.

— Позвольте удостовѣриться въ пропускѣ, ваше благородіе! — произнесъ онъ почтительно и въ то же время преградилъ вновь прибывшимъ дорогу къ воротамъ крѣпости.

— А и глупъ же ты, братецъ! — произнесъ быстрымъ шопотомъ молоденькій офицерикъ, подступая къ солдату.—Не видишь развѣ? Его сіятельство самъ графъ Бирон передъ тобою... Ну, да молодецъ, что не пропускаешь безъ всякаго вниманія! За это хвалю. Графъ не забудетъ твоей заслуги,—заключилъ офицерикъ, одобрительно похлопавъ по плечу солдата.

Солдатикъ опѣшилъ, засуетился и бормоча извиненія поспѣшилъ открыть ворота.

На крѣпостномъ дворѣ было темно какъ на днѣ колодца. Единственный фонарь освѣщалъ небольшую площадку его.

Подлѣ фонаря темнѣла невысокая изгородь. Къ ней и направились спѣшнымъ шагомъ двое прибывшихъ.

— Должно быть здѣсь!—произнесъ молоденькій офицеръ и, опередивъ своего спутника, толкнулъ калитку, вдѣланную въ заборѣ.

— Ваше высочество изволите играть въ опасную игру,—произнесъ по-французски человѣкъ въ шубѣ.

— Я должна, должна видѣть его во что бы то ни стало! Не останавливайте меня, докторъ!—пылко прозвучалъ на томъ же языкѣ отвѣтъ, и молоденькій офицеръ смѣло шагнулъ впередъ. За нимъ послѣдовалъ его спутникъ.

Черезъ секунду, другую они были на краю тюрьмы-ямы.

— Онъ здѣсь! Сердце мнѣ говоритъ это!—чуть слышно прошептала скрывавшаяся подъ видомъ юнаго офицера цесаревна и бросилась на колѣни у самаго края ямы.

— Ваше высочество, вы все равно не увидите его. Здѣсь темно какъ въ могилѣ. И каждую минуту караульные могутъ сюда сбѣжаться,—снова взволнованно убѣждалъ цесаревну Лестокъ.

Но Елизавета и не слышала его замѣчанія. Она прилегла теперь на снѣгу, почти свѣсившись надъ ямой, и тихо шептала:

— Шубинъ!.. Алексѣй Яковлевичъ!.. Откликнись, если еще живъ ты!.. Говори же, ради Бога, подай голосъ, Алеша!..

И, смолкнувъ, ждала отвѣта.

Сначала ничего не было слышно. Ни единаго звука не долетало со дна каменнаго мѣшка.

— Алеша!—громче, явственнѣе произнесла Елизавета,—откликнись!.. Здѣсь свои... Скажи хоть слово, живъ ли ты?..

Молчаніе. Ни единаго звука отвѣта. Но спустя мгно-

веніе вдругъ легкій, чуть слышный слабый голосъ, похожій на стонъ, едва внятнымъ звукомъ донесся со дна ямы:

— Живъ!.. Вижу тебя... свѣтлая, милостивая цесаревна... Вижу и благодарю Господа, что удостоился еще разъ передъ смертью увидѣть тебя... Теперь мнѣ легко умереть...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ты не умрешь, Алеша! Ты не будешь казненъ... Казнь отмѣнена... Ты приговоренъ только къ ссылкѣ... Я узнала... Бодрись, Алеша!.. Пока я не могу еще ничѣмъ тебѣ помочь... Но ссылка не казнь... Я узнала... Тяжело, конечно, но надѣйся на Бога... молись... и жди... А я вѣрю, что скоро наступитъ свѣтлое время... Я надѣюсь, что мнѣ удастся спасти тебя и другихъ несчастныхъ не теперь, такъ послѣ... потомъ...

Голосъ цесаревны зазвучалъ вдохновенно. И этотъ голосъ отозвался въ самомъ сердцѣ несчастнаго узника.

— Вѣрю, вѣрю и я, — прозвучалъ изъ глубины ямы его тихій откликъ, — вѣрю, что еще ярко заблеститъ звѣзда цесаревны! Благослови тебя Богъ!

Голосъ смолкъ. Тихій вздохъ послышался оттуда. Въ это время нѣсколько паръ ногъ гулко прозвенѣло въ темнотѣ ночи.

— Сюда идутъ! — произнесъ Лестокъ, хватая за руку и увлекая за собой Елизавету.

— До свиданія, Алеша! — еще разъ, прежде чѣмъ уйти, прозвенѣлъ ея бархатный голосъ, — до свиданія! Слышишь — молись и жди! — и она зашагала подлѣ своего спутника, потрясенная тяжелымъ свиданіемъ.

Надо было торопиться. Шаги приближались. Едва успѣли оба путника выйти на наружный дворъ, какъ позади нихъ, въ недалекомъ разстояніи, появилась кучка солдатъ караульныхъ.

— Бѣжимъ! — шепнулъ Лестокъ, — бѣжимъ, пока еще не поздно, бѣжимъ, ваше высочество, или насъ схватятъ.

Но бѣжать было немыслимо. Прямо передъ ними, какъ изъ-подъ земли, выросла костлявая отвратительная фигура Берга.

— Вотъ они! Берите ихъ! Это враги государыни, предатели и измѣнники Россіи! Они сносились съ заточеннымъ!!! — бѣшено потрясая своими длинными руками, завопилъ онъ.

Солдаты кинулись исполнять его приказаніе.

— Берите ихъ! — еще разъ вскричалъ Бергъ и кинулся къ младшему спутнику, болѣе слабому, какъ ему казалось, между тѣмъ какъ солдаты рванулись къ Лестоку, который уже схватился за шпагу съ твердымъ намѣреніемъ защищать до послѣдней капли крови свою высокую спутницу.

— Именемъ закона я арестую васъ!.. — загремѣлъ въ тишинѣ ночи скрипучій и рѣзкій голосъ курляндца.

И онъ схватилъ за руки стоявшаго передъ нимъ юнаго офицерика.

— Прочь, холопъ! Или ты не видишь, кто передъ тобою?—прозвучалъ хорошо знакомый всѣмъ голосъ, заставившій Берга отскочить на нѣсколько шаговъ.— Я цесаревна Елизавета Петровна и никто не смѣетъ заграждать мнѣ дорогу куда бы то ни было!

И сдѣлавъ знакъ Лестоку, цесаревна, съ величіемъ настоящей «Петровой дщери», прошла впередъ мимо растерявшихся и изумленныхъ солдатъ и на смерть перепуганнаго этой неожиданною встрѣчею Берга.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Тяжелые годы.

ТЯНУТСЯ безконечной, томительной чередою долгіе нерадостные годы, нерадостные для Россіи, изнемогающей подъ владычествомъ ненавистныхъ иноземцевъ, но радостные для оберъ-гофмейстера Бирона.

Прошло не болѣе девяти лѣтъ съ того дня, какъ началось полное могущество Анны Іоанновны. Курляндское дворянство, послѣ долгихъ разсужденій, понуждаемое введеніемъ русскихъ войскъ въ ихъ герцогство и желаніемъ пользоваться покровительствомъ Россіи, предложило всесильному Бирону герцогскую корону. Такимъ образомъ изъ сына простого конюшаго честолюбивый временщикъ превознесенъ былъ въ герцоги курляндскіе, жена его стала герцогиней, дѣти получили званіе принцевъ и принцессъ. Ихъ стали называть «свѣтлостями», имъ стали воздавать почти царское достоинство. Казалось-бы, теперь честолюбивому Бирону нечего желать. Но разъ уже поднявшись по лѣстницѣ тщеславія, герцогъ стремится шагнуть еще выше. Остановиться трудно, нельзя.

И онъ шагаетъ. Правая рука императрицы, безъ совѣтовъ котораго она не можетъ обойтись, курляндскій герцогъ имѣетъ въ душѣ своей еще болѣе дерзкія мечты...

А вокругъ него попрежнему слезы, трепетъ, кровь и проклятія. Попрежнему усиленно работаетъ тайная канцелярія подъ бдительнымъ надзоромъ страшнаго генерала Ушакова; попрежнему пресловутое «слово и дѣло» шлетъ за собою пытки и смерть...

Едва кончился розыскъ по дѣлу Долгорукихъ за то, что по смерти юнаго Петра II они хотѣли возвести на престолъ его обрученную невѣсту, ихъ близкую родственницу, княжну Екатерину, едва только успѣли заключить однихъ изъ нихъ въ крѣпость, другихъ въ вѣчную ссылку и казнить любимца покойнаго императора, князя Ивана Долгорукаго, какъ новые розыски, новыя пытки заставляли правыхъ и виновныхъ судорожно извиваться въ лютыхъ мукахъ. Россія страдала, Россія задыхалась отъ крови и слезъ. А между тѣмъ съ внѣшней стороны все говорило о ея величіи и славѣ.

Въ мартѣ 1734 года Минихъ принялъ, наконецъ, главную команду надъ войскомъ, осадившимъ въ ту пору Гданскъ съ засѣвшимъ въ немъ Станиславомъ Лещинскимъ. Благодаря бомбамъ и мортирамъ, а еще болѣе благодаря опытности талантливаго полководца, жители Гданска сдались, Станиславъ Лещинскій бѣжалъ и корона польская была торжественно вручена курфюрсту Саксонскому, вступившему на польскій престолъ подъ именемъ Августа III.

Вслѣдъ за этимъ новые, славные военные подвиги прибавили свѣжіе лавры въ вѣнокъ Россіи.

Турція вела войну съ Персіей много лѣтъ. Данники турокъ, крымскіе татары, помогали турецкому султану и нападали на Персію, безцеремонно вторгаясь туда черезъ русскія владѣнія.

Не получивъ удовлетворенія отъ султана на свои жалобы противъ набѣговъ крымцевъ, Россія рѣшила, что теперь самое время начать войну съ Турціей, чтобъ получить заодно возмездіе за неудачный Прутскій миръ, заключенный при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Петромъ Великимъ.

Начальство надъ войскомъ было поручено Миниху. Первымъ былъ взятъ Перекопъ, затѣмъ Хадлейва (Евпаторія), Бахчисарай, тогдашняя ханская столица, Кинбурнъ и Азовъ. Зиму войска простояли въ Украйнѣ, а весною, переправившись на Бугъ, Минихъ направился къ Очакову. Послѣ чудовищнаго взрыва, происшедшаго отъ русскихъ снарядовъ, турки, засѣвшіе въ Очаковѣ, сдались.

Спустя пять лѣтъ, въ мартѣ 1739 г. былъ объявленъ новый походъ на турокъ, послѣдствіемъ котораго, благодаря мужеству русской арміи и военному искусству ея предводителя, Миниха, явилось взятіе Хотина и Яссъ. Минихъ намѣревался уже идти къ Бендерамъ и при содѣйствіи союзниковъ-австрійцевъ взять самый Константинополь, но неожиданное обстоятельство рушило всѣ планы геніальнаго фельдмаршала. Дѣло въ томъ, что Австрія, союзница Россіи, воевала далеко не такъ счастливо съ турками. Въ то время, какъ русскія войска брали одинъ городъ за другимъ, австрійцы терпѣли пораженія. Австрійскій генералъ Нейпергъ вслѣдствіе этого поторопился заключить съ великимъ визиремъ миръ, по которому Турціи возвращались всѣ пріобрѣтенныя австрійскимъ императоромъ города, и въ томъ числѣ Бѣлградъ, гдѣ еще мужественно держался австрійскій гарнизонъ. Минихъ, узнавъ о позорномъ мирѣ, былъ въ отчаяніи. Онъ надѣялся на полную надъ турками побѣду въ случаѣ поддержки со стороны австрійцевъ, стремился овладѣть Константинополемъ и смѣло разсчитывалъ, что ему удастся достигнуть намѣченной цѣли.

И все-таки пришлось прекратить военныя дѣйствія и, по примѣру Австріи, согласиться на заключеніе мира.

Несмотря на невыгодный конецъ войны, Россія рядомъ побѣдъ доказала свое могущество всѣмъ прочимъ европейскимъ государствамъ, а фельдмаршалъ Минихъ вернулся въ Петербургъ окруженный ореоломъ славы и осыпанный почестями.

Вмѣстѣ съ Минихомъ вернулся и дѣлившій съ нимъ походы молодой брауншвейгскій принцъ Антонъ, женихъ принцессы Анны.

За все это время жизнь внутри дворца Анны Іоанновны была все та же. Тѣ же дурки и шутихи, тѣ же карлы и арапки, та же стрѣльба изъ оконъ по дичи, загоняемой въ дворцовый дворъ. Одного только удовольствія, едва-ли не самаго любимаго, лишена была императрица: она не могла больше ѣздить по манежу въ сопровожденіи герцога. У императрицы болѣли ноги и она уже не въ состояніи была садиться на лошадь. Но тѣмъ сильнѣе, тѣмъ усерднѣе старались развлекать государыню приближенные шуты и шутихи, дурки и карлы...

Между тѣмъ въ воздухѣ нависла гроза. Откуда она—никто не зналъ, но грозовая туча была близко, и никакія потѣхи, никакія торжества не могли устранить эту тучу, которая приближалась медленно, но вѣрно съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ царствованія Анны.

ГЛАВА II.

Дѣла принца Антона плохи.—Бирон—защитникъ.

ВЕСНА широко распахнула свои ласковыя объятія. Зазеленѣлъ пышнокудрою листвою Лѣтній садъ. Душистыя липы зашуршали клейкими листочками. Освобожденныя отъ зимняго покрова рѣки Фонтанная и Мія, между которыми разрослись тѣнистыя аллеи сада, веселымъ журчаніемъ привѣтствовали душистый, радостный май.

Наступилъ день послѣдняго куртага императрицы, послѣ котораго ея величество собиралась уѣхать на нѣкоторое время въ Петергофъ.

По принятому обычаю, въ большихъ залахъ поставили столы для картъ. Карточная игра процвѣтала на куртагахъ. Сама Анна Іоанновна часто принимала участіе въ игрѣ, причемъ если выигрывала, никогда не брала денегъ отъ проигравшихъ; проигрывала-же очень охотно и тотчасъ-же поручала расплачиваться изъ собственныхъ суммъ.

За однимъ изъ столовъ сидѣла сама императрица, фельдмаршалъ Минихъ, гофмаршалъ Левенвольде и шведскій посланникъ баронъ Нолькенъ.

Анна Іоанновна милостиво шутила, улыбалась и видимо была въ духѣ. Ея настроеніе отражалось, по обыкновенію, на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. Сухое, красивое лицо фельдмаршала Миниха съ почтительнымъ

вниманіемъ слѣдило за картами. Играли въ «фараонъ», любимую карточную игру императрицы.

Карта замѣчательно шла Аннѣ въ этотъ вечеръ. Черезъ полчаса государыня обыграла и Миниха, и остальныхъ.

— Что, не везетъ, фельдмаршалъ? Небось, бить турку полегче будетъ! — засмѣялась императрица.

— Съ такимъ замѣчательнымъ противникомъ, какъ ваше величество, нельзя и думать состязаться, — любезно замѣтилъ шведскій посланникъ.

— Въ картахъ, баронъ, — улыбнулась государыня.

— Ваше величество слишкомъ скромны, не замѣчая своихъ преимуществъ! — тонко отвѣчалъ дипломатъ.

— А вотъ графъ думаетъ иначе, — произнесла снова Анна, кивнувъ на Миниха, — онъ очень и очень не прочь-бы помѣриться со мною въ спорѣ за несостоятельность Бѣлградскаго мира. Неправда-ли, фельдмаршалъ?

Съ низкимъ поклономъ Минихъ склонилъ свою старую, красивую голову.

— Все, что ни дѣлается вашимъ величествомъ — все къ лучшему, — произнесъ онъ.

— Спасибо, любезникъ. Умѣешь красно сказать. Да чего ты не умѣешь, спрашивается?... Вотъ развѣ... — и глаза императрицы краснорѣчиво направились въ уголъ, гдѣ стоялъ принцъ Брауншвейгскій, выросшій, загорѣлый, но не ставшій отъ этого ни мужественнѣе, ни смѣлѣе за эти 6—7 лѣтъ.

— Я уже имѣлъ честь доложить вашему величеству о военныхъ успѣхахъ его высочества, принца...

— Да, да! — разсѣянно произнесла государыня и заговорила со шведскимъ посланникомъ о постороннихъ вещахъ.

Минихъ взглянулъ по направленію тщедушной фигурки принца Антона, затянутаго въ полковничій мун-

диръ кирасирскаго Брауншвейгскаго полка, и подумалъ:

«Что можно было сдѣлать изъ этой куклы? Приходилось поневолѣ писать о его храбрости... Это одно могло придать ему нѣкоторый ореолъ въ глазахъ принцессы. А сдѣлать его инымъ могъ бы одинъ только Богъ... Не слишкомъ-ли многаго требуютъ отъ побѣдителя турокъ?»

Между тѣмъ принцъ безпокойно вертѣлся и оглядывался во всѣ стороны. Онъ, очевидно, искалъ кого-то. И вотъ лицо его прояснилось. Довольная улыбка мелькнула на губахъ. Робко, бочкомъ, по свойственной его застѣнчивой натурѣ привычкѣ, онъ пробирался къ окну, у котораго весело разговаривали и смѣялись двѣ дѣвушки-однолѣтки: одна худенькая, некрасивая блондинка, но съ милымъ, усталымъ и не то капризнымъ, не то наивнымъ личикомъ; другая—быстроглазая, пышная брюнетка со смуглымъ, красивымъ, румянымъ лицомъ.

Одна изъ нихъ была принцесса Анна; другая—Юліана, баронесса фонъ-Мегденъ, ея фрейлина.

За эти 6 лѣтъ онѣ успѣли превратиться изъ дѣвочекъ-подростковъ въ взрослыхъ стройныхъ дѣвушекъ-невѣстъ.

Около черноглазой смуглянки Юліаны стоялъ высокій красивый вельможа и весело разсказывалъ веселые анекдоты, вызывавшіе громкій хохотъ обѣихъ дѣвушекъ. Это былъ недавно пошедшій въ гору бывшій казанскій губернаторъ и егермейстеръ, теперь кабинетъ-министръ, Артемій Петровичъ Волынскій.

Принцъ прибавилъ шагу и замѣтилъ, что кабинетъ-министръ что-то удивительное продѣлываетъ со своимъ выразительнымъ лицомъ. Красивыя, правильныя черты Волынскаго приняли старческое выраженіе; свѣжія, румяныя щеки отвисли книзу, глаза сощурились. Прикрывая ихъ рукою, на подобіе зонтика, Артемій Петровичъ,

брезгливо морщась и подрыгивая ногами, тянулъ глухимъ старческимъ голосомъ:

— Не до дѣлъ мнѣ теперь, ваша свѣтлость, я чаю видите... Проклятая подагра одолѣла. Ни стать, ни сѣсть. Ой, ой, ой, хо, хо, хо!

— Да это графъ Остерманъ! — громко расхохоталась Юліана. — Смотри, смотри, Анна, какъ похоже!

Принцесса не могла не расхохотаться остроумной выходкѣ кабинетъ-министра.

— Ну, и затѣйникъ-же вы, Артемій Петровичъ, — произнесла она, смѣясь, ласково взглянувъ на Волынскаго.

Но тотъ уже успѣлъ преобразиться. Приподнялъ плечи, гордо вскинулъ голову, выправилъ грудь, нахмурилъ брови, закусилъ губы, — и передъ обѣими дѣвушками точно предсталъ самъ свѣтлѣйшій герцогъ Курляндскій.

— Бирономъ! — прошептала Юліана, давясь отъ смѣха, въ то время какъ принцесса Анна испуганно схватила за руку разошедшагося кабинетъ-министра.

— Ради Бога, Артемій Петровичъ, что вы дѣлаете? Кто-нибудь можетъ подсмотрѣть и донести герцогу.

— Я не боюсь, принцесса, — смѣло, блестя своими большими глазами, произнесъ Волынскій. — Самое дорогое, что у меня есть—моя жизнь, но она уже отдана родинѣ и государынѣ. Стало быть взять съ меня нечего и опасаться, значитъ, мнѣ нѣтъ основанія.

Затѣмъ, сразу измѣнивъ тонъ своей рѣчи и низко поклонившись подошедшему принцу Антону, онъ произнесъ:

— Ваша свѣтлость, радъ изъявить вамъ мое почтеніе.

Обѣ дѣвушки закусили до боли губы, чтобы не расхохотаться: лицо, манеры и фигура Волынскаго разомъ превратились въ лицо, фигуру и манеры принца Антона.

Между тѣмъ Волынскій въ томъ же тонѣ, картавя и заикаясь, продолжалъ:

— Къ величайшему моему сожалѣнію, дѣла заставляютъ меня покинуть столь прекрасное общество.

И онъ бочкомъ, какъ это дѣлалъ всегда принцъ, отошелъ отъ громко расхохотавшихся уже теперь молодыхъ дѣвушекъ.

— Ваше высочество веселы сегодня, — заикаясь и краснѣя, произнесъ Антонъ-Ульрихъ, обращаясь къ своей невѣстѣ.

— Мнѣ всегда весело, когда я съ моими друзьями, — колко отвѣчала ему принцесса.

И за минуту до этого оживленное, горѣвшее румянцемъ личико снова приняло свое обычно скучающее выраженіе.

Принцъ, точно не замѣчая ея настроенія, продолжалъ, все болѣе и болѣе оживляясь:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ вами, принцесса, но, но...

Его растерянный взглядъ скользнулъ по Юліанѣ Мегденъ. Та поняла сразу, что принцъ стѣсняется ея присутствіемъ, сдѣлала почтительный реверансъ и спѣшно удалилась, несмотря на краснорѣчивые взгляды всѣми силами старавшейся ее удержать принцессы.

Принцъ Антонъ и принцесса Анна остались одни.

Принцъ растерянно теребилъ свою шпагу. Принцесса смотрѣла на него съ затаенной насмѣшкой.

Обливаясь чуть-ли не девятымъ потомъ, принцъ началъ:

— Ваше высочество немилостивы ко мнѣ, хотя я во все время Турецкаго похода не переставалъ думать о васъ, принцесса... И подъ небомъ Яссъ, и подъ Очаковымъ я... я... я...

Принцъ окончательно запутался, заикнулся и оста-

новился на полусловѣ, встрѣтивъ на своемъ лицѣ далеко не доброжелательный взглядъ.

— Не мечите стрѣлы вашего краснорѣчія, ваша свѣтлость, — произнесла, насмѣшливо улыбаясь, Анна. — Я все равно не пойму васъ никогда!

— Ахъ, принцесса, какъ больно мнѣ это слышать! — въ отчаяніи произнесъ принцъ. — Я дрался съ вашимъ именемъ на устахъ тамъ, въ далекой Турціи... Я люблю васъ, Анна, поймите меня...

И онъ схватилъ принцессу за руку.

Анна Леопольдовна вспыхнула. Глаза ея блеснули гнѣвомъ.

— Вы забываетесь, ваша свѣтлость, — произнесла она гордо, выдергивая свои пальцы изъ руки принца и, высокомѣрнымъ взоромъ окинувъ съ головы до ногъ его тщедушную фигурку, отошла отъ окна.

Принцъ остался одинъ, растерянный, испуганный, смущенный.

Неподалеку отъ карточныхъ столовъ Анна Леопольдовна снова увидѣла Волынскаго.

— Что съ вами? Кто васъ обидѣлъ, ваше высочество? — живо обернулся къ ней Артемій Петровичъ.

— Вотъ что вы надѣлали, господа министры! — произнесла, вся пылая гнѣвомъ, дѣвушка. — Изъ-за вашей гадкой политики я должна выйти замужъ за этого жалкаго, смѣшного, противнаго брауншвейгца!

И слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ.

Волынскій растерялся. Онъ еще никогда не видалъ принцессы въ такомъ возбужденіи. Онъ не зналъ что сказать, что подумать.

Въ эту минуту хорошо знакомый голосъ прозвучалъ за ними:

— Ваше высочество, утрите ваши глазки. Всякое горе въ ваши годы есть только полгоря и оно поправимо. Не угодно-ли пройтись въ садъ со мною? Мнѣ не-

обходимо поговорить съ вами и я надѣюсь утѣшить васъ.

Анна Леопольдовна живо обернулась.

Передъ нею въ почтительной позѣ, предлагая ей руку, стоялъ самъ герцогъ Курляндскій, всесильный Іоганнъ-Эрнстъ Бирономъ.

ГЛАВА III.

Выборъ.—Горе Анны.—Союзъ заключенъ.

БЛАГОВОННАЯ прозрачная тишь майской ночи, шопотъ фонтана, запахъ цвѣтущихъ липъ—все это разомъ охватило Анну, какъ только она вошла въ садъ, опираясь на руку герцога.

Герцогъ подвелъ Анну къ стоявшей одиноко, въ глубинѣ сада, бѣлой мраморной скамейкѣ.

— Ваше высочество недовольны своей судьбою?—произнесъ Бирономъ ласковымъ, вкрадчивымъ, совсѣмъ не свойственнымъ ему голосомъ.

— Могу-ли я быть довольна ею герцогъ?—вопросомъ на его вопросъ отвѣтила принцесса.

Но прежняго гнѣва и возбужденія не было уже въ тонѣ ея голоса. Минутная вспышка прошла и Анна Леопольдовна снова погрузилась въ обычное спокойное равнодушіе.

— Ваше высочество не любитъ принца Брауншвейгскаго,—стараясь говорить тѣмъ же ласковымъ голосомъ продолжалъ Бирономъ.

— О, зачѣмъ вы мнѣ о немъ говорите?—съ ненавистью въ голосѣ произнесла Анна.

— Онъ не нравится вамъ, принцесса, я знаю. Еще бы! Принцъ Антонъ далеко не тотъ прекрасный рыцарь, о которомъ въ правѣ мечтать такая прелестная дѣвушка,—и герцогъ смѣло вперилъ свои льстивые взоры въ унылое личико Анны.

— Ахъ, да! — вырвалось изъ груди ея живымъ, трепетнымъ звукомъ.

— Вашему высочеству представляется юный, прекрасный образъ смѣлаго, предпріимчиваго, гордаго юноши съ отважной рѣчью, съ прекраснымъ лицомъ и увѣренностью въ себѣ, въ своей силѣ... Этотъ юноша, какъ рыцарь изъ сказки, долженъ проникнуть силою въ теремъ, въ которомъ заключена принцесса и, на зло всему міру, увезти ее въ прекрасную страну! Хотите-ли вы этого, принцесса?

Биронъ говорилъ по-нѣмецки и говорилъ краснорѣчиво, но все время смотрѣлъ на принцессу, чтобы не пропустить ни одного движенія въ лицѣ внимательно слушавшей его дѣвушки.

Его краснорѣчіе не пропало даромъ. Пылкая, мечтательная головка Анны, обожавшей съ самаго дѣтства все таинственное, все необычайное, сразу поддалась его горячимъ рѣчамъ. Сердечко принцессы усиленно забилось. Лицо загорѣлось румянцемъ, глаза заблестѣли.

— Ахъ, такихъ рыцарей у насъ нѣтъ! — съ легкимъ разочарованіемъ произнесла она, вздохнувъ невольно.

— Есть, принцесса! — съ увѣренностью произнесъ Биронъ.

— Прекрасный юноша, смѣлый и гордый, который не задумается вырвать меня изъ этой обстановки и упросить государыню отказать принцу Антону? — съ удивленіемъ спросила она.

— Да! Да! Все это онъ сдѣлаетъ изъ любви къ вамъ, принцесса.

— Онъ любитъ меня, этотъ рыцарь?

— Преданно и глубоко!

— И я не замѣчала этого?

— Онъ слишкомъ скроменъ, ваше высочество, чтобы позволить себѣ выражать свое чувство, когда весь дворъ

только и ждетъ того момента, когда вы дадите формальное согласіе на бракъ съ принцемъ.

— Значитъ ко всѣмъ его достоинствамъ можно прибавить и благородную скромность? О, какъ онъ хорошъ, какъ рыцарски хорошъ, вашъ прекрасный принцъ!— произнесла Анна Леопольдовна, побѣжденная вполнѣ плѣнительнымъ образомъ невѣдомаго рыцаря. — Но его имя? Его имя, герцогъ?—взволнованно произнесла она.

За высокой фигурой Бирона ей уже чудился стройный, неясный силуэтъ невѣдомаго красавца, готоваго для нея на самую смерть.

— Кто онъ? Его имя, герцогъ! — еще разъ повторила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Ваше высочество, этотъ рыцарь, предлагающій вамъ свою жизнь, руку и сердце — мой сынъ Петръ. Отъ его имени умоляю ваше высочество быть его женой, — отчеканивая каждое слово, тихо и почтительно произнесъ Бирон.

Легкій крикъ вырвался изъ груди Анны. Она вскочила на ноги, небольшая ея фигура выпрямилась, бѣлокурая головка гордо приподнялась.

— Герцогъ Бирон!—произнесла она, отдѣляя каждый слогъ, въ то время какъ глаза ея загорѣлись негодованіемъ, презрѣніемъ и гнѣвомъ.—Герцогъ Бирон! Вы не смѣете такъ оскорблять меня. Никогда, слышители, никогда принцесса Анна, внучка великаго Петра, родная племянница русской императрицы, не снизойдетъ до того, чтобы быть женою сына бывшаго курляндскаго служителя!

И гордымъ жестомъ, исполненнымъ величія, она дала знать Бирону, что онъ можетъ уйти и оставить ее одну.

Послѣдній машинально повиновался. Въ первую минуту онъ былъ до того ошеломленъ необычайной смѣлостью этой всегда робкой и нерѣшительной дѣвушки,

что не нашелся что отвѣтить ей. Но теперь, идя отъ нея по направленію дворца, онъ весь поддался охватившему его бѣшенству.

Ему отказали въ сватовствѣ, ему, всесильному герцогу Курляндскому, любимцу императрицы! И кто-же? Какая-то Мекленбургская принцесса, о существованіи которой никто-бы и не слышалъ, если-бы императрица Анна Іоанновна не была бездѣтной. О, онъ не проститъ ей этого! Онъ отомститъ ей за все!

— Я попомню тебѣ этотъ отказъ; попомню тебѣ и «курляндскаго служителя» и «Петрову внучку»! — почти въ голосъ прокричалъ герцогъ и бѣшено топнулъ ногою.

А принцесса Анна, оставшись одна, горько зарыдала. Все ея недавнее возбужденіе разомъ прошло. Оскорбленное самолюбіе, безсильный гнѣвъ и полная невозможность отомстить за него — все это разомъ поднялось въ ея душѣ. Къ тому же ко всему этому примѣшивался страхъ. Принцесса далеко не была героиней, и она понимала, что вражда съ такимъ могущественнымъ сановникомъ, какъ Бирономъ, не сулитъ ей ничего хорошаго въ будущемъ.

Слезы струились все сильнѣе и сильнѣе по лицу принцессы, а рыданія все больнѣе и больнѣе тѣснили грудь, когда чья-то рука неожиданно легла на ея плечо.

— Это ты, Юліана? Наконецъ-то! О, какъ я несчастна, милая! — вырвалось изъ груди обиженной дѣвушки. И увѣренная, что увидитъ передъ собою свою неизмѣнную подругу, она кинулась къ ней на грудь, но тотчасъ же откинулась назадъ.

Передъ нею стоялъ принцъ Антонъ-Ульрихъ. Прежняго робкаго и жалкаго вида не было уже въ фигурѣ принца. Вдали отъ тысячи насмѣшливо устремленныхъ на него глазъ, среди молчаливыхъ деревьевъ, на лонѣ чудной майской ночи, принцъ чувствовалъ себя куда свободнѣе и лучше. Къ тому-же онъ видѣлъ неподдѣль-

ное горе, несчастье въ лицѣ этой молодой дѣвушки, рыдающей на скамьѣ. Онъ самъ, принцъ Антонъ, былъ несчастливъ и потому не могъ не сочувствовать чужому горю. Онъ былъ добръ и мягокъ по природѣ и это составляло единственное преимущество его безцвѣтной, робкой особы.

Забывъ всѣ недавнія оскорбленія, нанесенныя ему своенравной принцессой, принцъ Антонъ осторожно приблизился, присѣлъ подлѣ и, ласково взявъ за руку все еще плачущую дѣвушку, произнесъ ласково и кротко:

— Успокойтесь, ваше высочество! Утрите ваши слезы!.. Что дѣлать? Каждому данъ свой крестъ что-бы терпѣть... И я несчастливъ и я желалъ бы лучшей доли, но не въ силахъ измѣнить роковой судьбы. Надо смириться...

Его голосъ дрожалъ.

Въ голубыхъ майскихъ сумеркахъ лицо принца показалось значительнѣе и лучше взглянувшей на него принцессѣ. Беззавѣтной преданностью сіяли его маленькіе глазки, и губы ласково улыбались дѣвушкѣ. Онъ не казался ни смѣшнымъ, ни гадкимъ. Передъ Анной былъ такой же несчастный, такая же слѣпая игрушка судьбы какъ и она сама. Ей стало жаль принца. Горе сближаетъ людей. Она его не ненавидѣла больше. Кътому же быстрая, какъ молнія, мысль подсказала ей, что въ немъ одномъ ея спасеніе. Что, если Бирономъ пойдетъ сейчасъ къ государынѣ и будетъ сватать ей своего любимца, вѣдь императрица не найдетъ въ себѣ силы отказать герцогу и... и тогда... Какъ зло, какъ жестоко посмѣется надъ нею ея будущій своякъ!

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Анны. Надо было выбирать, выбирать какъ можно скорѣе, сейчасъ. Съ одной стороны—ждетъ ее впереди ужасное униженіе стать женою сына курляндскаго конюха, который, несмотря на молодые годы, успѣлъ прославиться своей чван-

ливостью и жестокостью, съ другой стороны ея — рѣшенія ждетъ этотъ робкій, застѣнчивый принцъ, домогающійся ея расположенія.

И Анна рѣшилась.

— Ваша свѣтлость,—проговорила она тихимъ, сочувствующимъ голосомъ. — Мы оба несчастливы... Постараемся же улучшить участь другъ друга... Ваше участіе ко мнѣ тронуло меня. Не скрою: не глубокое чувство толкаетъ меня къ вамъ, а страхъ козней Бирона. Онъ сейчасъ только сватался мнѣ своего сына Петра. Вы принцъ, являетесь моимъ спасителемъ отъ этого новаго дерзкаго выскочки и я, клянусь, сумѣю отблагодарить за это спасеніе вашу свѣтлость и буду вамъ доброй женой.

Говоря это, Анна Леопольдовна протянула принцу обѣ руки.

Осчастливленный Антонъ-Ульрихъ склонился къ нимъ и горячо поцѣловалъ.

ГЛАВА IV.

Торжество горбуньи.—Новое знакомство.

А время не шло, а бѣжало. Точно на крыльяхъ неслось оно.

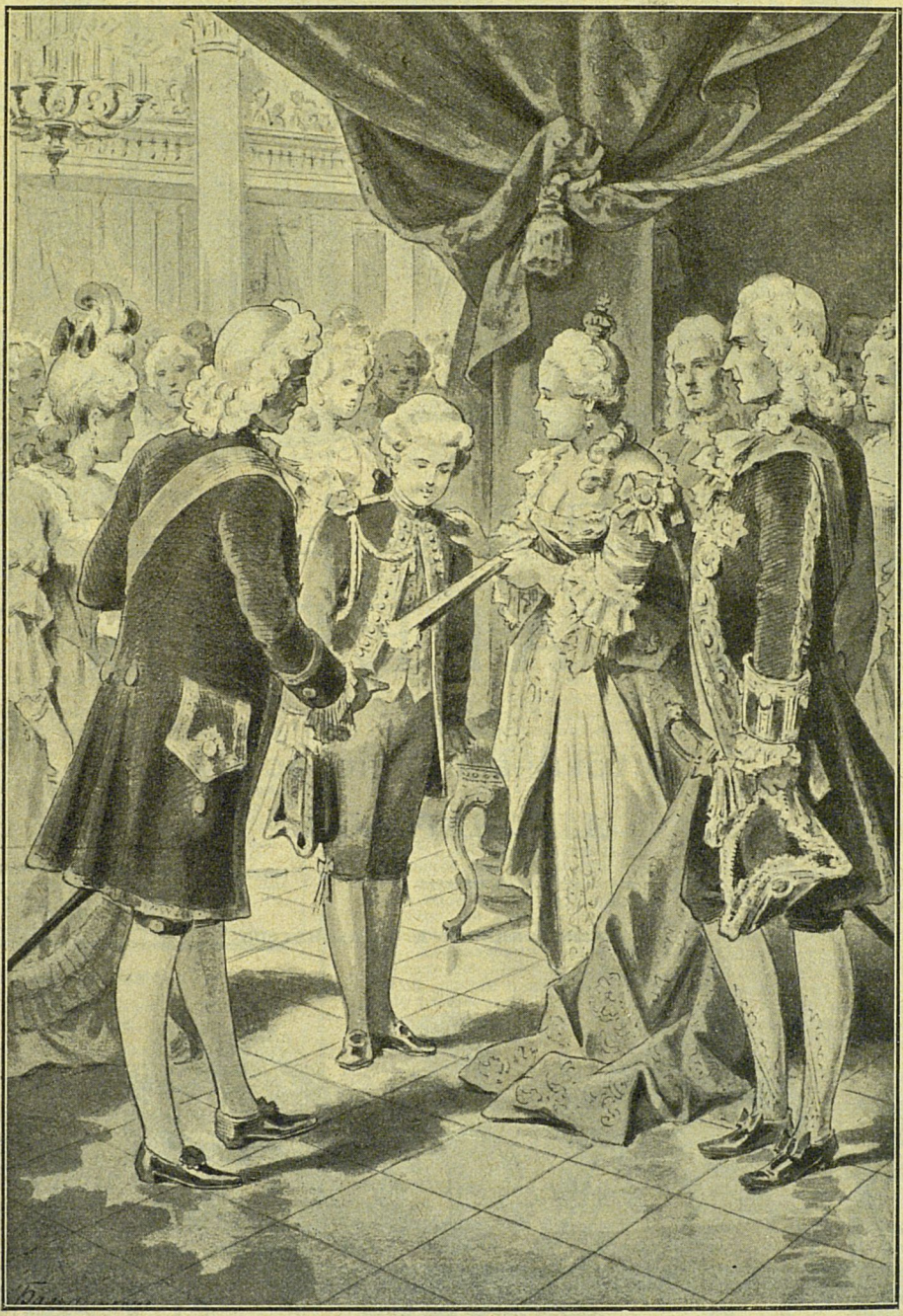
Наступило 2-е іюля, день, назначенный государыней для бракосочетанія ея племянницы принцессы. Цѣлыя полчища народа запрудили все протяженіе отъ Лѣтняго дворца до Невской перспективы, вплоть до самаго Казанскаго собора, гдѣ ждетъ невѣсту, окруженный большою свитой, женихъ. Принцъ Антонъ, въ вышитомъ золотомъ мундирѣ, съ кавалерственной лентой черезъ плечо, съ лицомъ, выражающимъ одно смущеніе, не знаетъ какъ встать, куда повернуться. Сотни любопытныхъ глазъ обращены на него. И несчастный принцъ не знаетъ куда дѣть собственные глаза, чтобы не встрѣчаться со всѣми этими взглядами, выражающими плохо скрытую насмѣшливость, — какъ ему, по крайней мѣрѣ, кажется.

«Охъ, скорѣе-бы привезли невѣсту! Скорѣе бы кончилось все это и оставили-бы меня въ покоѣ!» — думаетъ бѣдненькій принцъ.

Судьба, точно подслушавъ это скромное желаніе, смилостивилась надъ нимъ. Волны народнаго потока, наводнявшаго собою улицы, заколыхались, зашумѣли.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! — загудѣло кругомъ.

Прежде всѣхъ показались великолѣпныя кареты при-



Къ главѣ V.

Нѣтъ, ваше величество, я не буду счастливъ въ этомъ дворцѣ...

дворныхъ сановниковъ. Каждой изъ нихъ предшествуютъ не менѣе десяти лакеевъ и скороходовъ, переряженныхъ арапами, въ платьяхъ, плотно обтянутыхъ бархатомъ, съ перьями на головѣ, какъ у индѣйцевъ. За ними ѣдетъ великолѣпная карета, предшествуемая, помимо двѣнадцати слугъ, четырехъ скороходовъ, двухъ гайдуковъ, еще двумя дворянами верхами. Это карета принца Карла Курляндскаго, младшаго сына Бирона. Бѣлокурый мальчикъ выглядываетъ изъ-за граненыхъ стеколъ, съ трехъ сторонъ окружающихъ пышный экипажъ, и дѣтское любопытство борется на лицѣ его съ недѣтскимъ гордымъ высокомѣріемъ, такъ свойственнымъ семейству герцога. Еще въ болѣе пышной обстановкѣ ѣдетъ его братъ, наслѣдный принцъ курляндскій, неудачный женихъ принцессы Анны. Этотъ не любопытничаетъ, не высовывается изъ экипажа, какъ его младшій братъ. На его юномъ лицѣ написано гордое тщеславіе. Красивыя, тонкія черты лица, похожаго какъ двѣ капли на лицо герцога, обезображены надменностью. Онъ достойный сынъ своего отца и гордится этимъ.

Но вотъ и самъ отецъ его, всесильный герцогъ. Болѣе двухъ десятковъ слугъ, двѣнадцать скороходовъ, двадцать четыре пажа, камергеры верхами, конные лакеи, дворяне, — вотъ поѣздъ могучаго Бирона, поражающій всѣхъ своимъ величіемъ. За нимъ слѣдуютъ: егермейстеръ Волынскій со всей своей конной охотничьей прислугой, одѣтой въ особую одежду, затѣмъ оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольде и, наконецъ, раскинутая на обѣ половины, предшествуемая сорока восемью слугами, скороходами и дворянами, запряженная восемью лошадьми цугомъ, ѣдетъ карета, въ которой сидитъ сама государыня съ невѣстой.

За ними, съ тою же подобающею пышностью, цесаревна Елизавета, затѣмъ герцогиня курляндская, ея дочь, принцесса Гедвига, предшествуемыя ихъ свитами

и, въ концѣ кортежа, экипажи съ супругами сановниковъ и ихъ дѣтьми.

Всѣ веселы, оживлены. Всѣ кажутся довольными и своимъ пышнымъ выѣздомъ, и веселымъ іюльскимъ днемъ, и кликами бѣснующагося народа.

— Ура! Ура! Да здравствуетъ государыня-матушка Анна Іоанновна!—вопитъ толпа и шапки летятъ въ воздухъ при видѣ золотой царской коляски.

— Виватъ! Виватъ! — подхватываютъ войска и кликъ этотъ несется могучей лавиной, сливаясь въ одно цѣлое съ горячими привѣтствіями народа.

Одна невѣста кажется печальной и угрюмой. Въ своемъ подвѣнечномъ нарядѣ, сотканномъ изъ серебряной ткани, вся залитая брилліантами, съ брилліантовою же коронкой на бѣлокурыхъ, пышно взбитыхъ кудряхъ, Анна Леопольдовна похожа на мраморную статую отчаянія среди всей этой роскоши и блеска.

Три мѣсяца тому назадъ тамъ, въ саду, оскорбленная герцогомъ, она не нашла ничего ужаснаго — вручить свою судьбу принцу Антону. Но теперь, теперь, когда уже нѣтъ возврата назадъ, ея поступокъ ей кажется ужаснымъ. Точно кошмаръ давитъ грудь несчастной принцессы. Она выплакала всѣ свои слезы, одѣваясь къ вѣнцу, на груди своего неизмѣннаго друга, Юліаны, и теперь сидитъ заплаканная, скорбно-печальная въ своей золоченой колескѣ.

«Ужъ скорѣе-бы! — мысленно говоритъ она, едва находя въ себѣ силы отвѣчать чуть замѣтными кивками головы на восторженные клики народа, — скорѣе-бы кончилось все это! Скорѣе-бы вернуться во дворецъ и, пока идутъ приготовленія къ балу, уйти, скрыться отъ всей этой докучливой свиты въ какой-нибудь уголокъ съ другомъ Юліаной и вмѣстѣ съ нею покручиниться, посѣтовать на судьбу...»

Желаніе принцессы исполняется, какъ и желаніе

принца. Поѣздъ останавливается. Оберъ-камергеры бросаются къ раззолоченнымъ дверцамъ коляски. Духовенство встрѣчаетъ невѣсту въ притворѣ. Дивное пѣніе оглашаетъ своды храма. Императрица вкладываетъ руку Анны въ руку принца Антона. Еще громче, еще торжественнѣе раздаются голоса пѣвчихъ...

«Точно хоронятъ!»—вихремъ проносится въ мысляхъ принцессы.

Архипастырь Амвросій Юшкевичъ подводитъ принцессу къ аналою. Драгоцѣнные вѣнцы поднимаются надъ склоненными головами жениха и невѣсты. Анна взглядываетъ машинально на крестъ и евангеліе, лежащіе передъ нею на аналоѣ.

Все кончено. Возврата нѣтъ!

Ея прежняя дѣвичья свобода потеряна на-вѣки... Она отнынѣ супруга принца Антона Брауншвейгскаго...

. . . . . .

Медленные, нѣжные, сказочно-плѣнительные, плавные и важные звуки менуэта оглашаютъ залъ.

Нарядныя красавицы, залитые орденами и золотымъ шитьемъ сановники, все это плавно кружится, двигается и присѣдаетъ въ тактъ невидимой музыкѣ, спрятанной на хорахъ. Оберъ-гофмаршалъ отдаетъ приказаніе движеніемъ своего жезла, и танецъ смѣняется танцемъ.

Въ нарядныхъ робахъ, съ головы до ногъ залитыя брилліантами, придворныя красавицы, Трубецкая, Наталья Лопухина, Ягужинская, Долгорукая, баронесса Мегденъ—всѣ онѣ здѣсь, на лицо. Но больше всѣхъ выдѣляется цесаревна Елизавета. Правда, цесаревна уже перешла границы первой молодости. Ей уже около тридцати лѣтъ. Прежняя хохотунья Лизута скрылась; прежняя слободская пѣвунья, соперница соловья Чегаихи, исчезла навсегда. Но не менѣе хороша, если не лучше, теперешняя плѣнительная красавица

Елизавета. Что-то затаенно-грустное, задушевно-печальное кроется въ глубинѣ ея синихъ очей, но нѣжныя губы улыбаются ласково, весело и привѣтливо, золотистыя косы такъ же пышны, какъ и прежде, улыбкой сверкающіе зубы также красивы и роскошны. Она только пополнѣла за послѣдніе годы, но отъ этого еще стройнѣе, еще граціознѣе кажется гибкая фигура. Плавно выступаетъ цесаревна объ руку съ Густавомъ Бирономъ, братомъ герцога, и привѣтливо улыбается своему кавалеру. Не терпитъ его Елизавета, какъ и все семейство герцога, но, дѣлать нечего, приходится смиряться, затаить въ душѣ своей ненависть. Этого требуетъ придворный «этикетъ», требуютъ и другія соображенія... «Въ придворномъ кругу нельзя быть ни искренней, ни откровенной, надо скрывать свои чувства и постоянно носить маску притворнаго довольства», — училъ ее ея другъ и наставникъ Лестокъ, и цесаревна научилась притворяться, носить маску любезности даже въ тѣ минуты, когда на душѣ ея кипитъ вражда, негодованіе и гнѣвъ. Съ того самаго вечера, какъ поклялась она своимъ друзьямъ всѣми силами служить на благо отечества, она рѣшила, что открытой враждой нельзя спасти Россію отъ ея мучителей. Иные планы роились въ головѣ ея. И любезно улыбаясь графу Бирону, Елизавета думаетъ все ту-же затаенную думу, какъ спасти Россію отъ корыстнаго вліянія ея враговъ...

За цесаревной и ея кавалеромъ слѣдуетъ странная пара. Высокая, статная фигура стараго фельдмаршала поминутно сгибается къ его маленькой дамѣ. Дамѣ стараго графа Миниха не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Она очень некрасива, дурно сложена, горбата. Но ея огромные черные глаза горятъ такимъ умомъ, такою недѣтскою душой, а большія, неправильныя губы улыбаются такъ тонко и лукаво, горбъ такъ

ловко скрытъ въ нарядномъ платьѣ, что никто, вѣроятно, не считаетъ теперь уродомъ, ни дурнушкой молоденькую принцессу Гедвигу Бирономъ. Густые, черные, перепутанные съ жемчугомъ локоны, не напудренные, какъ у взрослыхъ дѣвицъ и дамъ того времени и не свитые въ безобразной высокой прическѣ, свободно падая на плечи, обрамляютъ пышною рамой смышленное личико дѣвочки. Она впервые появилась сегодня въ «свѣтѣ», будучи «дружкой» на свадьбѣ принцессы Анны. Она такъ боялась этой свадьбы, этого бала. Боялась, что ея нескладная фигура, смѣшной горбъ, неловкая походка будутъ встрѣчены насмѣшкой. Всѣ домашніе—отецъ, мать, братья—смѣются надъ нею; они не называютъ ее иначе, какъ горбуньей и уродкой. А между тѣмъ сегодня—о! она это чувствуетъ—она обращаетъ общее вниманіе, производитъ на всѣхъ впечатлѣніе... Жгучее самолюбіе придало ей силы, ловкости, умѣнья. Она, во что-бы то ни стало, хотѣла доказать имъ всѣмъ, ея гонителямъ, что, несмотря на ея горбъ и на некрасивое лицо, она будетъ замѣтна, благодаря своему уму и начитанности, благодаря умѣнью быть интересной и остроумной собесѣдницей. И она доказала. Цѣлый вечеръ ее окружаютъ лучшіе изъ кавалеровъ, толпятся вокругъ нея, чтобы получить возможность танцовать съ ея «свѣтлостью», поймать мимолетную улыбку ея лица. Самъ фельдмаршалъ Минихъ пригласилъ ее на танецъ, а это одно уже много значитъ. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, побѣдитель турокъ, герой минувшей войны, графъ Минихъ не будетъ танцовать съ первой попавшейся дѣвушкою. Онъ бываетъ кавалеромъ только или самыхъ красивыхъ, или самыхъ умныхъ, или самыхъ обаятельныхъ дамъ. А сегодня онъ отъ нея не отходитъ. Значитъ... значитъ...

И принцесса Гедвига улыбается счастливой улыбкой. Она чувствуетъ себя такой радостной, такой счастливой!

Ея кривыя, некрасивыя ножки такъ и скользятъ по полу. Черные локоны вьются вокругъ разгорѣвшагося румянцемъ лица.

Ахъ, какъ хорошо сейчасъ ей, Гедвигѣ! Ни упрековъ, ни жалобъ!.. Не слышно столь часто повторяемыхъ ея отцомъ разныхъ обидныхъ и жестокихъ словъ: «Ни за кого-то не пристроить тебя, уродку-горбунью, даже принцъ Дармштадтскій, ужъ не Богъ вѣсть что такое, и тотъ не желалъ жениться на тебѣ, такой дурнушкѣ». Сколько разъ ужъ она слышала эти слова! Сколько слезъ пролила она, думая о нихъ!..

Но теперь Гедвига только хитро и тонко улыбается, припоминая эти слова. Лукавая, смѣтливая дѣвочка отлично понимаетъ, почему не пожелалъ жениться на ней принцъ Дармштадтскій. Въ отвѣтъ на посланное ему предложеніе отъ герцогскаго двора принцъ Дармштадтскій объявилъ довольно прозрачно, что не желаетъ родниться съ «курляндскимъ конюхомъ», а ея уродство и горбъ тутъ не причемъ... Да, кромѣ того, развѣ она ужъ такъ уродлива? Сама императрица считаетъ ее своей «миленькой», своей «хорошенькой» Гедей, а этого достаточно...

И лицо Гедвиги разгорается все сильнѣе и сильнѣе и чернокудрая головка поднимается выше и окидываетъ сіяющими глазами весь залъ...

Но вотъ менуэтъ кончается. Камеръ-лакеи разносятъ на подносахъ бальныя яства. Тутъ и «шалей», и сладости или «цукерброды» въ видѣ хитро сдѣланныхъ изъ сахара звѣрюшекъ и цвѣтовъ, и пастилы, и мармелады, и имбирь въ патокѣ.

Фельдмаршалъ Минихъ съ глубокимъ поклономъ цѣлуетъ ручку Гедвиги и отходитъ отъ своей дамы. Блестящая молодежь смѣняетъ его и окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ: тутъ сынъ фельдмаршала, молодой графъ Минихъ, статный, юный гвардеецъ Лопухинъ,

братъ Юліаны баронъ Мегденъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, только что начинавшій появляться при дворѣ красавецъ Волынскій и, наконецъ, самый элегантный, самый безукоризненный свѣтскій кавалеръ, не молодой уже графъ Левенвольде, оберъ-гофмаршалъ императрицы. Они говорятъ ей комплименты, сравнивая ея красоту съ красотой Венеры, ея ловкость—съ ловкостью Діаны, умъ—съ умомъ Аѳины-Паллады. Они наперерывъ ловятъ ея улыбки, ея слова, ея остроумныя и мѣткія замѣчанія. Она счастлива, она сіяетъ...

Вдругъ... глаза Гедвиги встрѣчаются съ другими глазами... Тамъ, неподалеку отъ цесаревны Елизаветы, стоитъ улыбающійся мальчикъ. Какое чудесное, смѣлое, открытое личико, какой прекрасный чистый взоръ! Но почему онъ смотритъ на нее такъ насмѣшливо, этотъ стройный мальчикъ-красавецъ? Что онъ нашелъ смѣшного въ ней, Гедвигѣ? Смѣется надъ нею!.. О, если это такъ, она сумѣетъ проучить его!.. Или ей такъ это кажется только?

— Кто это?—обращается она къ графу Миниху младшему.

Но тотъ не знаетъ. Она спрашиваетъ Лопухина—тотъ-же отвѣтъ. Наконецъ Волынскій исчезаетъ въ толпѣ придворныхъ и черезъ минуту, возвратившись, говоритъ Гедвигѣ:

— Это мальчикъ изъ свиты цесаревны, Андрюша Долинскій. Онъ пажъ ея высочества.

— Ахъ, какое у него странное лицо! Позовите его ко мнѣ, я хочу его видѣть!—говоритъ она капризнымъ голосомъ.

Нѣсколько кавалеровъ бросается исполнить ея порученіе. Черезъ минуту пажъ цесаревны стоитъ уже передъ Гедвигой Бирономъ.

Его черные глаза смотрятъ на нее съ легкой насмѣшкой. Губы улыбаются безъ всякой застѣнчивости.

— Вотъ счастливецъ мальчикъ! На него обратила

вниманіе принцесса Гедвига! — слышится вокругъ завистливый шопотъ.

— Я хочу танцовать съ вами! — говоритъ Гедвига, обращаясь къ мальчику тономъ, не допускающимъ возраженій, — и хочу знать ваше имя.

— Мое имя Андрей Долинскій и, если ваша свѣтлость желаетъ, я исполню ваше желаніе... — и свободнымъ движеніемъ онъ взялъ руку Гедвиги и повелъ ее въ ряды танцующихъ.

— Вы не рады, не счастливы развѣ быть моимъ кавалеромъ? — обратилась къ нему дѣвочка послѣ только что исполненной фигуры англійской кадрили.

Андрюша взглянулъ на нее равнодушнымъ взглядомъ.

— Право не знаю, — произнесъ онъ, — я не люблю танцевъ, и танцы не доставляютъ мнѣ никакого удовольствія...

— Но вѣдь вы танцуете съ самой принцессой Курляндской! — произнесла уязвленная его отвѣтомъ Гедвига.

— Знаю, ваша свѣтлость, и благодарю за честь.

— И все-таки танцы не приносятъ вамъ удовольствія? А между тѣмъ, — тутъ темные глаза Гедвиги гордо блеснули, — вы слышали, какъ всѣ эти важные господа добивались чести танцовать со мною?

— Слышалъ, — просто отвѣчалъ Андрюша.

— Ну?

— Принцесса-голубушка, вы не обидитесь на меня, что я вамъ скажу? — произнесъ задушевнымъ, ласковымъ голосомъ Андрюша и чудесные глаза его мягко вспыхнули хорошимъ, добрымъ чувствомъ.

Гедвига, пораженная необычайной формой разговора съ нею, только молча кивнула въ отвѣтъ головою.

— Видите-ли, — началъ горячо и искренно Андрюша, — всѣ эти господа говорятъ вамъ неправду...

потому что боятся вашего отца и хотятъ только угодить вамъ, какъ дочери Курляндскаго герцога, перваго вельможи при императрицѣ, а будь у васъ отецъ не столь важный сановникъ, они и не стали бы разговаривать съ вами...

Точно свѣтъ померкъ въ глазахъ Гедвиги и точно мракъ воцарился кругомъ, такъ тяжело и мрачно стало на ея душѣ... Этотъ смѣлый мальчикъ говорилъ съ нею такъ, какъ никто еще не осмѣливался говорить!.. Онъ былъ искрененъ и чистосердеченъ и эта искренность-то и убивала все радостное настроеніе Гедвиги. Но она все еще не хотѣла признать, что онъ правъ и, цѣпляясь за послѣднее средство, она спросила взволнованнымъ голосомъ:

— Такъ, значитъ, я не хороша собою какъ Венера, съ которою сравнивали меня эти господа?

Андрюша быстрымъ взоромъ окинулъ тщедушную фигурку съ небольшимъ горбомъ на спинѣ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ просто, безъ малѣйшаго колебанія.

— И моя ловкость и грація?...

— Я не сравнилъ-бы ихъ съ ловкостью Діаны.

— Значитъ я ничтожна и...

Въ гордыхъ, черныхъ глазахъ Гедвиги мелькнуло злое выраженіе.

— Вы умны и, должно быть, очень добры, принцесса,—произнесъ мальчикъ ласково, идя навстрѣчу горбуньи своими честными, славными глазами.

— Добра?—вскричала дѣвочка,—но знаете-ли вы, что всѣ меня считаютъ отвратительной маленькой злючкой?! И отецъ, и братья, и мать...

— О, они ошибаются!—увѣренно произнесъ мальчикъ,—и крестненькій, и матушка, и цесаревна говорили мнѣ всегда, что дѣти не могутъ быть злыми.

— Кто это крестненькій?—поинтересовалась Гедвига.

На минуту оживленное личико мальчика затуманилось. Глаза его приняли тоскливое выраженіе.

— Крестненькій—это Шубинъ...—отвѣтилъ онъ печальнымъ голосомъ,—его сослали въ Камчатку, дали ему жену-дикарку, предварительно пытавъ и продержавъ его долго въ каменномъ мѣшкѣ...

Гедвига вздрогнула и поблѣднѣла.

Она знала печальную судьбу Шубина, знала, что не кто иной, какъ ея отецъ, виновникъ его несчастій.

Чтобы какъ-нибудь выйти изъ тяжелаго положенія, она снова спросила, тщательно избѣгая взгляда своего юнаго кавалера:

— А отецъ вашъ кто?

— Мой отецъ умеръ еще до ссылки крестненькаго; онъ умеръ на дыбѣ,—произнесъ онъ такъ тихо, что Гедвига едва могла разслышать его.

Еще большая блѣдность покрыла ея лицо.

Губы дѣвочки дрогнули, когда она спросила:

— И тоже по приказанію моего отца?

Краснорѣчивый взглядъ былъ ей отвѣтомъ.

Что-то необычайное свершилось съ Гедвигой. Ей хотѣлось схватить за руку этого милаго юношу-ребенка, увести его далеко-далеко изъ бальной залы и, упавъ передъ нимъ на колѣни, говорить ему, задыхаясь отъ слезъ:

— «Я не виновна, что отецъ мой оказался злодѣемъ по отношенію твоихъ близкихъ... Но я готова какими угодно мѣрами вознаградить тебя за то ужасное горе, которое ты испыталъ, милый ты, милый мальчикъ!... Вмѣсто того, чтобы проклинать меня, дочь твоего злѣйшаго врага, ты называешь меня доброй безъ лжи и лести!»

Жгучій мучительный стыдъ охватилъ душу Гедвиги и, прежде чѣмъ танецъ былъ оконченъ, она вырвала руку изъ руки юнаго пажа и, разстроивъ ряды танцующихъ, вышла изъ залы.

ГЛАВА V.

Юный пажъ и старая императрица.

КАКОЙ красавецъ-мальчикъ! Я хочу принять его въ свиту моихъ пажей!—послышался грубоватый голосъ за спиною растеряннаго, смущеннаго, молодого Долинскаго въ минуту внезапнаго исчезновенія его дамы.

Андрюша поднялъ голову.

Передъ нимъ, опираясь на руку герцога Курляндскаго, стояла императрица.

Мальчику и прежде издали приходилось видѣть государыню, но такъ близко еще никогда онъ не былъ отъ нея. Передъ нимъ было смуглое, рябое, постарѣвшее лицо, черные, проницательные глаза и полная, грузная фигура государыни, съ трудомъ передвигавшей ноги по скользкому полу.

— Я хочу принять его въ свиту моихъ пажей,—повторила еще разъ Анна.—Прикажи, герцогъ, отъ моего имени графу Левенвольде, чтобы онъ занялся судьбою этого красиваго мальчика. Онъ мнѣ нравится.

Послѣднія слова императрица произнесла, ласково глядя на Андрюшу и положивъ свою толстую руку на чернокудрую голову мальчика.

Окружающіе императрицу вельможи и нарядныя красавицы, при видѣ неожиданной милости къ незнакомому юношѣ, заулыбались и закивали ему. Десятки прелестныхъ женскихъ ручекъ протянулись къ Андрюшѣ,

десятки улыбокъ посылались ему. Вся бальная зала, казалось, занялась этимъ, до сихъ поръ никому невѣдомымъ, мальчикомъ.

Къ государынѣ между тѣмъ спѣшилъ Левенвольде, осторожно прокладывая себѣ дорогу среди блестящей толпы.

— Вотъ тебѣ новый подчиненный, графъ! — произнесла Анна Іоанновна, чуть-чуть выдвигая впередъ Андрюшу, — обучи его какъ слѣдуетъ всему, что требуется въ нашемъ придворномъ этикетѣ. Съ сегодняшняго же дня онъ будетъ считаться моимъ личнымъ пажомъ.

— Никакъ нельзя этого сдѣлать, государыня! — произнесъ, сосредоточенно глядя въ глаза своей повелительницѣ, оберъ-гофмаршалъ.

Императрица нахмурилась. Она не терпѣла противорѣчій.

— Нельзя? Почему? — рѣзко сорвалось съ ея устъ.

— Этотъ мальчикъ, — спокойно выдерживая гнѣвный взглядъ Анны, произнесъ Левенвольде, — этотъ мальчикъ — пажъ ея высочества цесаревны Елизаветы.

— А... — протянула значительно государыня, и тотчасъ же лицо ея приняло прежнее довольное выраженіе. — Что-жъ, цесаревна не поскупится сдѣлать намъ удовольствіе, я чаю, и уступитъ намъ своего пажа... Тѣмъ болѣе, что мы осыпемъ его милостями, какія онъ можетъ получить, только состоя при особѣ нашей... Мальчикъ, кажется, не глупъ, онъ пойметъ какая будущность ждетъ его, если онъ съ этихъ поръ получитъ мѣсто личнаго нашего пажа. Не правда-ли, мальчикъ, ты счастливъ перейти на службу нашу? — обратилась Анна къ Андрюшѣ, ласково приподнявъ его лицо за подбородокъ.

Теперь на нее смотрѣли два прекрасные, черные глаза, не умѣвшіе скрываться и лгать. Смѣлое, отваж-

ное лицо мальчика яснымъ взоромъ впилось въ лицо государыни.

— Нѣтъ, ваше величество, я не буду счастливъ въ этомъ дворцѣ! — произнесъ Андрюша своимъ звонкимъ, молодымъ голоскомъ.

Казалось, молнія ворвалась въ эту минуту въ огромную залу и опалила всѣхъ присутствующихъ, лишая ихъ зрѣнія, голоса и слуха, такъ неожиданно, такъ поражающе дерзокъ былъ отвѣтъ юнаго пажа. Гробовое молчаніе воцарилось въ залѣ.

Императрица стояла съ грозно-нахмуренными бровями, съ внезапно засверкавшимъ гнѣвнымъ негодованіемъ взоромъ. Безмолвный ужасъ былъ написанъ на лицахъ присутствующихъ. Всѣ молчали.

— Ты смѣлъ и отваженъ, мальчикъ, — произнесла императрица послѣ долгой паузы, — а я люблю смѣлыхъ и отважныхъ. Скажи же мнѣ, чѣмъ мы заслужили твою немилость, что ты не хочешь состоять при особѣ нашей?

Послѣднія слова звучали худо скрытой насмѣшкой, которой не замѣтилъ Андрюша.

— Ваше величество, — произнесъ онъ, выходя впередъ и низко склоняясь передъ императрицей, — я не могу уйти изъ дворца цесаревны. Ея высочество облагодѣтельствовала меня. Ваше величество, я сирота, и цесаревна Елизавета пріютила меня, обласкала меня и замѣнила мнѣ моихъ умершихъ родителей. Всѣмъ своимъ счастьемъ, всѣмъ благополучіемъ я обязанъ ея высочеству... Нѣтъ, милостивая государыня, никакія почести, никакія награды не смогутъ соблазнить меня уйти отъ нея... Всю мою жизнь я отдамъ ей до послѣдняго вздоха, всѣ мои дни до конца жизни посвящу цесаревнѣ моей! — пылко заключилъ мальчикъ, обводя сверкающимъ взоромъ тѣсно сплотившуюся вокругъ него и Анны толпу придворныхъ.

— Жизнь слѣдуетъ посвящать только ея величеству государынѣ! — прозвучалъ рѣзкій голосъ за его спиною. Эти слова сказалъ герцогъ Курляндскій съ трудно скрываемымъ гнѣвомъ.

— Оставь, герцогъ! — недовольно произнесла государыня, — сама истина говоритъ устами этого ребенка!.. Какъ счастлива должна быть Лиза, имѣя такого преданнаго и безкорыстнаго слугу! — тихо, чуть слышно добавила она.

— Вы имѣете не менѣе преданныхъ и безкорыстныхъ слугъ, государыня, — почтительно произнесъ Бирономъ.

Анна холодно взглянула на своего любимца.

— Нѣтъ, ты не понимаешь меня, — произнесла она досадливо. — Русская императрица имѣетъ возможность щедро награждать своихъ слугъ... Ихъ преданность и вѣрность хорошо оплачиваются и деньгами, и почестями... Это знаетъ каждый... А вотъ этотъ мальчикъ...

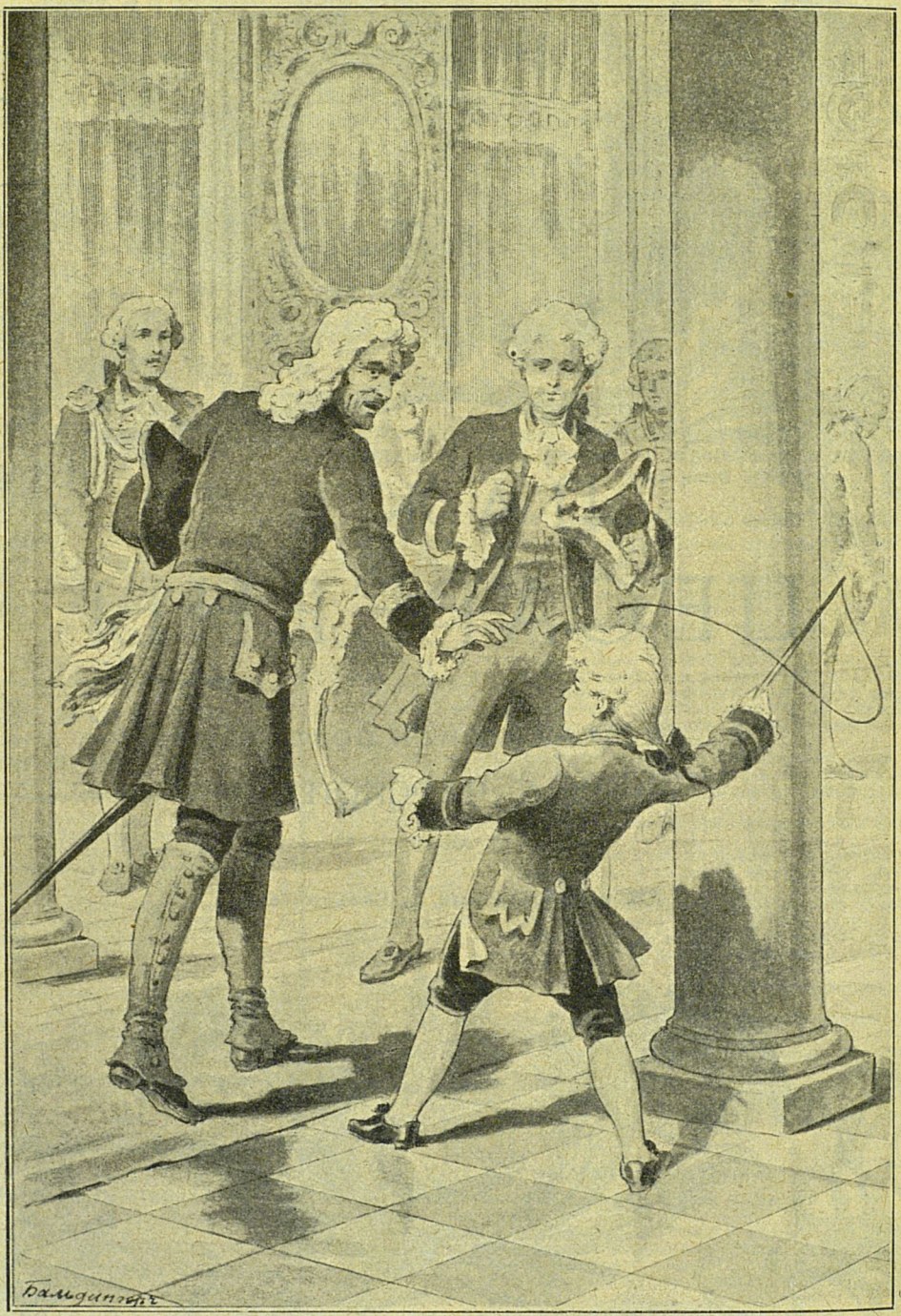
Тутъ Анна Іоанновна прервала свою рѣчь и, взглянувъ на приближающуюся сзади толпы придворныхъ фигуру, протянула руку. Толпа разступилась, давая дорогу цесаревнѣ Елизаветѣ, которая предстала передъ императрицею съ обычною легкою улыбкою вѣжливости на лицѣ, слегка помахивая вѣеромъ.

— Ваше высочество можете быть счастливы, имѣя такого пажа!—произнесла любезно государыня, легонько подтолкнувъ Андрюшу на встрѣчу цесаревнѣ, — болѣе вѣрнаго слугу нельзя найти, — прибавила она тише.

На лицѣ цесаревны появилась теперь уже широкая улыбка. Глаза лучисто засіяли юному пажу.

Елизавета Петровна, стоя въ отдаленіи, слышала все что говорилъ Андрюша, и теперь сердце ея рвалось навстрѣчу мальчику, который такъ и просіялъ отъ улыбки своей обожаемой благодѣтельницы.

Впрочемъ, не одна цесаревна слѣдила за своимъ молоденькимъ пажомъ. Двѣ пары черныхъ горящихъ глазъ впивались въ лицо Андрюши. Эти глаза принадлежали юной принцессѣ Курляндской, Гедвигѣ Бирономъ.



Къ главѣ VIII.

Онъ громко вскрикнулъ и дико заревѣлъ на всю залу...

ГЛАВА VI.

Ледяной домъ. — Соперники. — Гибель Волынскаго.

А дни все тянулись и тянулись безконечно длинной вереницей... Отпраздновавъ свадьбу Брауншвейгскаго принца, императрица удалилась въ Петергофъ, гдѣ рѣшила прожить до осени, въ надеждѣ поддержать на свѣжемъ воздухѣ, вдали отъ столицы, свое ухудшающееся здоровье. Съ ней удалился и весь дворъ. Но вотъ наступилъ и сентябрь, жуткій и дождливый. Деревья въ Лѣтнемъ саду пожелтѣли и одну за другой усѣевали широкія аллеи своимъ пышнымъ золотисто-багрянымъ ковромъ. Дворъ вернулся въ Петербургъ и снова заработала тайная канцелярія, снова прибавилось дѣла страшному генералу Ушакову.

Биронъ, видя, какъ падаютъ силы императрицы, дѣлался все злѣе и злѣе, какъ-бы предчувствуя скорый конецъ своему владычеству и точно упиваясь своею случайною властью.

Съ нѣкоторыхъ поръ подозрительный временщикъ сталъ замѣчать нѣкоторую холодность къ нему со стороны государыни.

Новая яркая звѣзда начинала разгораться на придворномъ небосклонѣ и если не грозила потушить блескъ звѣзды герцога, то, во всякомъ случаѣ, умѣрить, ослабить ея сіяніе.

Эта новая звѣзда былъ Артемій Петровичъ Волынскій.

Умный, ловкій, всегда веселый кабинетъ-министръ своимъ ровнымъ характеромъ сумѣлъ пріятно дѣйствовать на настроеніе часто болѣвшей теперь императрицы. Въ то время какъ герцогъ появлялся къ ней съ вѣчно нахмуреннымъ, недовольнымъ лицомъ, съ постоянными открытіями новыхъ и новыхъ заговоровъ, безпрестанно пугалъ императрицу всевозможными измѣнами, — Волынскій поступалъ иначе. Умѣстной шуткой, веселымъ словомъ, удачной остротою и полнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ чернымъ слухамъ, усиленно доводимымъ до императрицы ея курляндскимъ любимцемъ, онъ умѣлъ успокоить и развлечь Анну.

Вскорѣ Артемій Петровичъ занялъ близкое мѣсто у трона государыни и уже началъ работать противъ Бирона, котораго ненавидѣлъ всей своей чисто русскою душой. Не разъ онъ намекалъ императрицѣ про вредъ, наносимый ея любимцемъ Россіи. Не разъ намекалъ ей, что Биронъ ведетъ страну къ бѣдствіямъ. Не разъ вскользь упоминалъ о той ненависти, которую питаютъ лучшіе люди къ всесильному совѣтнику Анны. Услужливые люди донесли объ этомъ герцогу, и Биронъ поклялся погубить Волынскаго во что бы то ни стало.

Зима стояла студеная и жестокая въ 1740 г. Императрица чувствовала себя еще хуже этой зимою и почти не выѣзжала изъ своего дворца. Главное развлеченіе, которому она предавалась теперь, была стрѣльба изъ оконъ по загнанной на дворцовый дворъ дичи. Подъ страхомъ жесточайшаго наказанія запрещено было охотиться кому-либо на дичь на 30 верстъ разстоянія вокругъ Петербурга, для того, чтобы какъ можно болѣе доставить живой дичи во дворецъ для охоты государыни. Другое развлеченіе Анны Іоанновны было — слушать и смотрѣть всякаго рода выходки шутихъ. Со всего государства сгонялись дурки и «болтуньи», попросту жен-

щины, умѣвшія говорить всякій вздоръ безъ устали, для потѣхи императрицы. И дурки болтали безъ умолку, шуты и карлы кривлялись и неистовствовали, оглашая дворецъ своими криками и пѣснями. А за окнами дворца неистовствовалъ морозъ, неумолимый и трескучій въ этомъ году. И благодаря этому морозу, кому то изъ придворныхъ пришелъ въ голову новый способъ потѣшить государыню—устроить «ледяную потѣху».

Анна Іоанновна одобрила мысль и, съ радостью скучающей и больной женщины, отдалась ей. А потѣха состояла вотъ въ чемъ: женить придворнаго шута, князя Голицына, на карлицѣ, придворной калмычкѣ Буженинова и свадьбу ихъ отпраздновать въ нарочно для этого устроенномъ на Невѣ ледяномъ домѣ. И вотъ кабинетъ-министру Волынскому, какъ самому расторопному и способному на всякаго рода потѣшныя дѣла, была поручена постройка этого дома.

Сказано—сдѣлано. Словно въ сказкѣ, съ поражающей быстротой выросло посреди Невы, между Адмиралтейской крѣпостью и Зимнимъ дворцомъ, большое ледяное зданіе. Оно было все вылито изъ льда; даже мебель, утварь и мелкія вещи были художественно сдѣланы изъ него-же. У дверей дома стоялъ огромный ледяной слонъ, изрыгающій горящую нефть изъ пасти.

Изъ разныхъ концовъ Россіи было нарочно созвано на свадьбу до 150 паръ изъ народностей, подвластныхъ русскому престолу. Здѣсь были и цыгане, и остяки, и финны, и калмыки, и башкиры. Каждая пара должна была плясать свой національный танецъ въ ледяномъ дворцѣ для забавы государыни.

Въ день свадьбы новобрачныхъ и ихъ разноплеменныхъ гостей угощали во дворцѣ. Поэтъ того времени Тредьяковскій, писавшій оды ко всякому торжественному случаю, прочелъ свое вновь сочиненное стихотвореніе въ честь «молодыхъ». Потомъ новобрачныхъ со

всевозможной пышностью отвезли въ Ледяной домъ, гдѣ они чуть было совсѣмъ не замерзли, оставаясь тамъ до утра...

Анна Іоанновна осталась очень довольна «ледяной потѣхой» и благодарила Волынскаго за эту выдумку.

А черезъ три мѣсяца этотъ же самый Волынскій, оклеветанный Бирономъ, былъ преданъ суду за оскорбленіе «величества». Анна Іоанновна, душевно расположенная къ своему кабинетъ-министру, всячески хотѣла выпутать его. Но всѣ первые вельможи, составлявшіе судъ надъ Артеміемъ Петровичемъ, въ угоду Бирону въ одинъ голосъ приговорили его къ смертной казни. Послѣ мучительныхъ пытокъ, которыми Бирон хотѣлъ исторгнуть признаніе въ несуществующей винѣ у безсовѣстно оклеветаннаго кабинетъ-министръ, герцогъ понесъ для подписанія императрицы смертный приговоръ своему врагу. Анна Іоанновна долго колебалась, пока наконецъ, выведенный изъ себя ея нерѣшительностью, герцогъ вскричалъ:

— Вотъ другая бумага, ваше величество, — мой смертный приговоръ. Если вы дорожите этимъ измѣнникомъ болѣе чѣмъ мною, я готовъ идти на плаху и умереть вмѣсто него.

Анна Іоанновна тяжело вздохнула и дрожащей рукой подписала Волынскому смертный приговоръ. 27-го іюня прекрасная голова Артемія Петровича скатилась на плаху.

Бирон торжествовалъ.

ГЛАВА VII.

Таинственное предсказаніе.—Жизнь за жизнь.

— СМОТРИ, смотри, какой онъ маленькій, Юліана, совсѣмъ, совсѣмъ крошка!

И Анна Леопольдовна, супруга принца Брауншвейгскаго и русская великая княгиня, взглянула съ необычайной нѣжностью на крошечное личико лежавшаго около нея новорожденнаго малютку-мальчика, объявленнаго наслѣдникомъ русскаго престола—принца Іоанна Антоновича.

Какая-то печать старческой сосредоточенности лежала въ едва обрисованныхъ дѣтскихъ чертахъ малютки. Точно маленькій мозгъ ребенка уже работалъ надъ какою-то тяжелою думою.

— У него странное личико,—не могла не замѣтить Юліана, пристально разглядывая новорожденнаго сына своей подруги.

— Слушай, Юля, а какъ же наше рѣшеніе?—робко произнесла принцесса Анна.—Ты сказала о немъ кому слѣдуетъ?

Юліана молча кивнула головою.

— Арапъ говорилъ,—зашептала она, наклонившись надъ молодой матерью,—что приведетъ человѣка, который можетъ предсказать судьбу ребенка...

— Такъ зови-же его! Зови сюда, Юліана! А я найду возможность удалить отсюда всѣхъ.

И, говоря это, Анна Леопольдовна закрыла глаза,

давая знать присутствующимъ статсъ-дамамъ, что хочетъ уснуть, забыться.

Всѣ поспѣшно покинули комнату принцессы.

Вслѣдъ за всѣми проскользнула неслышной тѣнью и хорошенькая Юліана.

Комнаты были пусты въ этотъ полдневный часъ. Все, что было во дворцѣ, устремилось на большую его половину, въ аппартаменты государыни, поздравить Анну Іоанновну съ рожденіемъ ея внука.

За окнами дворца глухо раздавались восторженные крики. Это войска и народъ привѣтствовали появленіе на свѣтъ объявленнаго наслѣдника русскаго престола.

Юліана легкой походкой пробѣжала ряды опустѣлыхъ покоевъ и вошла въ зимній садъ, теперь пустынный. Вѣтвистыя пальмы съ ихъ широкими листьями, безконечныя вьющіяся нити дикаго плюща и безчисленныя клѣтки, наполненныя птицами, до которыхъ императрица была большая охотница—вотъ что представилось глазамъ молодой фрейлины. Но Юліана не обратила вниманія ни на птицъ, безъ умолку щебетавшихъ въ клѣткахъ, ни на бархатистые, въ видѣ растопыренныхъ пальцевъ, листья пальмъ. Она миновала фонтанъ съ его гремучей струею и, приблизившись къ гроту, заглянула въ него.

— Абасъ! Ты здѣсь?—тихо крикнула Юліана.

Высокая, черная фигура тотчасъ же появилась у входа искусственно выложенной изъ камня пещеры.

— Я здѣсь, баронесса,—отвѣчалъ, ясно произнося по-русски каждое слово, арапъ.

Этотъ арапъ былъ уже не первой молодости. Всѣ свои лучшіе годы провелъ онъ здѣсь, во дворцѣ, прилежно учась по-русски и старательно служа обитательницамъ императорскаго дворца. Никто не зналъ откуда онъ явился. Въ одинъ осенній, ненастный день, въ первые годы царствованія Анны Іоанновны, семь лѣтъ тому

назадъ онъ пришелъ во дворецъ, прося принять его на службу. Онъ говорилъ, что остался здѣсь по отъѣздѣ персидскаго посольства, у котораго считалъ невыгоднымъ для себя долѣе служить. Онъ былъ тихъ, скроменъ, незлобенъ и отличался рабской преданностью къ особамъ императорской фамиліи. Особенно привязался онъ къ принцессѣ Аннѣ и старательно служилъ Брауншвейгской семьѣ. Любилъ онъ проказницу Юліану и всячески старался оказывать ей маленькія услуги. И принцесса, и ея вѣрная подруга оказывали полное довѣріе своему черному слугѣ.

Наканунѣ Абасъ пришелъ поздравить Анну Леопольдовну съ рожденіемъ сына и, желая сдѣлать пріятное молодой матери, предложилъ принцессѣ доставить во дворецъ ученаго алхимика и астролога, который по линіямъ рукъ и тѣла новорожденнаго могъ-бы разсказать ожидавшую его судьбу. Мечтательницѣ Аннѣ понравилась эта мысль и она дала свое согласіе. Въ тотъ же вечеръ арапъ отправился въ поиски за предсказателемъ.

Сегодня Юліана поспѣшила узнать о результатѣ его затѣи.

— Ученый здѣсь!—произнесъ Абасъ въ отвѣтъ на вопрошающій, устремленный на него съ любопытствомъ взглядъ, — и, если госпожа баронесса позволитъ, я отведу его немедленно въ аппартаменты ея высочества...

«Госпожа баронесса» разумѣется позволила.

Въ ту-же минуту Абасъ кивнулъ головою и изъ глубины грота вышелъ сѣдой старикъ въ старомъ потертомъ плащѣ, съ сѣдыми кудрями, небрежно разбросанными по плечамъ.

Юліана дала знакъ головою и помчалась обратно по огромнымъ пустымъ комнатамъ. Старикъ-ученый и арапъ едва успѣвали за нею.

— Онъ здѣсь, Анна, я привела его!—произнесла

молодая дѣвушка звонкимъ шопотомъ, быстро распахивая дверь въ спальню принцессы.

Анна Леопольдовна подняла голову съ подушки.

— Подойдите сюда, достойный старецъ,—произнесла она, посылая привѣтствіе рукой старику,—предначертайте моему сыну его будущую судьбу!

— Предначертывать судьбу можетъ только одинъ Богъ, принцесса!—медленно произнесъ ученый,—я могу лишь, благодаря долгимъ усиліямъ науки, прочесть то, что опредѣлено ею этому новорожденному младенцу. Разрѣшите приступить, принцесса?

Анна Леопольдовна кивнула головою. Юліана быстро развернула пеленки и передъ лицомъ стараго ученаго показалось худенькое, сморщенное тѣльце малютки-наслѣдника.

Старикъ склонился надъ нимъ, осторожно взялъ своей сильной рукою крошечную ручку новорожденнаго и долго-долго смотрѣлъ на маленькую ладонь, напрягая все свое зрѣніе, точно стараясь разобрать, что написано въ едва видныхъ складкахъ и линіяхъ крошечной ручки. Синія жилы вспухли и надулись на старомъ лицѣ ученаго. Спустя нѣсколько минутъ, старикъ вытянулся во весь свой ростъ, точно выросъ, помолодѣлъ... Глаза его вспыхнули юношескимъ огнемъ.

— Корона великой россійской Имперіи въ недалекомъ уже будущемъ ждетъ этого царственнаго младенца...—произнесъ онъ разомъ окрѣпшимъ, властнымъ, пророческимъ голосомъ,—да, корона... Я вижу толпы народа, склоняющагося передъ нимъ, малюткою, ему присягаютъ... онъ императоръ... а потомъ... потомъ... дорога... долгая... безконечная... затѣмъ крохотная келья... и снова близко корона... снова императорскій престолъ впереди... но... но...

Старикъ разомъ смолкъ. Лицо его поблѣднѣло.

Послѣднія слова онъ прошепталъ чуть слышно.

— Корона великой россійской Имперіи...—словно въ чаду проговорила принцесса Анна,—корона на головѣ моего Іоаннушки!.. Мой Іоаннушка императоръ! Мой Іоаннушка дастъ величіе своей матери!.. Онъ днями могущества заставитъ ее забыть дни униженія и скорби, несчастный бракъ и выходки Бирона... О, Юліана, какъ хорошо все это!.. Какъ чудно хорошо!

Принцесса не слышала конца пророчества старика. Слова «корона» и «императоръ» захватили ее, подняли въ ней прежнія силы... Дней печальнаго супружества, въ которые она была несчастна, благодаря своему робкому, трусливому мужу, боявшемуся всего и всѣхъ, какъ ни бывало. Ея мысль стремилась только къ одному: Іоаннушка будетъ императоромъ и дастъ ей спокойствіе и счастье!.. И она быстро наклонилась къ крошечному тѣльцу будущаго государя... Въ ея сердцѣ, кромѣ глубокаго чувства материнской привязанности, наростало еще новое, могучее чувство благодарности къ нему, благоговѣнія предъ нимъ. Она уже видѣла его на тронѣ красавцемъ-юношей съ короной на кудряхъ... На его плечахъ царская мантія... Скипетръ и держава въ сильныхъ, молодыхъ рукахъ... И она—его мать, она, государыня, она окружена нѣжнѣйшими заботами молодого государя...

— О, Іоаннушка! Сынъ мой! радость моя!—прошептала принцесса, опьяненная счастьемъ, и нѣжно прижала къ груди ребенка, въ то время какъ старикъ-ученый тихо, съ сосредоточеннымъ взглядомъ направился къ двери.

— Корона великой россійской Имперіи... узкая келья... снова близость трона и... Чего-то еще не договорилъ старикъ?

И арапъ Абасъ, молча послѣдовавшій было за старикомъ-алхимикомъ, вышедшимъ изъ комнаты слѣдомъ за Юліаной, вдругъ остановился посреди комнаты.

— Тѣсная келья и что-то еще худшее, очевидно, ждетъ этого царственнаго крошку! — пронеслось вихремъ въ мысляхъ чернаго человѣка,—но, что-бы ни было, онъ будетъ охранять покой этого ребенка, онъ отплотитъ добромъ за все добро этой милой молодой принцессѣ... Недаромъ судьба толкнула его на ихъ путь...

— Я заплачу жизнью за покой крошки-императора и его матери, если понадобится это! — вырвалось горячо изъ груди чернаго человѣка, — я отдамъ всю жизнь мою на служеніе имъ обоимъ!

Принцесса точно очнулась... и вздрогнула, пораженная этимъ возгласомъ... Но арапъ уже исчезъ.

И кромѣ ея самой и будущаго императора-крошки никого не было въ комнатѣ.

ГЛАВА VIII.

Дерзкая выходка.—Заступница.—Горбатенькая дѣвочка узнаетъ ужасную новость.

ГОСПОЖА герцогиня Бенигна-Готлибъ Бирон, урожденная фонъ Тротта-Трейденъ, важно возсѣдала въ проходной гостиной, вперивъ лишенные всякаго выраженія глаза на дверь кабинета ея мужа.

Некрасивое, болѣзненное, изрытое оспой лицо герцогини было старательно набѣлено и нарумянено по обычаю того времени. Насурмленныя брови какъ-то нелѣпо выдѣлялись двумя черными червяками надъ безцвѣтными ея глазами. Вся фигура герцогини изображала одно высокомѣрное величіе, величіе безъ конца. Фрейлины герцогини въ почтительномъ молчаніи стояли за ея кресломъ. По залу бѣгалъ хорошенькій, бѣлокурый принцъ Карлъ, младшій сынъ герцогини. Принцесса Гедвига стояла у окна и сосредоточенно смотрѣла, какъ кружился по вѣтру пожелтѣвшій сентябрьскій листъ.

Герцогиня Бенигна-Готлибъ не даромъ сидѣла въ этомъ залѣ, находящемся по сосѣдству съ кабинетомъ. Каждый, проходящій въ кабинетъ сановникъ, останавливался передъ кресломъ герцогини и воздавалъ ей чуть-ли не царскія почести.

Сейчасъ у ея мужа, она это знала, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ. Онъ чаще чѣмъ кто-либо теперь бываетъ принятъ герцогомъ; очевидно, Бирон благоволитъ къ нему. Но почему? Еще такъ недавно отецъ его, Петръ

Бестужевъ, бывшій гофмейстеръ Анны Іоанновны въ бытность ея въ Курляндіи, былъ нетерпимъ принцемъ, а теперь его сынъ пользуется его полнымъ довѣріемъ. Это ли не странно? Но чтобы ни было, если это дѣлается, такъ, значитъ, это надо, чтобы такъ дѣлалось. Іоганнъ Бирономъ, котораго герцогиня считала умнѣе всѣхъ въ мірѣ, ничего не дѣлаетъ зря...

И Бенигна-Готлибъ почти съ раболѣпнымъ ужасомъ взглянула на дверь кабинета, за которой находился ея умный супругъ.

Она благоговѣла передъ нимъ, сумѣвшимъ ее, простую курляндскую дѣвушку-дворянку, сдѣлать герцогинею Курляндскою и первою статсъ-дамой русской государыни! Самые знатные сановники и вельможи считали за честь приложиться теперь къ ея рукѣ, ловили каждый ея взглядъ, каждое слово. И при одномъ воспоминаніи объ этомъ Курляндская герцогиня гордо выпрямлялась, ея напыщенное, надутое лицо принимало все болѣе и болѣе важное выраженіе. Она казалась нелѣпой и смѣшной въ своемъ глупомъ высокомѣріи и походила на распустившаго перья индѣйскаго пѣтуха.

Между тѣмъ залъ наполнялся все новыми и новыми лицами, желавшими видѣть герцога и засвидѣтельствовать свое почтеніе герцогинѣ.

Принцъ Карлъ перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, безцеремонно размахивая своимъ хлыстомъ, дергая за камзолы вельможъ и дерзко заглядывая въ лица всѣмъ этимъ важнымъ господамъ, а тѣ почтительно улыбались избалованному мальчишкѣ.

Снуя между разодѣтыми, какъ на парадъ, сановниками, толпившимися вокругъ кресла его матери, принцъ Карлъ увидѣлъ стараго, сгорбленнаго генерала, единственнаго изъ всѣхъ посѣтителей, неодобрительно поглядывавшаго на слишкомъ буйно разыгравшагося мальчика. Въ ту минуту, какъ Карлъ, какъ бы нечаянно, изо всѣхъ силъ

хлестнулъ своимъ хлыстикомъ по ногамъ проходившаго мимо него вельможу, сгорбленный старикъ выпрямился. Въ лицѣ его вспыхнуло негодованіе. Онъ вызывающе вскинулъ глазами на девятилѣтняго принца. Карлъ поймалъ этотъ взглядъ.

«Ага, зашипѣла русская лисица!»—мысленно произнесъ мальчикъ и понесся во всю прыть мимо старика, размахивая хлыстикомъ передъ самымъ его лицомъ.

— Вы забылись, ваша свѣтлость!—произнесъ старый вельможа негодующимъ голосомъ.

Карлъ уже собирался отвѣтить дерзостью, поднялъ голову, вызывающе взглянулъ на старика и—разомъ осѣкся. Передъ нимъ было грозное, багровое, налившееся кровью лицо, перекошенное отъ гнѣва. Сверкающіе глаза съ бѣшенствомъ вонзились въ глаза мальчика-принца. Костлявые старческіе пальцы впились въ плечо шалуна.

Дерзкій и отважный со слабыми, Карлъ, какъ и отецъ его, оказывался жалкимъ трусомъ передъ тѣми, кто были сильнѣе его. И при видѣ дышащаго гнѣвомъ лица онъ громко вскрикнулъ и дико заревѣлъ на весь залъ.

— Что случилось? Что съ вами?—такъ и кинулись къ нему толпившіеся въ залѣ дамы, сановники, лакеи; подбѣжала даже сама застывшая въ своемъ величіи герцогиня. Въ то же время дверь кабинета распахнулась и, въ сопровожденіи Алексѣя Бестужева и князя Черкасскаго, въ залъ стремительно вошелъ Бирономъ и пронзительнымъ взоромъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ.

Всѣ головы низко склонились передъ нимъ. Только оскорбленный вельможа и плачущій Карлъ не замѣтили появленія герцога. Каждый изъ нихъ переживалъ бурю въ душѣ въ этотъ мигъ.

— Что такое? Почему ты плачешь, Карлъ?—началъ герцогъ вопросомъ.

— О, папахенъ! — съ новымъ потокомъ слезъ могъ только выговорить мальчикъ.

— Ваша свѣтлость, успокойтесь, — послышался не совсѣмъ твердый голосъ стараго вельможи. — Вашъ сынъ плачетъ потому, что я — русскій генералъ-аншефъ и одинъ изъ помощниковъ покойнаго императора Петра I — не позволилъ оскорблять себя Курляндскому принцу.

Послѣднія слова князь Барятинскій (имя стараго вельможи) произнесъ съ гордымъ достоинствомъ, отвѣчающимъ его званію.

Бирономъ вспыхнулъ. Онъ почуялъ ноту презрѣнія въ словахъ старика. Обида закипѣла въ сердцѣ надменнаго временщика.

«Эта русская каналья, очевидно, желаетъ оскорбить моего сына», — подумалъ герцогъ, но, сдерживая свой гнѣвъ, обратился къ мальчику съ мнимымъ спокойствіемъ:

— Правда-ли это, Карлъ?

— Генералъ Барятинскій не будетъ лгать тебѣ, папахенъ. Карлъ грубый и дерзкій мальчишка, — послышался нѣжный голосокъ позади герцога.

Бирономъ живо обернулся. Передъ нимъ стояла Гедвига.

Взбѣшенный жалобою на сына одного изъ ненавистныхъ русскихъ, которыхъ онъ такъ презиралъ въ душѣ, Бирономъ теперь, при неожиданномъ вмѣшательствѣ дочери, пришелъ окончательно въ неистовство. Онъ готовъ былъ поднять руку и ударить при всѣхъ смѣло поднятую къ нему черную головку. Онъ никогда не любилъ дочери, теперь же онъ просто ненавидѣлъ ее. Но онъ не могъ выбранить, наказать ее тутъ же при всѣхъ. И, едва сдерживая бѣшенство, онъ прошипѣлъ ей чуть слышно, по-нѣмецки:

— Молчи, гадкая горбунья! — и тотчасъ-же, обернувшись къ Барятинскому, произнесъ съ плохо скрытою злобой: — если вы недовольны чѣмъ-либо, князь, можете

подать жалобу... Никто васъ не держитъ!—и, круто повернувшись къ нему спиной, исчезъ за дверью кабинета.

Гедвига съ глазами, полными слезъ, бросилась вонъ изъ залы.

Стыдъ, гнѣвъ, злоба душили ее.

— Гадкая горбунья! Гадкая горбунья! Гадкая горбунья!—шептали ея дрожащія губы,—но развѣ она виновата въ этомъ? И за что, за что ей постоянно это твердятъ отецъ и братья? За что оскорбляютъ ее? Правда, отцу было-бы пріятнѣе, если-бы она, Гедя, родилась красавицей. Ее бы выдали тогда за какого-нибудь владѣтельнаго принца, отецъ могъ-бы породниться съ царствующимъ дворомъ... и тогда какъ-бы осыпали ласками ее, Гедвигу!.. А теперь? Кому нужна такая уродка? Государыня, правда, милостива къ ней, но императрица болѣетъ все это время и отецъ не позволяетъ имъ, дѣтямъ, часто ходить на царскую половину Лѣтняго дворца... Она, Гедя, одна, одна на свѣтѣ... Всѣ гонятъ, ненавидятъ ее... И если ею восторгаются на придворныхъ балахъ, то потому только, что она дочь Бирона. Одна ложь, лесть, притворство кругомъ... Тотъ чернокудрый красавецъ-мальчикъ сказалъ ей правду тогда... Гдѣ онъ теперь, этотъ чернокудрый мальчикъ? Она часто, часто думаетъ о немъ... Онъ такъ и стоитъ передъ нею, смѣлый, честный, отважный! Какъ онъ безстрашно отказался тогда при всѣхъ отъ чести быть пажомъ ея величества! Никто другой не сдѣлалъ-бы этого... Кому не захотѣлось бы чиновъ, почестей, славы? А онъ всѣмъ этимъ пренебрегъ изъ любви къ цесаревнѣ! Милый, смѣлый, отважный мальчикъ! И какъ онъ тепло и задушевно говорилъ тогда съ нею на свадебномъ балу принцессы Анны. «Вы некрасивы, но умны и, должно быть, очень добры», сказалъ онъ ей тогда. И эти слова не были лестью. Она почувствовала это. Да, она добра!

Она хочетъ быть доброй. Только люди дѣлаютъ ее такою злючкой. Вѣдь сегодня же заступилась она за князя Барятинскаго, не побоялась гнѣва отца, и за это ее оскорбили снова, оскорбили публично!

И при одномъ воспоминаніи о публичномъ оскорбленіи бѣдняжка Гедвига залилась новыми слезами.

Ей казалось, что за нею все еще раздаются злые, торжествующіе возгласы отца, матери, братьевъ: «По дѣломъ тебѣ, по дѣломъ, не суйся, гадкая уродка!»

И она бѣжитъ отъ нихъ все скорѣе и скорѣе... Вотъ она миновала рядъ роскошныхъ комнатъ Бироновской половины. Вотъ и широкія заднія сѣни, вотъ и лѣстница наверхъ. Гедвига знаетъ эту лѣстницу; она ведетъ въ башню, изъ которой она съ братьями не разъ любовалась иллюминаціей Петербурга въ торжественные царскіе дни. Изъ окна башенки виденъ, какъ на ладони, весь Зимній дворецъ. Но теперь онъ пустыненъ. Никто не живетъ въ немъ. Государыня помѣстилась на зиму и лѣто въ Лѣтнемъ дворцѣ, чтобы не разлучаться съ герцогскою семьею. Черныя окна закинутаго огромнаго зданія дворца зловѣще смотрятъ на проходящихъ своими мглистыми очами. Гедвига съ нѣкоторыхъ поръ любитъ забираться сюда вечеромъ одна и смотрѣть и на черныя окна, и на обнаженныя отъ листвы деревья Лѣтняго сада, и мечтать здѣсь о томъ смѣломъ чернокудромъ мальчикѣ, который поразилъ ее своей отвагой на придворномъ балу. И сейчасъ, усѣвшись въ крошечной комнаткѣ-башенкѣ, горбатенькая Гедя задумалась о немъ. О! какъ ей бы хотѣлось быть такой же смѣлой и отважной, чтобы этотъ чернокудрый мальчикъ могъ сказать ей: «Ты благородна и прекрасна душой! Да! ты прекрасна, несмотря на твой горбъ, ни на длинное блѣдное лицо и на уродливую походку». И Гедвигѣ кажется, что она уже совершила какой-нибудь подвигъ благородства и безстрашія, отъ котораго пришелъ въ

Къ главѣ XII.

Раздался выстрѣлъ...

восторгъ этотъ чернокудрый мальчикъ. И теперь, при одной мысли объ этомъ, гордо выпрямляется маленькая горбатая фигурка. Черная головка съ достоинствомъ поднимается на безобразно-узкихъ плечахъ. Гедвига устремляетъ глаза вдаль, черезъ окно башни, и тихій крикъ неожиданно срывается съ ея устъ.

Обычно темныя окна верхняго этажа Зимняго дворца, тамъ, гдѣ находился тронный залъ, были ярко освѣщены. Давно уже необитаемый, пустынный дворецъ казался точно ожившимъ. Странный, таинственный и такой необычайный въ это позднее ночное время свѣтъ перебѣгалъ отъ окна къ окну, какъ разъ изъ того зала, который открывался только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, когда императрица принимала иностранныхъ пословъ. Окна казались какъ будто залитыми свѣтомъ, между тѣмъ какъ все зданіе и вся площадь передъ нимъ терялись въ темнотѣ.

Нѣсколько минутъ Гедвига смотрѣла въ оцѣпенѣніи на непонятное зрѣлище. Потомъ, объятая ужасомъ, кинулась въ аппартаменты императрицы.

Въ эту минуту часы на башнѣ глухо пробили полночь.

ГЛАВА IX.

Двѣ императрицы.—Паника.

ГОСУДАРЫНЯ, проснитесь!.. Свѣтъ въ Зимнемъ дворцѣ. Ваше величество... какіе-то дерзкіе люди забрались въ тронный залъ!..

Гедвига не могла докончить. Ея зубы стучали, мысли путались...

Минуты двѣ тому назадъ она ворвалась сюда вихремъ, промчавшись мимо изумленныхъ статсъ-дамъ, дежурившихъ эту ночь подлѣ спальни государыни, и направилась прямо къ постели Анны Іоанновны. Статсъ-дамы и фрейлины, привыкшія къ тому, что императрица часто звала къ себѣ дочь Бирона и разрѣшала ей приходить во всякое время, безъ всякихъ затрудненій, не рѣшились остановить мчавшуюся дѣвочку, тѣмъ болѣе, что это была дочь Бирона.

Гедвига, между тѣмъ, забывъ всякій этикетъ, безцеремонно будила, тряся за руку, только что уснувшую немощную императрицу.

— Проснитесь, государыня, проснитесь!—лепетала дѣвочка, въ то время какъ испуганныя фрейлины, не зная, остановить ли дерзкую дѣвочку или нѣтъ, толпились у дверей.

Императрица открыла глаза.

— Что тебѣ, дитя, и зачѣмъ ты тревожишь меня въ этотъ поздній часъ?—спросила она.

Сбивчивымъ, взволнованнымъ голосомъ Гедвига разсказала въ чемъ дѣло.

Анна Іоанновна слушала ее молча. Равнодушная ко всему, что творилось вокругъ нея, она въ первую минуту не придала никакого значенія словамъ дѣвочки. Но постепенно какой-то страхъ обуялъ ее. Откуда въ самомъ дѣлѣ глухою ночью могъ взяться свѣтъ въ тронномъ залѣ? Не заговорщики-ли собрались тамъ и совѣщаются какимъ путемъ лишить ее престола?.. Нѣтъ! Нѣтъ! Это не можетъ быть!.. Заговорщикамъ не пробраться въ Зимній дворецъ, который находится подъ строгимъ наблюденіемъ вѣрныхъ ея слугъ... Нѣтъ, что-нибудь другое... Но что?... И какъ это узнать? Какія принять мѣры?.. Она, Анна, такъ привыкла, чтобы за нее рѣшалъ всѣ дѣла и вопросы Бирономъ, что не могла ничего придумать... Развѣ велѣть разбудить герцога?... Нѣтъ! достаточно будетъ распорядиться, чтобы не выпускали оттуда никого до утра, а утромъ самъ Биронъ все разберетъ...

— Отрядить караулъ гвардейцевъ въ Зимній дворецъ и приказать, чтобы никого оттуда не выпускали до моего приказанія... — коротко произнесла Анна Іоанновна.

— Какъ!? — вся встрепенувшись вскричала Гедвига, — вы, государыня, не пожелаете сами убѣдиться, кто дерзкіе люди, забравшіеся въ тронный залъ? Въ залъ, куда никто не смѣетъ вступить безъ вашего разрѣшенія! Вы не убѣдитесь лично кто тамъ и что они тамъ замышляютъ?!

— Малютка права, — произнесла послѣ недолгаго раздумья императрица, — я должна знать кто участники этой злой шутки и наказать виновныхъ. Пока ни слова герцогу и дежурной свитѣ. Прикажите заложить сани и велите караулу слѣдовать за мной. Я сама поѣду во дворецъ узнать въ чемъ дѣло, — заключила повелительнымъ тономъ государыня.

Съ быстротою молніи дежурныя фрейлины кинулись исполнять приказаніе ея величества. Черезъ четверть часа сани уже стояли у подъѣзда дворца. Караульные гвардейцы, во главѣ съ офицеромъ, выстроились въ стройномъ порядкѣ.

На половинѣ герцога въ это время всѣ спали мирнымъ сномъ и не подозрѣвали, что предпринимаетъ въ эту ночь императрица.

Когда окруженная статсъ-дамами Анна Іоанновна сѣла въ большія сани, съ трехъ сторонъ оцѣпленныя караульными, къ ней поспѣшно подбѣжала закутанная въ платокъ Гедвига.

— Возьмите и меня съ собою, государыня! — прошептала она, — я хочу съ вами быть тамъ, — прибавила она, мотнувъ головкой по направленію Зимняго дворца, свѣтящагося своими окнами, — я хочу быть подлѣ васъ, государыня. Возьми меня, танте Анхенъ, возьми! Я хочу раздѣлить всѣ тревоги съ тобою. Я такъ люблю тебя!

И, поймавъ въ темнотѣ руку императрицы, она прижала ее къ своимъ губамъ.

Анна Іоанновна какъ будто колебалась исполнить-ли желаніе дѣвочки или нѣтъ, а затѣмъ сказала:

— Будь по твоему, дитя, садись со мною!.. Дайте ей мѣсто въ саняхъ! — приказала она окружающей свитѣ.

Маленькая горбатая фигурка проворно юркнула впередъ и заняла мѣсто между потѣснившимися фрейлинами.

Сани тронулись. Караульные солдаты-гвардейцы почти бѣгомъ со своимъ офицеромъ побѣжали за ними.

Шибко бились сердца у Анны Іоанновны и окружающихъ ее, когда, миновавъ рядъ пустынныхъ, словно вымершихъ въ эту полночную пору, улицъ, они остановились у подъѣзда Зимняго дворца.

Караульный у воротъ съ недоумѣніемъ, почти со страхомъ взглянулъ на подъѣзжающія сани, но, узнавъ государыню, отдалъ ей воинскую честь и по первому же

слову открылъ ворота, входныя двери и хотѣлъ уже побѣжать будить придворную прислугу, но Анна Іоанновна повелительнымъ жестомъ дала ему понять, что никого звать не надо.

Всѣ окна дворца были темны, одинъ только тронный залъ поражалъ своимъ яркимъ освѣщеніемъ.

Тихо, безшумно двигалась по темнымъ сѣнямъ и громаднымъ хоромамъ императрица, крѣпко держа руку своей любимицы Геди. Въ этой маленькой ручонкѣ преданной горбуньи государыня какъ-бы искала себѣ поддержку въ охватившемъ ее волненіи. За нею слѣдовали на смерть испуганныя фрейлины. Караульная команда шла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ. Длинными, огромными, темными горницами, освѣщенными теперь лишь свѣтомъ ручного фонарика, находящагося въ рукахъ караульнаго офицера, молчаливое шествіе подошло къ дверямъ троннаго зала. Изъ дверной щели его вырывалась яркая свѣтовая полоса. Полная тишина царствовала въ залѣ. Никакого голоса не раздавалось тамъ. Всѣ присутствующіе замерли и въ трепетѣ ждали рокового момента...

Государыня первая протянула руку къ дверной скобкѣ. Легкое усиліе... и дверь широко распахнулась. Анна Іоанновна и ея свита переступили порогъ и замерли на мѣстѣ, охваченныя ужасомъ.

Посреди огромнаго бѣлаго зала возвышался тронъ. На тронѣ, въ роскошной горностаевой мантіи, съ Андреевской лентой черезъ плечо, въ золотой коронѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями, со скипетромъ и державой въ рукахъ, сидѣла большого роста, смуглая и рябая женщина съ мрачно горѣвшимъ зловѣщимъ взглядомъ. Ея голова медленно повернулась въ сторону вошедшей въ залъ небольшой группы людей и горящій взоръ остановился прямо на лицѣ императрицы и впился ей въ сонные глаза...

Испуганный крикъ вырвался изъ груди всѣхъ присутствующихъ. Всѣ глаза обратились къ сидѣвшей на тронѣ женщинѣ. Ужасъ сковалъ всѣхъ, мучительный ужасъ, заставившій леденѣть сердца и волосы подниматься дыбомъ...

И не безъ причины.

Въ тронномъ залѣ въ эту минуту были двѣ государыни, двѣ императрицы, двѣ Анны Іоанновны: одна блѣдная, испуганная на смерть, стоявшая на порогѣ дверей, другая—величественная, строгая и грозная, сидѣвшая на тронѣ и освѣщенная невидимымъ свѣтомъ со всѣхъ сторонъ...

Минуту, другую длилось молчаніе, пока, наконецъ, чуть слышно раздался дрожащій дѣтскій голосъ:

— Государыня... танте Анхенъ... ради Бога вели прогнать ее... Вели прогнать эту чужую женщину, осмѣлившуюся сѣсть на твое мѣсто. Вели прогнать, государыня! Скорѣй! скорѣй!..

Это говорила Гедвига Бирономъ.

Дѣтскій голосъ разомъ нарушилъ оцѣпенѣніе ужаса. Онъ какъ-бы вернулъ бодрость остальнымъ. Сама императрица встрепенулась, провела рукой по глазамъ, какъ-бы отгоняя этимъ ужасное видѣніе.

— Ребенокъ правъ,—произнесла она вслѣдъ за этимъ твердымъ голосомъ,—чего вы испугались?.. Мои вѣрные гвардейцы! Проучите дерзкую, вздумавшую изобразить меня... Ей не должно быть пощады!... Ваша государыня велитъ вамъ стрѣлять!..

Едва только успѣла императрица вымолвить послѣднія слова, какъ солдаты уже навели ружья, прицѣливаясь, и оглушительный залпъ потрясъ бѣлыя стѣны троннаго зала.

Клубы дыма наполнили огромную комнату. Нѣсколько минутъ ничего нельзя было въ ней разобрать. Но когда дымъ разсѣялся, взоры всѣхъ присутствующихъ, какъ

по командѣ, снова обратились къ трону. И новый крикъ ужаса потрясъ своды зала... Женщина, сидѣвшая на тронѣ, осталась невредимой... Нѣсколько десятковъ пущенныхъ въ нее пуль не сразили ея... Она медленно поднялась со своего мѣста и, вся исполненная величія, стала тихо спускаться по обитымъ сукномъ троннымъ ступенямъ... Вотъ ея полная фигура двигается, словно плыветъ, прямо къ дверямъ навстрѣчу оцѣпенѣвшимъ отъ ужаса присутствующимъ... Вотъ она уже близко, близко, въ двухъ шагахъ отъ самой императрицы.

Двѣ женщины, какъ двѣ капли воды похожія другъ на друга, двѣ императрицы Анны стоятъ одна противъ другой, одна потрясенная, другая—олицетворенная кара и гнѣвъ...

Послѣдняя медленно поднимаетъ руку и большимъ бѣлымъ прозрачнымъ пальцемъ, какой можно только видѣть у мертвеца, строго грозитъ государынѣ... Потомъ медленно и тихо, въ томъ же безмолвномъ величіи, проходитъ мимо ошеломленной, помертвѣвшей отъ ужаса свиты и скрывается за дверью...

. . . . . .

Грозный призракъ исчезъ. Исчезъ и таинственный свѣтъ вмѣстѣ со страшной женщиной. Темнота воцарилась въ залѣ. И среди непроглядной тьмы испуганный голосъ Гедвиги громко вскричалъ:

— Государынѣ дурно! Государыня падаетъ! Сюда, ко мнѣ, скорѣе!..

Въ ту-же минуту императрица Анна Іоанновна тяжело грохнулась, безъ чувствъ, на полъ.

ГЛАВА X.

Коршунъ и лисица.—Императрица преставилась.—Герцогъ-регентъ.

ПРОСТИТЕ, графъ, что я врываюсь къ вамъ такъ внезапно, но положеніе дѣлъ требуетъ вашего мудраго вмѣшательства... Вы знаете, ваше сіятельство, что государыня очень плоха, что врачи потеряли надежду сохранить ея жизнь... Россія наканунѣ страшнаго удара... Назначенный императрицею государь-наслѣдникъ, принцъ Іоаннъ Антоновичъ, еще младенецъ... Невольно возникаетъ вопросъ о томъ, что до его совершеннолѣтія надо передать власть въ твердыя руки. Надо подумать о регентствѣ...

И закончивъ свою взволнованную, сбивчивую рѣчь, герцогъ Бирон впился глазами въ своего собесѣдника, сидѣвшаго или, вѣрнѣе, лежавшаго въ огромномъ креслѣ, съ ногами, вытянутыми на приставленномъ къ нему табуретѣ, укутанными платками и обложенными подушками.

Это былъ вице-канцлеръ графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Графъ былъ боленъ и всячески старался показать это. Онъ то охалъ и стоналъ, то нервно потиралъ себѣ ноги, то въ невозможныхъ гримасахъ дергалъ свое сѣрое, рыхлое, обрюзгшее лицо, то поправлялъ зеленый зонтикъ, закрывавшій его глаза, не выносившіе будто-бы свѣта.

— Подагра... проклятая подагра одолѣла... Вы не повѣрите, ваша свѣтлость, какъ она даетъ себя чувствовать въ эти осенніе дни...

«Ладно, подагра! Знаю я эту подагру, хитрая лисица!—мысленно выругался Бирон, —у тебя всегда подагра, когда приходится принимать какое-либо отвѣтственное рѣшеніе. Ну, да меня не проведешь, я тебя раскусилъ вполнѣ, лукавый воронъ!»

И герцогъ почти съ ненавистью глянулъ на коверкавшееся передъ нимъ, обрюзгшее лицо вице-канцлера.

«Нѣтъ, я вижу, мой милѣйшій, съ тобою надо дѣйствовать рѣшительно!»—произнесъ онъ мысленно и, помолчавъ минуту, спросилъ громко:

— Ея величество, государыня императрица не сегодня—завтра преставится. Что мы будемъ дѣлать?

— Дай, Господи, долголѣтіе ея величеству!—набожно скрестивъ на груди руки, произнесъ баронъ,—молю Бога денно и нощно о здравіи моей благодѣтельницы.

— Но она на порогѣ вѣчности!—чуть не закричалъ герцогъ, потерявъ всякое терпѣніе,—войска уже, какъ вы сами знаете, приводятся къ присягѣ новому императору.

— Дай, Господи, долголѣтіе его величеству государю Іоанну Антоновичу!—снова возвелъ очи горѣ подъ своимъ зеленымъ зонтикомъ Остерманъ.

— Но государь-то въ пеленкахъ... Онъ грудной младенецъ... Нужно поэтому выбрать регента, чтобы управлять Россіей... Кого же слѣдуетъ выбирать?

И Бирон почти преклонялъ голову къ колѣнямъ, чтобы умудриться заглянуть подъ зеленый зонтикъ, за которымъ Остерманъ скрывалъ свои лукавые глаза. Но подъ зеленымъ зонтикомъ ничего не было видно. Зеленый зонтикъ бросалъ длинную тѣнь на лицо и разобрать выраженіе этого лица не было никакой возможности.

Тогда, едва сдерживая свое нетерпѣніе, герцогъ спросилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Кого же мы выберемъ въ регенты, ваше сіятельство?—и, тяжело переводя духъ, ждалъ отвѣта.

Тутъ Остерманъ снова неожиданно заохалъ, застоналъ и схватился за ногу:

— Охъ, охъ! Эта боль... Врагу не пожелаю... убиваетъ она меня окончательно, ваша свѣтлость, не даетъ возможности дышать, не говоря уже о службѣ ея величеству. Приходится совсѣмъ оставлять службу... Да ужъ и не у дѣлъ я, впрочемъ, все послѣднее время, ваша свѣтлость. Охъ, охъ! Умирать пора!

— Кого мы выберемъ въ регенты?—вторично произнесъ герцогъ, пропустивъ мимо ушей жалобы и стоны Остермана.

Тутъ хитрый Остерманъ понялъ, что ему не отвертѣться, что онъ прижатъ къ стѣнѣ. Зеленый зонтикъ чуть-чуть приподнялся надъ его морщинистымъ лбомъ. Лукавые глаза блеснули.

— Кому-же, какъ не матери государя, поручить регентство? Вѣдь она ближе всѣхъ стоитъ къ престолу. Ея высочеству принцессѣ Брауншвейгской подобаетъ быть правительницей.

И графъ Остерманъ впился своими змѣиными глазками въ лицо Бирона.

Герцогъ вспыхнулъ. Его кулаки сжались.

«Опять эти Брауншвейгскіе! Опять въ ихъ лицѣ преграда моему величію и власти!»—мысленно признесъ онъ и сейчасъ же добавилъ уже вслухъ, громко:

— Это невозможно, графъ. Принцесса-мать еще слишкомъ молода, чтобы принять на себя правленіе. Она не подготовлена для такой великой роли... Ей не подъ силу будетъ это, въ особенности теперь, когда государство, больше чѣмъ когда-либо, нуждается въ зрѣломъ и твердомъ правителѣ... Не можете-ли вы,

графъ, указать на такого именно твердаго, энергичнаго регента?

И снова глаза Бирона впились въ безстрастное, болѣзненное лицо вице-канцлера.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, пока герцогъ уже много настойчивѣе не спросилъ:

— Кому-же быть россійскимъ регентомъ, ваше сіятельство?

Снова молчаніе.

— Достойному человѣку, ваша свѣтлость,—прозвучалъ наконецъ тонкій отвѣтъ, заставившій герцога позеленѣть отъ злости.

Понявъ, что отъ Остермана не добиться отвѣта, Биронъ быстро всталъ и, едва пожавъ пухлую руку своего собесѣдника, стремительно выбѣжалъ изъ кабинета.

. . . . . .

— Государынѣ худо! Государыня умираетъ!

И Бенигна Готлибъ съ красными глазами и опухшимъ отъ слезъ лицомъ бросилась навстрѣчу своему свѣтлѣйшему супругу.

— Бестужевъ здѣсь?—спросилъ ее Биронъ мимоходомъ.

Но герцогиня не успѣла отвѣтить. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ какъ изъ-подъ земли выросъ передъ своимъ покровителемъ.

— Собралъ подписи?—коротко бросилъ ему герцогъ.

— Такъ точно, ваша свѣтлость. Около двухсотъ человѣкъ, чающихъ видѣть васъ государемъ-регентомъ, поставили свои имена на семъ листѣ.

И Бестужевъ передалъ герцогу какую-то бумагу.

— Прекрасно,—кивнулъ тотъ головою,—я никогда не забуду твоей услуги. А теперь слушай: мои сани стоятъ у воротъ дворца. Садись въ нихъ и поѣзжай

къ Остерману. Дай понять старой лисицѣ, что большинство желаетъ видѣть регентомъ меня, а не принцессу Брауншвейгскую. Если эта каналья согласится пристать къ намъ, то можно считать наше дѣло улаженнымъ. Ступай.

Съ низкимъ поклономъ Бестужевъ бросился исполнять приказаніе, въ то время какъ Бирономъ прошелъ въ спальню государыни.

Миновало уже около двухъ недѣль съ того дня, когда императрица, во время совмѣстнаго обѣда съ семьей герцога Курляндскаго, упала въ обморокъ. Безчувственную государыню отнесли въ постель и съ тѣхъ поръ она стала медленно угасать.

Въ тотъ день она почувствовала, что правая нога ея отнялась, и, предвидя близкую смерть, приказала созвать всѣхъ близкихъ и родныхъ въ свою опочивальню. Былъ вызванъ и Бирономъ.

Когда герцогъ вошелъ туда, всѣ уже были въ сборѣ. Бирономъ молча протиснулся впередъ и всталъ у изголовья государыни.

Въ опочивальнѣ присутствовали всѣ особы императорскаго дворца: цесаревна Елизавета, принцъ и принцесса Брауншвейгскіе, герцогиня Бенигна Готлибъ съ дочерью и сыновьями, многіе высшіе сановники, статсъ-дамы и фрейлины.

Государыня забылась часа на два, потомъ открыла глаза, окинула всѣхъ присутствующихъ взглядомъ, остановила его на герцогѣ и сдѣлала знакъ рукою, точно желая дать понять, что хочетъ ему что-то сказать.

Какъ разъ въ это время за дверью послышался шорохъ и дежурные пажи ввели подъ руки въ усыпальницу государыни графа Остермана.

Въ рукахъ графа была бумага. Онъ подошелъ къ кровати, склонился передъ Анной Іоанновной и подалъ

ей принесенный съ собою листъ, на которомъ крупнымъ почеркомъ было написано всего нѣсколько строкъ.

Слабѣющими глазами умирающая пробѣжала строки, потомъ знакомъ потребовала перо. Кто-то подалъ его ей, вложилъ въ руку.

— Кто писалъ это?—спросила она тихимъ голосомъ.

— Я, недостойный рабъ вашъ!—послышался отвѣтъ Остермана, почтительно склонившагося къ больной.

Чуть передвигая пальцами, государыня, съ большими усиліями, начертила на листѣ свое имя.

Это былъ манифестъ, которымъ Бирономъ назначался регентомъ русской Имперіи.

Вслѣдъ затѣмъ Анна Іоанновна закрыла глаза, тяжело вздохнула и голова ея тяжело упала на подушки...

Началась агонія. Императрица уже не узнавала никого...

Потянулись мучительные часы... Умирающая то металась, стоная, то стихала. Ея лицо, мертвенно темное, то корчилось въ судорогахъ, то безъ движенія лежало на подушкѣ.

Только къ вечеру Анна Іоанновна открыла глаза. Взоръ ея встрѣтился съ глазами Миниха, стоявшаго въ ногахъ ея постели.

— Прощай, фельдмаршалъ!—произнесли ея помертвѣвшія губы.

Она тяжело вздохнула и... отошла въ вѣчность.

Въ комнатѣ усопшей поднялись стоны, слезы, стенанія. Но громче всѣхъ рыдала Бенигна Готлибъ Бирона.

Она, въ порывѣ отчаянія, рвала волосы на себѣ, металась въ рукахъ державшихъ ее фрейлинъ и громко вопила:—Улетѣлъ нашъ ангелъ-хранитель! Умерла наша государыня! Что мы будемъ дѣлать безъ нея? Что станется со всѣми нами?! Сироты мы, сироты! Каждый можетъ обидѣть теперь насъ и не у кого будетъ искать защиты...

Въ другомъ углу усыпальницы тихо плакала принцесса Брауншвейгская. Слушая громкія причитанія герцогини, она думала въ эту минуту, что если кто въ правѣ жаловаться теперь, такъ это она, потому что со смертью тетки она должна бояться, что Бирономъ и его сторонники будутъ всячески притѣснять ее.

Подобно герцогинѣ Бенигнѣ Готлибъ и принцессѣ Брауншвейгской, всѣ остальныя, заливавшіяся слезами лица, только и думали въ эти минуты о себѣ, думали о томъ, что со смертью Анны Іоанновны они теряютъ свое благополучіе...

Одна только маленькая фигурка, припавшая къ ногамъ усопшей, не думала о себѣ. Она вся отдалась своему горю. Эта маленькая фигурка—Гедвига Бирон не плакала, не стонала. Ея горе было слишкомъ для этого велико. Она болѣе всѣхъ здѣсь собравшихся любила покойную императрицу. За послѣдніе дни болѣзни государыни она похудѣла, осунулась до неузнаваемости. Лицо ея стало прозрачно-блѣднымъ, худымъ. Черные глаза казались огромными. Они впивались теперь въ лицо мертвой сухимъ, пылающимъ горячечнымъ блескомъ взглядомъ, въ то время какъ пересохшія губы повторяли съ тоской:

— Зачѣмъ ты умерла, танте Анхенъ? Ахъ, зачѣмъ?

Кромѣ маленькой тринадцатилѣтней Гедвиги въ усыпальницѣ былъ еще одинъ человѣкъ, который не могъ плакать и рыдать надъ холодѣющимъ трупомъ императрицы, несмотря на то, что горе его было велико. Этотъ человѣкъ былъ Бирон. Въ лицѣ императрицы Анны герцогъ Курляндскій терялъ высокую покровительницу, поднявшую его на высшія ступени людскихъ почестей и величія. А почести герцогъ Бирон любилъ больше семьи и себя самого, больше всѣхъ радостей земныхъ, больше государыни. Стоя у изголовья кровати умирающей, герцогъ успѣлъ уже пробѣжать подписан-

ный ею манифестъ, и теперь сердце его наполнилось безумнымъ тщеславіемъ и восторгомъ и заставило забыть тяжелую утрату... И лишь только первый моментъ потери былъ пережитъ, Биронъ поспѣшилъ удалиться отъ праха императрицы. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, окинулъ принца и принцессу Брауншвейгскихъ злымъ, торжествующимъ взоромъ и, съ высоко поднятой гордой головой, прошелъ въ сосѣдній залъ.

Тамъ появленія его уже ждали всѣ высшіе сановники: графъ Остерманъ, князь Черкасскій, графъ Левенвольде, фельдмаршалъ Минихъ, Бестужевъ, графъ Головкинъ, князь Трубецкой, князь Куракинъ и другіе.

— Господа, вы поступили какъ древніе римляне! — произнесъ Биронъ съ напускной торжественностью и общимъ величавымъ поклономъ поблагодарилъ всѣхъ, способствовавшихъ его назначенію на высокій постъ.

И всѣ головы склонились передъ только что назначеннымъ регентомъ русской Имперіи.

ГЛАВА XI.

Въ тихомъ уголку снова буря.—Рѣшеніе Андрюши Долинскаго.

СТРОЙНО и мелодично звучитъ звонкая бандура. Стройно и мелодично вторитъ ея серебристымъ струнамъ сочный, прекрасный голосъ пѣвца.

Высокій, со смуглымъ точено-прекраснымъ лицомъ и черными, огромными, какъ черешни, глазами, пѣвецъ-бандуристъ не сводитъ глазъ съ цесаревны Елизаветы Петровны, примостившейся въ уголку дивана.

Взоръ Елизаветы устремленъ куда-то вдаль, поверхъ головы красавца-пѣвца.

Не веселъ взоръ этотъ. Не весела царевна. Нерадостныя мысли у нея въ головѣ.

Двѣ недѣли прошло со смерти государыни, а уже новыя опасенія за свою участь мелькаютъ у нея въ головѣ. Правда, герцогъ-регентъ добръ и любезенъ съ нею. Онъ назначилъ ей пятьдесятъ тысячъ ежегодной пенсіи и отдаетъ ей открыто предпочтеніе передъ принцессой Анной и ея супругомъ, которыхъ онъ буквально сживаетъ со свѣту своими преслѣдованіями. Но въ этой любезности кроется нѣчто еще болѣе страшное, нежели гоненіе и вражда. Она слышала мелькомъ о планахъ герцога. Биронъ спитъ и видитъ во снѣ о томъ, какъ-бы навязать ей въ мужья своего безусаго сына Петра, того самаго Петра, котораго съ такой ненавистью отстранила принцесса Анна. И цесаревна знаетъ,

что Бирон не проститъ этого Аннѣ никогда, ни за что. Онъ уже началъ свое мщеніе, и житья отъ него нѣтъ Брауншвейгской фамиліи. А вѣдь они родители самого императора, значитъ ужъ съ нею, Елизаветой, онъ, доведись что, еще менѣе поцеремонится, нежели съ тѣми. Но, съ другой стороны, какъ смѣетъ этотъ дерзкій курляндецъ-выскочка думать о томъ, что она, цесаревна Елизавета, дочь Великаго Петра, и этотъ вчерашній конюшій могутъ породниться! О!

И гнѣвомъ закипаетъ сердце цесаревны и глаза ея, затуманенные было печалью, гордо сверкаютъ.

А бандура плачетъ, звучитъ... И въ тонъ ей нѣжно, мелодично таетъ-поетъ голосъ красавца-пѣвца. Синимъ небомъ Украйны, вишневымъ садочкомъ, теплымъ южнымъ солнцемъ вѣетъ отъ этой пѣсни... Самъ пѣвецъ—типичный представитель того сильнаго племени, «чернобриваго», «черноглазаго», которое умѣло такъ лихо биться въ рядахъ Запорожской Сѣчи, такъ ловко откалывать «бісовъ гопакъ» въ мирное время... Типичный хохолъ этотъ Алеша Разумъ, котораго три года тому назадъ цесаревна увидѣла случайно. Нѣтъ, не увидѣла, а услыхала вѣрнѣе. Былъ тогда день рожденья покойной императрицы Анны. Она присутствовала, въ числѣ другихъ приглашенныхъ, въ придворной капеллѣ на торжественномъ богослуженіи. Служилъ архіерей величаво, пышно. Пѣвчіе выводили тончайшія рулады своими молодыми голосами. Одинъ голосъ особенно поразилъ слухъ цесаревны. Бархатный, нѣжный, онъ прямо въ душу вливался мелодичной волной... Взглянула цесаревна на клиросъ, чтобы увидѣть удивительнаго пѣвца, да такъ и обмерла отъ неожиданности: два знакомые, сверкающіе безпредѣльной преданностью и готовностью жизнь пожертвовать за нее, глаза такъ и впились въ нее... Прекрасное, смуглое лицо пѣвчаго облилось румянцемъ счастья, уловивъ на себѣ ея пристальный взглядъ.

«Алеша Шубинъ! Господи! Да откуда? И впрямь Алеша! Или похожъ только?.. Но какъ похожъ, Господи Боже!..» — даже испугалась тогда Елизавета. Послѣ службы подозвала она оберъ-гофмаршала Левенвольде, разспросила его о красавцѣ-пѣвцѣ. Оказался онъ простымъ казачьимъ сыномъ Алексѣемъ Разумомъ изъ Черниговской губерніи, изъ самаго сердца Малороссіи, изъ деревни Лемешей, откуда взяли его сначала за хорошій голосъ въ соборные пѣвчіе въ ближній городъ, а оттуда уже перевели въ столицу. Все это подробно доложилъ цесаревнѣ графъ и тутъ же она упросила Левенвольде уступить ей Разума. Съ этой минуты и поселился во дворцѣ цесаревны Алеша въ качествѣ бандуриста-пѣвца, испытывая готовность, какъ и всѣ окружающіе ее люди, умереть по первому ея приказу. А она въ этой преданности, въ этой пѣснѣ соловьиной, да въ мелодичномъ звонѣ сладкозвучной бандуры черпала себѣ утѣшеніе...

Тихо, тихо поетъ Алеша Разумъ. Громко нельзя пѣть — тѣло государыни еще не предано землѣ. Цесаревна незамѣтно задремала подъ эту пѣсню.

Вдругъ смолкла бандура. Затихъ пѣвецъ.

— Серденько-царевна, до тебѣ идутъ! — послышался надъ нею мелодичный голосъ.

— Что тебѣ надо, Алексѣй Григорьевичъ? Зачѣмъ разбудилъ? Только вѣдь и забудешься, когда уснешь малость! — проговорила цесаревна, открывая сонные глаза, и сейчасъ же замолчала.

Шумъ голосовъ послышался за дверью и въ комнату вбѣжалъ Лестокъ. Лицо его было взволновано, движенія быстры. За нимъ слѣдовали два брата Шуваловыхъ, Александръ и Петръ, камеръ-юнкеры цесаревны, и ея камергеръ, Михайло Илларіоновичъ Воронцовъ. Между ними появилась пышная, полная фигура цесаревниной любимицы Мавруши, превратившейся за это время въ настоящую, степенную, но все еще молодую,

свѣжую и бойкую Мавру Егоровну. Вслѣдъ за ней проскользнула тоненькая, подвижная фигурка Андрюши Долинскаго.

Словомъ, вся маленькая свита Елизаветы была здѣсь въ сборѣ.

— Что случилось? Почему вы такъ всполошились?— недоумѣвающе вскинула глазами на своихъ друзей Елизавета.

— А вотъ то, матушка, что ты вотъ тутъ пѣсенками тѣшишься,—съ обычной своей грубоватой манерой подступила къ своей повелительницѣ Мавра Егоровна,— а за тебя люди на дыбѣ корчатся.

— Кто? Кто опять на дыбѣ?—такъ и встрепенулась цесаревна.

Лицо ея смертельно поблѣднѣло, глаза потухли. Ея кроткая, мягкая душа всегда мучительно страдала при одномъ слухѣ о казняхъ и пыткахъ.

— Вотъ то-то и дѣло—кто! Послушай-ка, что тебѣ дохтуръ натявкаетъ... Не зря онъ, прости меня Господи, какъ песъ бездомный по улицамъ съ утра до ночи шлепаетъ,—тѣмъ-же грубоватымъ голосомъ роняла Мавра.

— Что же такое? Да говорите же! Говорите, не мучьте меня, Лестокъ!—прошептала, едва держась отъ волненія на ногахъ, цесаревна.

— Ваше высочество, ужасная новость!—произнесъ послѣдній.—Въ Кронштадтѣ, во время присяги малолѣтнему императору, матросъ Толстой публично говорилъ о томъ, что не нѣмецкой отрасли слѣдуетъ быть на престолѣ, а настоящей русской цесаревнѣ. А въ гарнизонномъ полку на Васильевскомъ Островѣ армейскій капралъ Хлоповъ громко изъявилъ то же желаніе видѣть на тронѣ, ваше высочество, цесаревну Елизавету...

— Ну, и что-же?—такъ и впилась цесаревна глазами въ разсказчика.

— Ихъ схватили... привели къ Бирону... Самъ регентъ занялся этимъ дѣломъ. Несчастныхъ заперли въ его дворцѣ... Ихъ будутъ, конечно, пытать...

— Пытать за меня! О, какъ это жестоко! — схватившись за голову прошептала Елизавета. — Когда-же кончится все это? Когда прекратятся эти ненужныя жертвы? Надо узнать, во что бы то ни стало, что ждетъ этихъ несчастныхъ! И если... если... Нѣтъ, я сама поѣду къ Бирону и буду умолять его отмѣнить казнь.

— Еще что! — рѣзко вскричала Шепелева, — русская царевна пойдетъ унижаться передъ этой курляндской лисицей!

— Тише, тише, Мавра Егоровна! — остановилъ расходившуюся дѣвушку Петръ Ивановичъ Шуваловъ. — Курляндская лисица — нынѣ регентъ Россійской Имперіи.

— Опомнись, батюшка! Что мнѣ за дѣло, регентъ онъ или нѣтъ? Знаю я одного государя-императора, да солнышко мое, цесаревну, а до всего прочаго мнѣ дѣла нѣтъ!

— Это ужасно, ужасно! — повторяла между тѣмъ Елизавета. — Надо узнать, что съ ними, вывѣдать все и спасти, непремѣнно спасти... Вѣдь изъ-за меня пошли они на дыбу!

— Да, да, надо помочь имъ и какъ можно скорѣе! — произнесъ всегда готовый одолѣть всякія препятствія смѣлый и рѣшительный Воронцовъ.

— Но какъ? Какъ? — въ одинъ голосъ произнесли братья Шуваловы, Мавра и цесаревна.

— Оба молодца сидятъ подъ карауломъ во дворцѣ регента. Чтобы узнать о нихъ, надо проникнуть во дворецъ. Намъ, какъ лицамъ вашей свиты, этого нельзя. Насъ тотчасъ же арестуютъ, какъ шпіоновъ, — произнесъ съ увѣренностью Лестокъ.

— Вы правы, докторъ. Намъ идти нельзя, — согласился Воронцовъ.

— Но оставить такъ тоже нельзя! Нужно-же помочь!—отозвался Александръ Шуваловъ, у котораго такъ и закипала кровь при извѣстіи о новыхъ казняхъ ненавистнаго курляндца.

— Но какъ пробраться во дворецъ къ регенту?—произнесла цесаревна,—какъ проникнуть къ несчастнымъ?

— Я проникну!—послышался молодой голосъ, и Андрюша Долинскій, сверкая глазами, выступилъ впередъ.

— Ты?—проронили въ одинъ голосъ присутствующіе, изумленные заявленіемъ юнаго пажа.

— Да, я, если ты мнѣ позволишь, матушка-цесаревна!—произнесъ отважный мальчикъ, обращая горѣвшіе неизъяснимой преданностью и любовью глаза въ лицо Елизаветы.

— Но они арестуютъ, они погубятъ тебя!—въ волненіи произнесла цесаревна.

— Нѣтъ! Погубить не погубятъ,—успокоительнымъ тономъ проговорилъ Лестокъ, — не такой-же звѣрь Биронъ, чтобы учинять надъ дѣтьми кровавую расправу. И потомъ мальчикъ не такъ глупъ, чтобы отдаться имъ въ руки... Не правда-ли? — обратился онъ къ Андрюшѣ.

Тотъ только блеснулъ глазами въ отвѣтъ.

Въ его отважной головѣ уже зрѣли планы.

— Отпусти меня къ этимъ несчастнымъ, матушка цесаревна!—заговорилъ онъ съ мольбою,—я проберусь къ нимъ, я успокою и обнадежу ихъ. Они узнаютъ отъ меня, что цесаревнѣ Елизаветѣ, для которой они не призадумались отдать жизнь, вѣдомо объ ихъ преданности и она благословляетъ ихъ... Я знаю, какъ это ихъ должно утѣшить... А они нуждаются въ утѣшеніи, цесаревна. Ихъ участь не весела! У нихъ, можетъ быть, маленькія дѣти... Мой отецъ подвергнутъ былъ той же участи и, въ память отца, я пойду къ этимъ несчастнымъ!

Не просьбою, а твердою рѣшимостью звучали послѣднія слова Андрюши. Горячая кровь прилила къ его лицу. Глаза съ нѣжностью смотрѣли на цесаревну. Но не робкая мольба сіяла теперь изъ этихъ твердыхъ, смѣлыхъ, прекрасныхъ глазъ.

— Пусти его, ваше высочество! Видишь, самъ не свой, рвется мальчишка. Не простакъ нашъ Андрей, не осрамитъ! — произнесла Мавра Егоровна, — а не пустишь, все едино убѣжитъ! — прибавила она, махнувъ рукою. — Убѣжишь, Андрюша? Вѣдь правда?

— Убѣгу, Мавра Егоровна! Убѣгу, чтобы все вызнать и потомъ успокоить цесаревну нашу! — смѣло тряхнулъ кудрями мальчикъ.

Елизавета наградила своего пажа долгимъ ласковымъ взглядомъ.

— Богъ съ тобой, мальчикъ! Ступай! Самъ Богъ тебя посылаетъ на доброе дѣло! — проговорила она, любовно гладя своими нѣжными пальцами припавшую къ ея рукѣ чернокудрую головку.

Андрюша радостно вскрикнулъ и осыпалъ эти пальцы градомъ горячихъ поцѣлуевъ.

ГЛАВА XII.

Закостюмированный.—Въ саду герцога.

НОЯБРЬСКІЙ денекъ выпалъ на славу... Солнца, правда, не было видно, солнце пряталось въ морозномъ небѣ, но снѣгъ, выпавшій рано въ этомъ году, замѣнялъ своимъ бѣлымъ ослѣпительнымъ блескомъ скрывшееся за сѣдыми облаками капризное солнце.

По берегу Фонтанной рѣчки шелъ чернокудрый мальчикъ, одѣтый въ простой крестьянскій полушубокъ, съ шапкой на головѣ, нахлобученной по самыя уши. Теплыя валенки были надѣты на его ноги, большія, вязаныя рукавицы—на руки, но все же морозъ давалъ себя чувствовать, и мальчикъ то и дѣло похлопывалъ руками и притопывалъ ногами, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ несноснаго мороза.

Подпрыгивая и приплясывая такимъ образомъ, онъ миновалъ нѣсколько улицъ и очутился передъ воротами дворцоваго сада.

— Куда лѣзешь?—неожиданно остановилъ его караульный солдатъ, грубо схвативъ за плечо.

— Къ дяденькѣ моему, дворцовому истопнику иду въ гости,—смѣло отвѣчалъ мальчикъ,—дяденька, слышь ты, у регента состоитъ на службѣ!

И онъ гордо вытянулся передъ свирѣпымъ стражемъ.—«Знай насъ молъ! Не простые мы люди, а истопники самого герцога».

— А ну тебя!—махнулъ солдатъ и пропустилъ его въ ворота.

Мальчикъ проворно юркнулъ въ нихъ и зашагалъ по аллеѣ.

Въ саду было чудно хорошо въ этотъ свѣтлый, зимній, студеный день. Кругомъ стояли деревья, разукрашенныя инеемъ, словно невѣсты, готовившіяся къ вѣнцу. Но мальчику некогда было любоваться ими. Онъ увидѣлъ вдали огромное зданіе и вздохнулъ облегченно.

Слава Богу! Онъ у цѣли! Вотъ и дворецъ!

И Андрюша Долинскій (это онъ былъ, чернокудрый мальчикъ, одѣтый простолюдиномъ) смѣло зашагалъ по главной аллеѣ, по направленію къ дворцу.

Трескъ сучьевъ, громкое карканье и паденіе чего-то на землю неожиданно привлекли вниманіе мальчика.

Андрюша взглянулъ впередъ и увидѣлъ маленькую бѣлочку, въ спину которой впился своими острыми когтями огромный воронъ. Бѣдный звѣрекъ безпомощно бился въ цѣпкихъ лапахъ хищника. Юный пажъ съ минуту задумался, потомъ быстро запустилъ руку за пазуху и вытащилъ оттуда небольшую пистолю. Нацѣлиться въ ворона и спустить курокъ было дѣломъ одной минуты. Раздался выстрѣлъ. Съ пронзительнымъ крикомъ хищникъ опрокинулся на спину и забился въ предсмертныхъ судорогахъ. Бѣлка вскочила на ноги, бросилась съ быстротою стрѣлы къ сосѣднему дереву, взобралась по широкому его стволу и исчезла на немъ среди сучьевъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Въ то время, какъ Андрюша, надѣясь, что спасъ бѣднаго звѣрька, хотѣлъ двинуться дальше, тяжелая рука опустилась на его плечо. Мальчикъ живо обернулся. Передъ нимъ стоялъ худой, длинный, какъ палка, человѣкъ съ рыжими космами, выбивающимися изъ-подъ зимней шапки. Онъ былъ одѣтъ въ придворный мундиръ, который висѣлъ какъ на вѣшалкѣ на его худой, костлявой фигурѣ.

Точно громъ небесный упалъ на Андрюшу, такъ неожиданно было появленіе незнакомца передъ нимъ.

— Стой! — вскричалъ рыжій человѣкъ въ самое ухо пажа, — именемъ государя-регента я арестую тебя!

— Какъ? За что? За что вы хотите меня арестовать? — произнесъ Андрюша, скорѣе изумленный, нежели испуганный этими словами.

— За то, что ты вздумалъ здѣсь заниматься охотою. Развѣ ты не знаешь, что строжайше запрещено охотиться ближе тридцати верстъ разстоянія отъ столицы? — сурово произнесъ рыжій человѣкъ.

— Я вовсе не охотился здѣсь, — отвѣтилъ Андрюша, — но, увидя, какъ воронъ схватилъ бѣлку, рѣшилъ наказать хищника и избавить этимъ отъ смерти несчастнаго звѣрька.

— А какимъ образомъ у тебя очутилась пистоля, дружочекъ? По твоему виду ты крестьянинъ, а крестьянамъ носить оружіе не полагается, — произнесъ рыжій, хитро сощуривъ свои безцвѣтные крошечные глазки и вонзая ихъ подозрительнымъ взоромъ въ лицо мальчика.

Андрюша вспыхнулъ. Рыжій былъ правъ. Пистоля, которую онъ захватилъ изъ дома на всякій случай, выдала его. Объ этомъ онъ не подумалъ раньше и теперь уличенъ на мѣстѣ преступленія.

Безпомощнымъ взоромъ взглянулъ Андрюша на дымящееся еще въ его рукахъ оружіе, потомъ перевелъ глаза на ехидно улыбавшееся лицо рыжаго человѣка.

Въ одну минуту тысяча мыслей промелькнула въ головѣ мальчика. Онъ и проклиналъ себя за излишнее мягкосердечіе, заставившее его, во зло себѣ, заступиться за слабаго звѣрька, и обдумывалъ въ то же время, какъ избавиться отъ ареста. Но главное, что заботило его, это то, какъ бы предстоящій арестъ не помѣшалъ бы ему узнать о судьбѣ двухъ несчастныхъ заключенныхъ и доставить свѣдѣнія о нихъ цесаревнѣ.

И неожиданная мысль огненной полосою прорѣзала мозгъ Андрюши: во чтобы то ни стало вырваться изъ цѣпкихъ рукъ этого худого и, повидимому, далеко не сильнаго человѣка, и бѣжать.

Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ окрестности. Кругомъ была непробудная тишь; одни только бѣлыя деревья высились кругомъ.

Рыжій человѣкъ между тѣмъ крѣпко впился въ его плечо. Андрюша внимательно взглянулъ въ его лицо. Неожиданное сходство съ кѣмъ-то далекимъ, позабытымъ поразило его. Но задумываться и вспоминать было некогда. Не успѣлъ рыжій опомниться, какъ Андрюша неожиданно громко, пронзительно вскрикнулъ, потомъ оттолкнулъ его отъ себя обѣими руками и, ловкимъ движеніемъ вырвавшись изъ его рукъ, со всѣхъ ногъ кинулся бѣжать.

Ошеломленный въ первую минуту неожиданнымъ бѣгствомъ рыжій, однако, быстро пришелъ въ себя и пустился за бѣглецомъ.

Но молодыя ноги Андрюши были куда проворнѣе худыхъ, длинныхъ ходулей рыжаго человѣка. Мальчикъ далеко опередилъ своего преслѣдователя и вскорѣ достигъ выхода Лѣтняго сада. Вотъ и знакомая караулка, вотъ и ворота... Вотъ около нихъ все еще бродитъ солдатъ, вступившій съ нимъ было въ пререканія... Еще нѣсколько шаговъ и онъ за оградою... Рыжій отсталъ далеко, его даже не видно...

И Андрюша несомнѣнно успѣлъ бы скрыться отъ своего преслѣдователя, если-бы у самыхъ воротъ ему навстрѣчу не попался, неизвѣстно откуда мчавшійся, всадникъ на бѣломъ конѣ. Всадникъ былъ молодъ, лѣтъ 16-ти на видъ. На немъ былъ золотомъ шитый гвардейскій мундиръ. Ордена Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго красовались на его груди. Юное, безусое лицо молодого всадника носило на себѣ не столько

печать величія, сколько напыщенности и высокомѣрія. За всадникомъ, на почтительномъ разстояніи, слѣдовали верхомъ два конюха въ богатыхъ одеждахъ. Молодой всадникъ наскочилъ на Андрюшу и сбилъ его съ ногъ. Рыжій человѣкъ, все время бѣжавшій по стопамъ убѣгавшаго мальчика, весь запыхавшійся и облитый потомъ отъ усиленнаго бѣга, успѣлъ въ это время очутиться подлѣ.

— Что съ вами, Бергъ? Куда вы такъ стремительно летѣли, любезный?—произнесъ юный полковникъ, обращаясь къ рыжему и едва удерживая улыбку при видѣ представшей передъ нимъ костлявой фигуры.

Бергъ!

Несмотря на сильное волненіе, Андрюша хорошо разслышалъ эту фамилію.

Бергъ!

Такъ вотъ откуда оно, это роковое сходство, которое такъ бросилось ему въ глаза! Бергъ, шпіонившій въ домѣ цесаревны и подведшій подъ пытки и каторгу его милаго крестненькаго! Бергъ, врагъ дяди Алеши, Бергъ, осмѣлившійся подъ видомъ лакея наблюдать и слѣдить за самимъ «солнышкомъ», цесаревной! Такъ вотъ гдѣ привелось встрѣтиться съ нимъ!

Въ одинъ мигъ Андрюша былъ уже на ногахъ и, сжавъ судорожно кулаки, подступилъ къ Бергу. Безконечная ненависть пылала въ его дѣтскихъ глазахъ. Онъ зналъ изъ словъ доктора Лестока, самой цесаревны и веселой Мавры Егоровны, что этотъ человѣкъ—виновникъ многихъ несчастій, которыя за послѣднее время постигли преданныхъ Елизаветѣ лицъ, и жгучая жажда мщенія поднималась въ его груди.

Казалось и Бергъ узналъ въ скромномъ юномъ крестьянскомъ мальчикѣ пажа цесаревны.

— Кто ты?—вскричалъ онъ, грубо хватая за шею Андрюшу.

Андрюша выпрямился. Глаза его засверкали.

— Кто я, тебѣ знать не надо! — произнесъ онъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ, — а кто ты, я знаю! Ты измѣнникъ и шпіонъ Бергъ...

— Молчать! Ты забылся, мальчишка, и получишь за это по заслугамъ! — раздался позади него громкій голосъ и юный всадникъ, все время молча и не безъ любопытства наблюдавшій эту сцену, поднялъ хлыстъ, который держалъ въ рукѣ.

Еще секунда и ударъ пришелся-бы по лицу мальчика, но Андрюша отскочилъ во-время. Весь дрожа отъ гнѣва, онъ устремилъ пылающіе негодованіемъ глаза на всадника, сжалъ кулакъ и бросился впередъ, пытаясь стащить съ сѣдла непрошеннаго заступника Берга, несмотря на то, что тотъ былъ старше и сильнѣе.

— Эй, сюда! Схватить этого дерзкаго мальчишку и связать его! Пусть знаетъ, какъ нападать на принца Петра, будущаго герцога Курляндскаго! — прозвучалъ надъ его головой грозный голосъ, и Андрюша почувствовалъ себя схваченнымъ чьими-то сильными руками.

Два конюха, слѣдовавшіе за молодымъ принцемъ, быстро прискакали къ мальчику, спѣшились съ коней, связали его по рукамъ и ногамъ своими поясами и, взбросивъ на спину одного изъ коней, повезли по дворцовой аллеѣ.

ГЛАВА XIII.

Высокая доля. — Открытіе. — Черноглазый плѣнникъ.

ГЕРЦОГЪ-регентъ недоволенъ. Онъ только что прошелъ въ свой кабинетъ изъ застѣнка, гдѣ старательно допрашивали поднятыхъ на дыбу двухъ заподозрѣнныхъ его враговъ Хлопова и Толстого, но тѣ ничего новаго не показали. Привлекать ихъ къ вторичной пыткѣ могущественному Бирону не хотѣлось. Все равно—эти упрямцы ничего не скажутъ. Умрутъ—не скажутъ. Но, главное, они были ярыми сторонниками цесаревны, а на цесаревну имѣлъ свои виды регентъ. Онъ рѣшилъ поэтому отпустить виновныхъ, ограничась ихъ высылкою въ дальнія губерніи. Пусть знаетъ цесаревна, что онъ, Биронъ, бываетъ великодушенъ къ своимъ врагамъ...

Но не только неудачный допросъ въ застѣнкѣ былъ причиной неудовольствія Бирона: сегодня онъ получилъ прямыя указанія о козняхъ противъ него со стороны родителей императора-малютки, принца и принцессы Брауншвейгскихъ. О! эти Брауншвейгскіе! При одной мысли о нихъ кулаки регента сжимались и сердце билось такъ сильно, точно хотѣло выскочить изъ груди. Но никогда онъ ихъ такъ сильно не ненавидѣлъ, какъ теперь. И не безъ причины. Арестовавъ тайнымъ образомъ адъютанта принца Брауншвейгскаго, Грамотина, и подвергнувъ его пыткѣ, герцогъ-регентъ узналъ многія ужасныя

вещи. Узналъ, что принцъ Брауншвейгскій, подогрѣваемый его супругой, хочетъ устранить его, Бирона, и завладѣть правленіемъ. Онъ, этотъ косноязычный, этотъ заика-трусъ, принцъ-дѣвчонка, какимъ его считали всѣ окружающіе, смѣетъ тягаться съ нимъ—регентомъ! Если этотъ Грамотинъ, измученный и напуганный пыткой, не налгалъ на своего начальника, то ему, регенту, грозитъ опасность. И онъ уже велѣлъ утреннимъ указомъ собраться на-завтра сенату и генералитету и послалъ такой же указъ принцу Брауншвейгскому съ приказаніемъ явиться въ качествѣ обвиняемаго передъ судомъ изъ сенаторовъ и вельможъ. Пусть только онъ запрется, негодный! О! онъ, регентъ, сумѣетъ побороть этого жалкаго, ничтожнаго врага! Онъ запытаетъ его, сошлетъ, уничтожитъ. Онъ доберется и до принцессы Анны, сумѣвшей оскорбить его отказомъ и презрѣніемъ полтора года тому назадъ. Онъ докажетъ имъ, докажетъ Россіи, всему міру, каково бороться съ нимъ, государемъ-регентомъ, герцогомъ Бирономъ! Недаромъ же онъ съ такими усиліями, всѣми существующими средствами, прокладывалъ себѣ дорогу къ трону!.. Теперь онъ на высотѣ величія и могущества. Его имя поминается въ церквахъ сряду послѣ имени малолѣтняго государя императора Іоанна Антоновича. Онъ пойдетъ еще далѣе. Его сынъ, принцъ Петръ женится на принцессѣ Елизаветѣ. Она не посмѣетъ отказать ему, какъ осмѣлилась отказать когда-то эта ненавистная Анна Брауншвейгская. А разъ дочь Великаго Петра станетъ супругой юнаго Бирона, онъ, регентъ, сумѣетъ со своими сторонниками отнять престолъ у малютки... Но онъ не передастъ его Елизаветѣ, нѣтъ. Елизавета ненадежное лицо. Она, пожалуй, захочетъ быть «настоящей» императрицей. И притомъ у нея много сторонниковъ, которые ненавидятъ его, Бирона. О, онъ это знаетъ!.. Нѣтъ!.. Если онъ и рѣшится сдѣлать ее императрицей, то

только на самое короткое время... У него другіе планы: надо выписать изъ Голштиніи племянника цесаревны, принца Голштинскаго Петра, сына покойной принцессы Анны Петровны, умершей въ Килѣ, и подготовить его въ императоры россійскіе, подъ условіемъ, что этотъ Петръ согласится жениться на особѣ, которая будетъ указана ему Биромомъ... И этой особой будетъ Гедвига Бирономъ... Да, да, Гедвига... А потомъ, потомъ, если, паче чаянія, Петру Голштинскому суждено прожить недолго, то...—мечты государя-регента летѣли впередъ, какъ на крыльяхъ,—то Гедвига Бирономъ, уродка Гедя, станетъ императрицей, самодержавной русской императрицей...

И, при одной мысли объ этомъ, гордо поднялась голова Бирона. Онъ уже видѣлъ императорскую корону на черной головкѣ своей горбатенькой дочери. И впервые отеческое чувство заговорило въ этомъ черствомъ, жестокомъ человѣкѣ. Впервые что-то похожее на любовь почувствовалъ онъ въ сердцѣ къ этой дѣвочкѣ, которую до сихъ поръ только высмѣивалъ и презиралъ за то, что она своимъ физическимъ недостаткомъ мѣшала всѣмъ его смѣлымъ планамъ.

— Попросить сюда ея свѣтлость принцессу!—коротко приказалъ герцогъ почтительно ожидавшему его приказаній дежурному пажу. Черезъ пять минутъ на порогѣ кабинета показалась нескладная горбатенькая фигура.

— Ты звалъ меня, папахенъ?—робко освѣдомилась Гедвига, трепетавшая при одной мысли о свиданіи съ отцомъ. Она знала, что ее зовутъ сюда только для того, чтобы выбранить за что-либо или жестоко высмѣять ея физическое уродство. Она знала, что отецъ не сможетъ ей простить никогда ни ея горба, ни ея некрасиваго лица, мѣшающаго исполненію его завѣтныхъ плановъ.

И теперь, когда пажъ почтительно доложилъ ей,

что его высочество государь-регентъ послалъ за нею, Гедвига вся встрепенулась, предчувствуя что-то недоброе впереди. Она вошла вся трепеща и робѣя, въ ожиданіи выговора или колкостей со стороны отца. Но, къ великому изумленію принцессы, сумрачная складка неудовольствія, прорѣзывавшая лобъ герцога, тотчасъ же расправилась при видѣ маленькой фигурки, появившейся на порогѣ.

— Я радъ тебя видѣть, Гедвига! Садись сюда и потолкуемъ!—проговорилъ Бирономъ, съ особенною вѣжливостью подставляя кресло дочери и усаживая ее.

Гедвига изумленно взглянула на отца. Она не привыкла къ подобному обхожденію съ его стороны.

Между тѣмъ герцогъ сѣлъ противъ дочери и началъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Ты уже взрослая барышня, Гедвига. Пора подумать и о замужествѣ. Любишь ты кого-нибудь, Гедвига?

Дѣвушка испуганно подняла глаза. Что это? Не замѣтилъ ли чего-либо отецъ? Не догадался-ли?... Передъ ея мысленнымъ взоромъ мелькнула чернокудрая, совсѣмъ еще почти дѣтская голова юнаго пажа, встрѣча съ которымъ оставила въ ней сильное впечатлѣніе... Сердце Гедвиги забилось сильно, сильно... Но она собрала всѣ свои силы и проговорила:

— Нѣтъ, папахенъ, я еще не думала объ этомъ.

— Вотъ и отлично, что не думала!—обрадовался регентъ,—за то я, твой отецъ, подумалъ объ этомъ. Я нашелъ тебѣ славную партію, моя дѣвочка, и если ты пожелаешь быть умницей и слушаться во всемъ желающаго тебѣ добра отца... то, то...

Тутъ герцогъ-регентъ быстро поднялся со своего мѣста, оттолкнулъ ногою кресло и, почти въ фамильярной позѣ склонясь передъ дочерью, проговорилъ торжественно:

Къ главѣ XVI.

— Бѣжимъ-же, бѣжимъ скорѣе пока есть время...

— Будущая императрица всероссійская, прошу не оставить вашими милостями.

«Это вѣрно новая насмѣшка надъ нею? Новая травля?» — подумала Гедвига, поблѣднѣвъ, и тоже вскочила съ кресла.

— Что это значитъ, папахенъ? — безсвязно произнесла она.

— Что это значитъ? Это значитъ, дѣвочка, что я желаю отдать тебя замужъ за принца Голштинскаго Петра, которому, рано или поздно, не миновать русскаго престола.

Гедвига тихо вскрикнула, пошатнулась и закрыла лицо руками.

Теперь она поняла все!

Изъ корыстныхъ цѣлей отецъ будетъ сватать ее принцу Петру. Она не знала этого принца, но слышала о немъ много. Это былъ взбалмошный, недалекій юноша, приводившій странными выходками въ ужасъ своихъ воспитателей. Дикій и необузданный, онъ былъ неразвитъ и невоспитанъ. И такому жениху прочили ее въ невѣсты! Ее, бѣдную принцессу Гедю!

Не помня себя, она съ мольбою вскинула на отца глазами и прошептала чуть слышно:

— Папахенъ! Милый, дорогой папахенъ! Я не хочу замужъ! Я хочу остаться съ вами!

Бирономъ нахмурился. Губы его сжались.

— Глупое дитя! — произнесъ онъ, — ты не знаешь, не понимаешь своей выгоды! Я хлопочу для тебя же, но ты слишкомъ еще молода, чтобы понять это. Черезъ годъ или два ты будешь супругой Петра Голштинскаго, а теперь ступай, мнѣ некогда возиться съ тобою, я долженъ заниматься дѣлами правленія.

И повелительнымъ жестомъ Бирономъ указалъ трепещущей дочери на дверь.

Юная принцесса ни жива, ни мертва вышла изъ ка-

бинета. Рядомъ роскошно убранныхъ залъ пробѣжала она весь регентскій дворецъ, не чуя ногъ подъ собою, вся поглощенная своими горькими думами. Вотъ и обширныя сѣни, ведущія на другую половину дворца. За ними тянется длинный полутемный коридоръ, въ концѣ котораго стоитъ огромный деревянный ларь. Гедвига быстро, въ нѣсколько шаговъ, добѣжала до него и, повалившись на сундукъ, залилась слезами.

Принцъ Петръ!.. Предстоящее замужество съ нимъ!.. Горькая доля жить бокъ-о-бокъ съ грубымъ, невоспитаннымъ человѣкомъ, котораго навязываетъ ей въ мужья ея корыстолюбивый отецъ. О!.. Пусть императорская корона ждетъ ее въ будущемъ... Ей не надо ни короны, ничего! Ей нужно только...

Тутъ передъ взорами Гедвиги мелькнуло снова прекрасное, смѣлое лицо, такое прекрасное, какое можно только выдумать въ сказкѣ, мелькнули черные, горящіе огнемъ отваги глаза и весь стройный обликъ юнаго пажа Елизаветы. Слезы ея разомъ высохли, изсякли... Она молча протянула руки къ чудному видѣнью... Протянула и сейчасъ же опустила. Лицо ея помертвѣло отъ ужаса. Глаза обезумѣли и округлились, глядя впередъ. Едва внятный стонъ привлекъ вниманіе принцессы. Она чутко прислушалась, насторожилась. Стонъ повторился. Вся дрожа отъ страха и ужаса, она замерла на мѣстѣ. Теперь она ясно поняла, что стонъ выходилъ изъ-за двери, плотно запертой на задвижку, подлѣ которой и стоялъ деревянный ларь. За этой дверью находилась гардеробная со старыми, ненужными платьями ея брата, принца Петра.

Гедвига стояла неподвижно какъ вкопанная. Но вотъ новый стонъ, еще болѣе явственный, заставилъ ее разомъ еще болѣе насторожиться.

Что бы ни было, она не должна бояться: тамъ спрятанъ очевидно новый несчастный, требующій спасенія, —

вихремъ пронеслось въ ея головѣ. Но почему онъ запертъ здѣсь, а не въ тюрьмѣ или въ застѣнкѣ, прилегающемъ къ ихъ дворцу, этого она не могла понять.

— Помогите! Спасите! — послышался между тѣмъ вполнѣ явственный возгласъ за дверью.

Принцесса не колебалась долѣе. Сильнымъ движеніемъ руки она отдернула засовъ и быстро распахнула дверь гардеробной.

Въ вечернихъ сумеркахъ ноябрьскаго дня она съ трудомъ различила стройную, небольшую фигуру юноши съ черными кудрями, разбросанными по плечамъ, и блѣдное лицо, бѣлымъ пятномъ бѣлѣвшее во мракѣ.

Сердце Гедвиги забилось усиленно, быстро.

Она сразу узнала Андрюшу.

— Вы, вы здѣсь?—вскричала она не своимъ голосомъ, бросаясь навстрѣчу заключенному.

— Принцесса Гедвига!

— Пажъ цесаревны!

Они обмѣнялись этими быстрыми возгласами и теперь, исполненные волненія, не знали, что сказать, стоя другъ передъ другомъ, блѣдные, трепещущіе, потрясенные.

Принцесса Гедвига опомнилась первая.

— Какъ ты попалъ сюда?—спросила она нетвердымъ голосомъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ Андрюша Долинскій разсказалъ ей все—какъ его накрылъ негодяй Бергъ, какъ онъ увидѣлъ принца Петра, какъ принцъ Петръ хотѣлъ его оскорбить, какъ онъ пытался стащить принца съ лошади, и какъ конюхи приволокли его сюда, въ эту темную, холодную горницу.

Гедвига слушала съ большимъ вниманіемъ, что говорилъ ей этотъ смѣлый четырнадцатилѣтній мальчикъ, боясь проронить хоть одно слово.

— Но какимъ образомъ ты очутился у насъ въ Лѣтнемъ саду?—снова спросила Гедвига, когда онъ кончилъ свое печальное повѣствованіе.

Пажъ замолкъ. Глаза его не безъ тайнаго страха впились въ лицо принцессы.

«А что, если она подослана сюда своимъ негодяемъ братомъ и этимъ проклятымъ Бергомъ? — подумалъ Андрюша. — Что, если она пришла выспросить все, чтобы потомъ предать его суду и дыбѣ, какъ доказаннаго преступника?» Но нѣтъ. Печальные, полные грусти и сочувствія къ нему, глаза Гедвиги смотрятъ на него такъ искренно, такъ правдиво, такъ сочувственно. Длинное, блѣдное, некрасивое личико такъ и свѣтится какимъ-то особеннымъ лучистымъ свѣтомъ. «Съ такимъ лицомъ, съ такими глазами лгать нельзя!» — рѣшилъ Андрюша и, повинуясь непреодолимому желанію открыть всю истину этой ласковой принцессѣ, разсказалъ ей все, какъ онъ шелъ сюда провѣдать несчастныхъ пострадавшихъ за цесаревну и какъ онъ думалъ помочь имъ.

— О! ты можешь быть спокоенъ за нихъ! — едва выслушавъ мальчика, вскричала Гедвига. — Они завтра-же будутъ освобождены! Я слышала, какъ говорили объ этомъ во дворцѣ.

— Будутъ освобождены! — вскричалъ юный пажъ, разомъ забывая свои собственныя горести и невзгоды, — будутъ освобождены! — О, какъ я счастливъ! Какъ я безумно счастливъ, принцесса!

— Но ты самъ!... Ты самъ въ заточеніи, и Богъ вѣсть, что ожидаетъ тебя! Ты оскорбилъ самого Курляндскаго принца и за это...

— Меня ждетъ казнь, не правда-ли, ваша свѣтлость? — спокойнымъ голосомъ произнесъ мальчикъ.

— Если не казнь, то во всякомъ случаѣ дыба и виски, — убитымъ голосомъ произнесла Гедвига. — Принцъ

Петръ не забудетъ оскорбленія и постарается оклеветать тебя передъ лицомъ отца.

— Такъ что-жъ? Я уже приготовился къ этому, принцесса, когда шелъ узнавать сюда о судьбѣ преданныхъ слугъ цесаревны Елизаветы! — проговорилъ безъ малѣйшаго трепета смѣлый мальчикъ.

— Но я не дамъ тебя истязать! Ты еще такъ молодъ; ты — дитя! — вскричала Гедвига, — и я вырву тебя отсюда! — добавила она съ увѣренностью.

Затѣмъ, подумавъ немного, она произнесла взволнованнымъ шопотомъ:

— Ты долженъ бѣжать! И бѣжать какъ можно скорѣе!

— Увы, это невозможно! — произнесъ юный пажикъ. — У всѣхъ ходовъ и выходовъ дворца стоитъ караульная стража. Меня остановятъ тотчасъ же и я подведу только подъ отвѣтъ вашу свѣтлость, принцесса Гедвига!

— Принцесса Гедвига ничего не боится! Принцесса Гедвига сдѣлаетъ доброе, честное дѣло, освободивъ тебя, милый, благородный юноша! — горячо произнесла та, гордо поднявъ голову и, надменно сверкнувъ глазами, прибавила:

— Посмотримъ, какъ стража осмѣлится остановить меня, принцессу Курляндскую! Идемъ!

И быстро схвативъ за руку ошеломленнаго неожиданностью Андрюшу, она бросилась съ нимъ къ дверямъ.

— Принцесса Курляндская ошиблась въ своихъ расчетахъ! — послышался позади ихъ рѣзкій голосъ, и два темные силуэта обрисовались въ промежуткѣ дверей.

Громкій хохотъ покрылъ слова говорившаго.

— Братъ Петръ! — вскричала дѣвочка, отступивъ назадъ въ глубину комнаты и увлекая за собой плѣнника.

— Сестричка Гедвига! — отвѣчалъ насмѣшливый голосъ юнаго принца.

— Бѣги! Бѣги! — прошептала принцесса на ухо Андрюшѣ, — бѣги, а я попытаюсь какъ-нибудь задержать его.

Но — увы! — бѣжать было поздно. Бѣгство являлось немыслимымъ. Оба, и Гедвига, и пажъ, поняли это.

— Связать арестованнаго и запереть его на-крѣпко, что-бы никакія мысли о бѣгствѣ не смущали его! — приказалъ молодой принцъ слѣдовавшимъ за нимъ слугамъ. — А вамъ, милѣйшая сестричка, я придумалъ достойное наказаніе, — насмѣшливо обратился онъ къ Гедвигѣ. — За то, что ты хотѣла вырвать у меня изъ-подъ носа негоднаго мальчишку, я отплачу ему такими пытками, какія тебѣ и во снѣ не снятся... Я буду пытать вашего друга-пріятеля, пока не вытяну всѣ жилы изъ него. Отецъ разрѣшилъ мнѣ это, отдавъ плѣнника въ полное мое распоряженіе. Поняли вы меня!

Гедвига громко вскрикнула и бросилась вонъ изъ комнаты.

По знаку принца, слуги подбѣжали къ юному пажу, повалили его на полъ и черезъ минуту-другую мальчикъ почувствовалъ свои руки и ноги въ тяжелыхъ желѣзныхъ кандалахъ.

ГЛАВА XIV.

Тревога.—Неожиданный спаситель.—Побѣда или смерть.

ЛАСКОВО и кротко мигаетъ лампада въ большой просторной комнатѣ малютки императора Ивана Антоновича. Нарядная, пышная кормилица-нѣмка тихо мурлычитъ себѣ подъ-носъ какую-то пѣсенку. Эта пѣсенка говоритъ ей о родныхъ горахъ и уютныхъ домикахъ, о зеленыхъ лугахъ и бѣлокурыхъ крестьянкахъ-подругахъ далекой родины...

Задумалась кормилица и не слышитъ, какъ въ дѣтскую вошла сама принцесса Анна, мать императора и, быстрыми шагами приблизившись къ колыбелькѣ, склонилась надъ сыномъ.

— Спитъ мой Иванушка,—прошептала Анна Леопольдовна,—спитъ и не чуетъ, какъ мучаютъ, какъ оскорбляютъ его мать. Не можешь ты защитить меня, родной, милый мой крошка!.. Тяжело мнѣ, Иванушка! Голубчикъ мой! Сынокъ мой ненаглядный! Обижаетъ меня регентъ... Жестоко обижаетъ... Рости же, рости, мой мальчикъ! Выростешь, заступишься за свою бѣдную матушку, отплатишь ея врагу... Только-бы ты выросъ поскорѣе, милый мой, ненаглядный мой государь-сыночекъ!

И Анна Леопольдовна, исполненная тоскливаго горькаго чувства, осторожно нагнулась и съ нѣжностью прижалась къ крошечному лобику спящаго императора.

Шумъ за дверью привлекъ ея вниманіе.

— Боже мой, они его разбудятъ! Что еще случилось?—невольно вслухъ произнесла она, не безъ трепета устремляя глаза на дверь.

На порогѣ показался принцъ Антонъ, за нимъ Юліана.

— Что такое? Зачѣмъ вы такъ ворвались? Иванушка спитъ. Вы его разбудите!—тревожно проговорила принцесса.

— Но вы не знаете, не знаете, что Бирономъ сдѣлалъ со мною?—сильно волнуясь и заикаясь залепеталъ принцъ.— Вѣдь это же ужасъ! Вѣдь дальше идти некуда! Мы пропали!—не слушая увѣщеваній жены, все громче и громче говорилъ принцъ.

— Почему пропали? Что случилось?—съ возрастающей тревогой спрашивала принцесса.

— Что случилось? Насъ обвиняютъ въ измѣнѣ, въ покушеніи на власть регента... Грамотинъ схваченъ. Его подвергали пыткѣ. Его и другихъ офицеровъ. Замѣшаны наши имена... Очевидно, эти несчастные, не выдержавъ мученій, оговорили, оклеветали насъ... Сейчасъ я изъ собранія кабинетъ-министровъ, куда меня утромъ потребовали какъ мальчишку... Меня судили тамъ какъ преступника... Меня обвиняли въ томъ, что я хочу съ твоего согласія вырвать регентство изъ рукъ Бирона... О! Они всѣ, всѣ подкуплены, задарены Бирономъ... А этотъ негодяй Ушаковъ, который еще недавно такъ заискивалъ у меня и говорилъ мнѣ всякія любезности, осмѣлился сказать мнѣ... мнѣ...

Тутъ принцъ Антонъ задохнулся и остановился, тяжело переводя дыханіе.

— Что-же онъ сказалъ вамъ? Не томите меня ради Бога!—тоскливо вырвалось изъ груди Анны.

— Онъ сказалъ... онъ сказалъ...—стуча зубами и трясясь произнесъ принцъ,—что поступитъ со мною...

съ нами... сурово, какъ съ измѣнниками, несмотря на то, что мы родители императора...

Принцесса тихо вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Онъ прикажетъ насъ пытать? – дрожа всѣми членами прошептала она чуть слышно.

– Все возможно...—отвѣтилъ принцъ.—Отъ Бирона и Ушакова всего можно ожидать... Но всего вѣроятнѣе, что эти негодяи сошлютъ насъ куда-нибудь въ глушь, предварительно отнявъ отъ насъ Иванушку...

Новый крикъ, вырвавшійся изъ груди принцессы, огласилъ комнату. Но это уже не былъ крикъ ужаса, нѣтъ! Страхъ матери за свое дѣтище, отчаяніе потерять его—вотъ что цѣликомъ завладѣло сердцемъ Анны.

– Не отдамъ! Не отдамъ Иванушки!—вскрикивала она, обвивъ руками сына и заслонивъ его своей худенькой, миніатюрной фигуркой.

Глаза ея дико сверкали, отчаянная рѣшимость запечатлѣлась на обычно апатичныхъ, сонныхъ чертахъ. Но это длилось недолго. Вслѣдъ затѣмъ принцесса тяжело опустилась въ кресло и залилась слезами.

– За что! За что!—повторяла она, рыдая.

Юліана молча обняла ее.

— Успокойся, Анна!—шептала вѣрная фрейлина.—Милая моя! Господь сохранитъ тебя и императора!

– Какъ успокоиться!—взвизгнулъ принцъ,—развѣ мыслимо успокоиться, когда каждую минуту могутъ сюда придти люди регента и всѣхъ насъ потащутъ въ застѣнокъ, а потомъ...

Онъ не договорилъ, вздрогнулъ, насторожился, бросилъ взглядъ по направленію двери и шопотомъ произнесъ:

– Слышите шуршаніе шаговъ?.. Кто-то идетъ по коридору... Я отлично различаю звукъ сабли... Это пришли за нами... Спасайся, Анна, и вы, Юліана... спасайтесь... Берите Иванушку и бѣгите... Я за вами тотчасъ...

И принцъ отчаянно заметался на мѣстѣ, то хватаясь за голову похолодѣвшими руками, то бросаясь къ колыбели сына...

Крошка-императоръ проснулся и заплакалъ. Пышная кормилица давно уже не спала, ровно ничего не понимая во всей этой сумятицѣ и безпокойно таращила на присутствующихъ свои испуганные глаза.

Анна Леопольдовна бросилась къ своему ребенку, торопливо вынула его изъ колыбели и, прижавъ къ сильно бьющемуся сердцу, молча ждала, вперивъ расширенные отъ ужаса глаза на дверь.

Рядомъ съ нею встала Юліана, стараясь закрыть собою любимую принцессу.

Всѣ мучительно толпились въ ожиданіи роковой минуты. Бѣжать было немыслимо. Шаги раздавались теперь совсѣмъ уже близко за дверью. Спустя минуту, на порогѣ показалась высокая статная фигура Миниха.

— Все кончено! Вы пришли арестовать насъ, фельдмаршалъ?—произнесъ, весь замирая отъ ужаса, принцъ Антонъ.

— Арестовать васъ, ваша свѣтлость!?—съ недоумѣніемъ произнесъ старикъ.—Что за мысли пришли вамъ въ голову, принцъ! Я пріѣхалъ къ вамъ прямо изъ собранія кабинетъ-министровъ...

— Гдѣ меня отщелкали какъ мальчишку,—вырвалось съ отчаяніемъ изъ груди принца.

— Я пріѣхалъ переговорить съ ея свѣтлостью принцессой,—проговорилъ графъ Минихъ самымъ почтительнымъ образомъ.

— Такъ, значитъ, вы не пришли насъ арестовать?—едва скрывая свою радость, вскричалъ мигомъ успокоенный принцъ.

— Богъ съ вами, ваша свѣтлость!

— Въ такомъ случаѣ очень счастливъ, очень счастливъ, любезный фельдмаршалъ!—произнесъ, захлебываясь

отъ восторга и пожимая руки графа, принцъ Антонъ.— А мы тутъ уже...

Взглядъ Анны, негодующей на излишнюю его болтливость, остановилъ дальнѣйшія изліянія Антона.

— Ну-ну, вы тутъ секретничайте, а я пойду!..— неловко затоптался онъ на одномъ мѣстѣ и бочкомъ-бочкомъ, смущенный выскользнулъ изъ комнаты.

Анна Леопольдовна передала ребенка кормилицѣ и, пригласивъ Миниха слѣдовать за нею, прошла въ свою пріемную. Юліана Мегденъ осталась въ дѣтской. Она задумалась, хитро сощурила свои черные глазки и, подойдя къ закрытой двери будуара принцессы, приложила къ щелкѣ свое розовое ушко.

«Мое присутствіе было очевидно излишнимъ въ глазахъ стараго фельдмаршала, потому что они не позаботились пригласить меня!—произнесла самой себѣ дѣвушка,—но я все-таки узнаю въ чемъ дѣло, благо Анна разъ навсегда разрѣшила мнѣ слушать у дверей все, что ни говорится въ ея будуарѣ».

И плутовка чутко насторожилась, чтобы не проронить ни одной фразы изъ этой таинственной бесѣды.

— Вы очень страдаете, принцесса?—было первымъ словомъ стараго фельдмаршала, когда онъ помѣстился на стулѣ, противъ кресла правительницы.—Регентъ не даетъ вамъ жить?

— Вы это знаете, графъ, — печально проронила Анна.

— Онъ лишаетъ васъ самаго необходимаго, сокративъ ваши доходы до крайности...

— Да.

— Онъ непочтительно обходится съ вами?

— Да.

— Онъ оскорбляетъ вашего супруга, кричитъ на него публично и вамъ не воздаетъ должнаго, какъ матери императора, уваженія.

— Да, да, да!

— Онъ арестовываетъ и подвергаетъ пыткѣ вѣрныхъ слугъ вашихъ. А сегодня онъ дошелъ даже до крайности. Я самъ слышалъ угрозы Ушакова принцу, навѣянныя конечно самимъ герцогомъ... И регентъ пойдетъ еще дальше, онъ не остановится, повѣрьте и...

— О молчите, ради Бога молчите!—схвативъ за руку графа, вскричала принцесса.

Наступила долгая пауза.

— Хотите, ваше высочество, избавиться отъ него?—вдругъ неожиданно спросилъ фельдмаршалъ.

— Что?!

Анна даже привстала съ кресла, такъ дико и невѣроятно для нея прозвучалъ этотъ вопросъ.

Она взглянула въ лицо стараго героя, думая, что онъ шутитъ. Но нѣтъ. Лицо Миниха смотритъ на нее и безъ тѣни улыбки.

— Хотите, я избавлю васъ отъ него, принцесса?—еще настойчивѣе звучитъ его вопросъ.

— Вы?.. отъ... него?.. вы, фельдмаршалъ?.. Но вы рискуете своей жизнью!—лепетала она чуть живая отъ волненія.

— Да, я рискую ею ради моего императора и васъ, принцесса! — произнесъ твердо Минихъ. — Но Россія гибнетъ въ клещахъ тирана... Я сочту за счастье помочь вамъ спасти страну. Мнѣ нужно только ваше согласіе, чтобы дѣйствовать вашимъ именемъ... и все будетъ сдѣлано...

— А если не удастся?—вся замирая отъ ужаса прошептала Анна.

— Тогда... тогда... Но надо вѣрить въ лучшій исходъ, принцесса. И я вѣрю въ него! Богъ поможетъ правому дѣлу... Все зависитъ теперь отъ васъ, отъ вашего согласія. И я жду его отъ васъ, мать моего государя!

Старчески-красивое лицо Миниха сіяло теперь необычайнымъ свѣтомъ.

Но Анна Леопольдовна все еще колебалась. Ей чудились кровавыя картины, неудачный исходъ, допросы, пытки, самая казнь и кровь, кровь безъ конца.

Вдругъ тяжелая дверь распахнулась съ грохотомъ, и въ комнату, какъ пуля, влетѣла Юліана.

— Анна! радость моя! — возбужденно лепетала дѣвушка, кидаясь на шею принцессѣ. — Самъ Богъ говоритъ его устами! Согласись! Ты должна это сдѣлать, Анна, должна, для того чтобы у тебя не отняли твоего ребенка, твоего Иванушки...

При одномъ напоминаніи о сынѣ принцесса вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Обычная ея робость миновала.

— Согласна, фельдмаршалъ, и да поможетъ вамъ Богъ! — произнесла она, протягивая обѣ руки старому боевому герою.

Минихъ почтительно приложился губами къ трепетнымъ слабымъ женскимъ рукамъ принцессы.

. . . . . .

Прошло три дня съ того вечера, когда тайный договоръ установился между старымъ фельдмаршаломъ и принцессой. Наступила темная жуткая ноябрьская ночь. Въ Зимнемъ дворцѣ всѣ спали. Спалъ безмятежнымъ сномъ крошка-императоръ, спала его «мама-кормилица», спалъ принцъ Брауншвейгскій и видѣлъ во снѣ, что онъ набрался наконецъ храбрости и говоритъ дерзости, какъ расходившійся школьникъ, его тирану—Бирону... Спала Юліана, спала даже принцесса, хотя и вздрагивала постоянно во снѣ.

А въ это время цѣлый рядъ темныхъ фигуръ крался къ заднему крыльцу Зимняго дворца. Впереди, чуть слышно скрипя полозьями, ѣхала карета. Въ ней си-

дѣлъ фельдмаршалъ Минихъ, бодрый, смѣлый, готовый на все.

Весь Петербургъ спалъ. Ни одна душа не видѣла ни темной кареты, ни кравшихся слѣдомъ за нею черныхъ фигуръ. У задняго дворцоваго крыльца Минихъ приказалъ остановиться и вышелъ изъ экипажа. Черныя фигуры подошли тоже въ этотъ мигъ къ крыльцу.

— Подождите здѣсь, друзья... Я вернусь и проведу васъ къ принцессѣ,—произнесъ старикъ и быстро вошелъ въ сѣни мимо вытаращившаго на него глаза лакея и направился въ комнаты.

Черный Абасъ случайно попался ему навстрѣчу.

— Пойди, разбуди баронессу Юліану и попроси доложить обо мнѣ принцессѣ,—приказалъ онъ арапу,—да только осторожнѣе, чтобы не проснулся принцъ Антонъ.

— Слушаю, господинъ!—былъ короткій отвѣтъ, и арапъ побѣжалъ къ комнатѣ фрейлины.

Черезъ минуты три взволнованная Анна Леопольдовна стояла передъ Минихомъ въ бѣломъ ночномъ пеньюарѣ со спущенной, какъ у дѣвочки, косой. Ночной чепчикъ упалъ съ ея головы и вся она имѣла видъ на смерть перепуганнаго, взволнованнаго ребенка.

— Неужели... сегодня? Сегодня все это должно случиться?—хватая за руку Миниха шептала она.

— Сейчасъ или никогда! Офицеры внизу и ждутъ вашихъ приказаній. Вы должны принять ихъ, принцесса. Вѣдь они, можетъ быть, идутъ на смерть,—серьезно и торжественно проговорилъ старый фельдмаршалъ.

— Да, да, зовите ихъ!—пролепетала Анна чуть слышно.

Черный Абасъ метнулся изъ комнаты и вскорѣ горница принцессы наполнилась офицерами. Среди нихъ

находились и оба адъютанта Миниха, Манштейнъ и Кенигсфельсъ.

— Я призвала васъ сюда, господа, — произнесла неувѣреннымъ голосомъ Анна, — чтобы просить защиты вашей отъ регента. Онъ обижаетъ меня и принца, родителей вашего государя. Готовы-ли вы схватить и арестовать его?

Она стояла передъ ними такая бѣдная, жалкая, худенькая, съ глазами, полными слезъ, похожая на маленькую, хрупкую дѣвочку, обиженную и оскорбленную всѣмъ свѣтомъ. Сердца офицеровъ дрогнули отъ жалости. Къ тому-же она была матерью ихъ императора, эта обиженная худенькая женщина.

— Готовы умереть за тебя, государыня-принцесса!—дружно въ голосъ прозвучалъ ихъ отвѣтъ.

— Благодарю васъ, друзья мои!—произнесла растроганнымъ голосомъ принцесса и протянула руки.

Они бросились цѣловать ихъ.

Потомъ Минихъ сказалъ:

— Съ Богомъ! Пора! Возьмите караульныхъ солдатъ и въ путь! Принцесса, черезъ два часа мы вернемся или...

Анна только тихо прошептала:

— Помогай вамъ Богъ!

И, почти лишившись чувствъ, она упала въ кресло.

Офицеры съ восторгомъ послѣдовали за любимымъ фельдмаршаломъ.

Юліана пошла проводить ихъ со свѣчею по темнымъ дворцовымъ покоямъ.

Анна Леопольдовна осталась одна.

Страхъ, отчаяніе и сомнѣнье охватили ея душу. Ей хотѣлось бѣжать за ними, за этими храбрецами, вернуть ихъ, сказать, что ихъ замыселъ ведетъ къ плахѣ, что она не хочетъ ихъ гибели. Нѣтъ! Нѣтъ!

И не помня себя, охваченная ужасомъ, она рвану-

лась впередъ. Но двѣ сильныя, черныя руки неожиданно посадили ее обратно. Анна вскрикнула и широко раскрыла глаза. Передъ нею стоялъ арапъ.

Принцесса съ недоумѣніемъ и страхомъ взглянула на него.

— Что съ тобою, Абасъ?—спросила она въ волненіи.—Ты весь дрожишь. Ты взволнованъ? Ты боишься, что смѣлый замыселъ не удастся? Да?

— Нѣтъ, не боюсь, принцесса!—прозвучалъ твердый отвѣтъ.—Я дрожу отъ радостнаго волненія. Мой врагъ, котораго я проклинаю всѣми силами души, долженъ пасть. Я лелѣялъ надежду на его гибель всѣ мои молодые годы... Я ненавижу Бирона, ненавижу всѣмъ моимъ существомъ... Сколько зла онъ надѣлалъ, сколько людей разорилъ, сколько семействъ сдѣлалъ несчастными, сколько погубилъ!.. Не сосчитать его жертвъ!.. И мою жизнь погубилъ этотъ жестокій человѣкъ... Онъ вычеркнулъ мое имя изъ списка живыхъ, заставилъ скрываться подъ этой темной кожей! Но вотъ часъ расплаты насталъ! Я умоляю васъ, принцесса, отпустить меня слѣдомъ за этими храбрецами, чтобы и я могъ раздѣлить съ ними всѣ опасности...

— Кто вы?—произнесла Анна Леопольдовна, изумленная плавною рѣчью всегда молчаливаго арапа, и устремила пристальный взоръ на него.

— О, принцесса, теперь, въ этотъ роковой часъ, когда рѣшается ваша судьба, когда рѣшается судьба всей Россіи, не стоитъ заниматься мною...—отвѣтилъ уклончиво арапъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я желаю знать кто вы?—настойчиво произнесла Анна.

— Кто я? Пока просто придворный арапъ, простой слуга,—отвѣтилъ черный человѣкъ.—Но...

— Но?.

— Но съ первою вѣстью о гибели Бирона я перестану быть простымъ арапомъ...

— Я васъ не понимаю, Абасъ, — сказала принцесса. — Не волнуйте меня еще больше напрасно и скажите кто вы?

— Я тотъ, котораго восемь лѣтъ назадъ принцесса Христина Леопольдовна спасла отъ пытокъ и казни и который тогда же поклялся отдать на служеніе ей всѣ свои силы, всю свою жизнь... Больше я пока сказать не въ состояніи, принцесса... Но умоляю васъ, разрѣшите мнѣ теперь идти за ними, за этими храбрецами, идти на жизнь или на смерть!

И не ожидая отвѣта принцессы, арапъ, какъ безумный, кинулся изъ комнаты мимо появившейся на порогѣ Юліаны.

ГЛАВА XV.

Мучители.—Избавитель.—Ожившій мертвецъ.

ТЕМНАЯ ноябрьская ночь подкралась незамѣтно и своимъ чернымъ крыломъ накрыла и шумный городъ, теперь разомъ затихшій, и широкія, занесенныя снѣгомъ аллеи Лѣтняго сада, накрыла собою и дворецъ государя-регента, и маленькую гардеробную, гдѣ сидѣлъ скованный Андрюша.

Юный плѣнникъ не могъ двигаться въ своихъ тяжелыхъ кандалахъ. Онъ сидѣлъ много часовъ на деревянномъ табуретѣ, стоявшемъ въ углу комнаты. Невеселыя думы толпились въ его головѣ. Болѣе четырехъ дней находился здѣсь юный пажъ цесаревны. Ежедневно, каждый полдень, входилъ къ нему рыжій Бергъ, приносилъ скудную ѣду и всячески издѣвался надъ нимъ. Принца Петра больше не видѣлъ Андрюша, но каждый разъ, когда Бергъ приходилъ къ нему, этотъ ненавистный слуга Бирона не упускалъ случая пугнуть мальчика:

— Погоди! Вотъ получишь!.. Его свѣтлость, молодой принцъ, въ отлучкѣ, а какъ только вернется, то и примется за тебя...

Но эти угрозы мало дѣйствовали на Андрюшу. Его отецъ умеръ на дыбѣ, его «крестненькій» перенесъ тѣ же мученія, такъ неужели же ему, молодому и сильному, бояться ихъ? О, онъ съ радостью умретъ ради горячо любимой цесаревны! Лишь-бы ея свѣтлый образъ не покидалъ его въ послѣднія минуты. И умирая, онъ

не откроетъ своего имени, какъ этого ни добивается его тюремщикъ, измѣнникъ Бергъ, который никакъ не можетъ припомнить, гдѣ онъ видѣлъ эти черныя искры дѣтскихъ глазъ, это смѣлое гордое лицо мальчика. Онъ неоднократно обращался къ своему плѣннику съ вопросами, но плѣнникъ не обмолвился ни однимъ звукомъ на этотъ счетъ. Не скажетъ юный плѣнникъ своему тюремщику и цѣли своего появленія въ Лѣтнемъ саду. Сознаться во всемъ—значило бы замѣшать въ это дѣло имя цесаревны, ласковой родной цесаревны, его свѣтлаго солнышка. Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Онъ, ея пажъ, неспособенъ на это. Пусть они мучаютъ его, пусть терзаютъ,—онъ не скажетъ ни слова своимъ мучителямъ... Но что-же они медлятъ, однако? Почему не приходятъ пытать его?.. Почему не тащутъ на дыбу, въ застѣнокъ, на лютыя муки?.. Утромъ Бергъ принесъ ему ѣду и сказалъ съ торжествующей злобой:

— Дождался, голубчикъ!.. Сегодня, какъ только уѣдутъ всѣ на вечеръ къ князьямъ Черкасскимъ, его свѣтлость и пожалуетъ къ тебѣ... Дожилъ ты у насъ до свѣтлаго праздника! Будешь помнить, какъ оскорблять его свѣтлость и скрывать свое имя, негодный мальчишка!

И Бергъ наградилъ своего плѣнника такимъ грознымъ взглядомъ, что невольная дрожь ужаса пробѣжала по тѣлу послѣдняго.

— Сегодня!—произнесъ мысленно мальчикъ.—Наконецъ-то!.. Что же ждетъ его?.. Но что бы ни было, сегодня должны кончиться его мученія, кончиться, хотя-бы даже смертью. Да и лучше смерть, нежели это мучительное безконечное прозябаніе, здѣсь, въ этой комнатѣ, и полное невѣдѣніе о томъ, получитъ-ли онъ когда-нибудь свободу... Но что-же они медлятъ, его мучители?

И Андрюша въ сотый разъ устремлялъ глаза на дверь, ожидая, что вотъ-вотъ войдутъ его палачи и приступятъ къ пыткѣ.

«Ужъ скорѣе-бы, скорѣе! — мыслилъ несчастный мальчикъ, — пускай пытки и смерть, но лишь бы она наступила скоро, сейчасъ, сію минуту!..»

Но умереть онъ все-таки не хотѣлъ. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы желать умереть въ эти годы, и невольныя мечты и надежда на спасеніе появлялись въ его головѣ: авось снова неожиданно явится сюда эта смѣлая, горбатая дѣвочка и попытается спасти его? Она добра, очень добра къ нему, Андрюшѣ, и кто знаетъ... можетъ быть...

Шаги за дверью прервали мечты пажа.

Идетъ кто-то... Это она, она, навѣрное она, ласковая, черноглазая дѣвочка, такъ сочувственно отнесшаяся къ нему!

И сладкая надежда охватила сердце мальчика.

Шаги приблизились. Дверь распахнулась, но не горбатая дѣвочка, а принцъ Петръ, въ сопровожденіи Берга, несшаго фонарь въ рукѣ, переступилъ порогъ гардеробной.

Сердце упало въ груди Андрюши. Его мысленный взоръ уже отличалъ горбатенькую фигурку своей недавней спасительницы, и вотъ, вмѣсто нея, передъ нимъ, Андрюшей, его палачи.

— Ну, что, насидѣлся, узникъ? Будешь помнить, какъ грозить мнѣ, свѣтлѣйшему наслѣднику курляндскаго герцогства? — насмѣшливо проговорилъ принцъ Петръ. — Впередъ, надѣюсь, будешь умнѣе... Теперь слушай: я далеко не такъ золъ, какъ это говорятъ обо мнѣ, и охотно дарую тебѣ свободу, если ты чистосердечно разскажешь, зачѣмъ пришелъ къ намъ въ садъ въ то утро и кто ты таковъ... Говори безъ утайки. Можешь вѣрить, что я освобожу тебя. Принцъ Петръ сдержитъ данное слово...

— Я не скажу вамъ кто я и зачѣмъ я пришелъ въ вашъ садъ, — произнесъ Андрюша твердымъ голо-

сомъ.—Открыть вамъ правды я не могу и не смѣю, а лгать не хочу. Я никогда еще не лгалъ въ моей коротенькой жизни, и никакія обѣщанія не заставятъ меня прибѣгнуть ко лжи.

Говоря это, мальчикъ выпрямился во весь свой стройный ростъ.

Отъ его небольшой фигурки повѣяло смѣлостью и благородствомъ. Но ни смѣлость, ни благородство не могли повліять на темную, черствую душу принца Петра. Онъ видѣлъ въ своемъ юномъ плѣнникѣ только упрямство и желаніе досадить ему—будущему герцогу.

Побагровѣвъ отъ гнѣва и сжимая кулаки, онъ подступилъ къ Андрюшѣ.

— Такъ ты не скажешь, чего отъ тебя требуютъ?! — прошипѣлъ онъ, наклоняясь къ самому лицу пажа.

— Нѣтъ! Клянусь, вы не узнаете отъ меня ни полслова!—твердо отвѣчалъ мальчикъ.

— Посмотримъ!—грозно произнесъ Петръ и, обратившись къ своему спутнику, сказалъ съ жестокой насмѣшливостью:—А ну-ка, Бергъ, пощупай этого молодца!

Послѣдній только и ждалъ этого момента. Онъ поставилъ фонарь на полъ и, запустивъ руку за пазуху, вынулъ оттуда пукъ веревокъ и небольшую плетку, заканчивающуюся металлическимъ крючкомъ. Каждый ударъ такой плетки вырывалъ клочьями тѣло наказуемаго. Потомъ онъ быстро приблизился къ Андрюшѣ, легкимъ движеніемъ снялъ съ него кандалы, сорвалъ одежду и закрутилъ несчастному руки на спинѣ такъ сильно, что грудь мальчика надулась пузыремъ, а плечи сблизились такъ за спиною, что грозили выйти изъ своихъ суставовъ. И по этому, напряженному до-нельзя тѣлу должна была пройти ужасная плетка съ ея крючкомъ!

— Ну, что? Согласишься ты теперь назвать твое имя? Согласишься сказать все, что я отъ тебя требую?— шипящимъ, исполненнымъ затаеннаго злорадства голосомъ произнесъ принцъ Петръ.

Онъ весь отдался сладкому чувству мщенія, отдался настолько, что не слышалъ, какъ за дверью раздался странный шорохъ, а вслѣдъ затѣмъ чей-то возгласъ, задавленный, придушенный... Но принцу Петру было не до этого. Всѣ его мысли и чувства сводились къ одному: во чтобы то ни стало исторгнуть признаніе изъ груди упрямца, стоявшаго передъ нимъ въ безстрашномъ ожиданіи пытки.

— Такъ ты не скажешь? Нѣтъ?

Андрюша поднялъ голову. Его лицо изъ блѣднаго стало багрово-краснымъ. Страшное напряженіе груди и плечъ мучительно давало себя чувствовать. Его голова горѣла. Звонъ наполнялъ уши. Всѣ суставы нестерпимо ныли. А тутъ еще передъ глазами эта ужасная плетка въ рукахъ рыжаго курляндца. Онъ взглянулъ на нее, потомъ перевелъ глаза на своихъ мучителей.

— Убейте меня! Я не скажу вамъ ни слова!—произнесъ онъ, собравъ послѣднія силы.

Принцъ Петръ въ бѣшенствѣ топнулъ ногою, потомъ сдѣлалъ знакъ Бергу. Послѣдній весь извился змѣею, подпрыгнулъ и, очутившись передъ Андрюшей, поднялъ плетку.

Но онъ не успѣлъ нанести удара: дверь, поддавшаяся подъ напоромъ чьихъ-то сильныхъ рукъ, сорвалась съ петель, и въ комнату вбѣжалъ высокій черный человѣкъ съ кинжаломъ въ рукѣ. Сзади него толпились солдаты съ ружьями на готовѣ.

Быстрымъ взоромъ арапъ окинулъ комнату, остановилъ его на Андрюшѣ и съ крикомъ боли, ужаса и муки бросился къ нему. Перерѣзать ударомъ кинжала

веревки, стянувшія руки и плечи несчастнаго мальчика, было дѣломъ одной минуты.

Что то страшное было въ всклокоченныхъ волосахъ арапа, въ его дико блуждающихъ глазахъ, въ искривленномъ бѣшенствомъ лицѣ.

Принцъ Петръ и Бергъ въ ужасѣ отскочили назадъ. Арапъ, указывая на нихъ солдатамъ повелительнымъ жестомъ, произнесъ громовымъ голосомъ:

— Взять ихъ, связать и убрать отсюда!

Солдаты немедленно исполнили приказаніе.

— Что вы дѣлаете? Какъ вы смѣете такъ обращаться со мною, наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ! — отбиваясь всѣми силами, кричалъ молодой Бирон.

— Ладно, молчи, волченокъ, если хочешь остаться цѣлъ! — прикрикнулъ на него здоровый капралъ, и наслѣдный принцъ Курляндскій былъ связанъ и вынесенъ на рукахъ. За нимъ слѣдомъ выволокли и курляндца Берга, скрученнаго по примѣру принца.

Арапъ Абасъ и Андрюша Долинскій остались одни.

Ошеломленный неожиданностью мальчикъ не могъ произнести ни слова. Но когда охватившее его изумленіе разсѣялось, онъ подошелъ къ черному арапу и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Благодарю тебя всѣмъ сердцемъ. Ты спасъ меня отъ пытки и, можетъ быть, отъ смерти, добрый человѣкъ. Мнѣ нечѣмъ отблагодарить тебя, но Богъ и цесаревна Елизавета воздадутъ тебѣ сторицей.

— Мнѣ не надо людской награды, дитя! — послышался тихій, печальный голосъ. — Я не могъ поступить иначе! Сердце мое сказало, что ты въ опасности и я поспѣшилъ сюда.

— Развѣ ты знаешь меня? — произнесъ Андрюша.

— Не только знаю, но и живу тобою... Восемь лѣтъ я слѣжу за тобою, какъ можетъ только человѣкъ слѣдить за единственнымъ, оставшимся ему въ жизни со-

кровищемъ... Ты помнишь склоненную передъ тобой, полузамерзшимъ на дорогѣ малюткой, фигуру чернаго человѣка? Это былъ я! А потомъ, когда ты лежалъ больной, на волосокъ отъ смерти, помнишь, къ твоей постели подошелъ черный человѣкъ и далъ тебѣ спасительную микстуру, сохранившую твою жизнь?.. Это былъ опять я... Я слѣдилъ за каждымъ твоимъ шагомъ, я старался знать всегда гдѣ ты и что ты дѣлаешь... Ради тебя я затаилъ въ себѣ гордость и сталъ чернымъ слугою, забылъ себя самого, чтобы хоть издали слѣдить за тобою. Вѣришь-ли ты мнѣ?

— Я вѣрю тебѣ! — произнесъ Андрюша, — я не могу тебѣ не вѣрить — столько благородства и силы въ твоей рѣчи. Но кто же ты и что заставило тебя поступать такъ?

Черный человѣкъ взглянулъ ярко загорѣвшимися глазами въ лицо юнаго пажа. Неизъяснимую любовь и нѣжность прочелъ мальчикъ въ этомъ краснорѣчивомъ взорѣ...

Дрожь пробѣжала по тѣлу Андрюши. Какое-то отдаленное, какъ сонъ, воспоминаніе толкнулось въ его сердце... Эти нѣжные, ласковые глаза напоминали ему что-то забытое, свѣтлое, родное... Этотъ голосъ звучалъ въ его ушахъ когда-то давно, давно, въ дни его младенчества...

Не смѣя вѣрить себѣ, не смѣя догадываться, Андрюша, весь трепеща, приблизился къ арапу и, блѣдный, какъ смерть, прошепталъ чуть слышно:

— Во имя Бога, скажи, кто ты?

— Андрюша! Милый! Родной мой! — послышались тихіе, нѣжные звуки родного, близкаго голоса.

Пажъ цесаревны вздрогнулъ съ головы до ногъ. Глаза его широко раскрылись. Безумная радость загорѣлась въ нихъ.

— Отецъ! — раздирающимъ душу крикомъ муки и

счастья вырвалось изъ груди Андрюши и онъ упалъ въ широко раскрытыя ему объятія.

— Андрюша! Сынокъ мой ненаглядный... дорогой!.. — прозвучалъ сдавленный голосъ Юрія Долинскаго.

ГЛАВА XVI.

Ночное нападеніе.—Великая жертва.

ГЕДВИГА Биронъ только что вернулась съ вечера изъ роскошнаго дома князей Черкасскихъ. Отецъ, мать и братья пріѣхали раньше и теперь уже спали, она одна замедлилась со своими фрейлинами въ домѣ князя. У принцессы Курляндской были свои фрейлины и пажи, и она могла выѣзжать самостоятельно съ ними во всякое время и возвращаться отдѣльно отъ родителей.

Сегодня на вечерѣ опять ее, Гедвигу, окружала блестящая толпа молодежи, опять всѣ эти первые придворные кавалеры ловили каждое ея слово, опять наперерывъ старались угодить ей. Но ничто не веселило, не радовало ея.

Съ того самаго вечера, когда она узнала, что за узникъ сидитъ въ гардеробной ея брата Петра, Гедвига не знаетъ себѣ покоя. Неудачный его побѣгъ еще болѣе ее терзаетъ. Братъ Петръ, жестокій, безсердечный юноша, не проститъ ей ея вмѣшательства, не проститъ и попытки побѣга ея новому другу. Онъ тогда еще сказалъ ей:—«За то, что ты хотѣла вырвать у меня изъ-подъ носа негоднаго мальчишку арестанта, я отплачу ему такими пытками, какія тебѣ и во снѣ не снятся». О, какъ задрожала она тогда вся! Какъ трепетала тогда, охваченная жгучей ненавистью къ этому безсердечному Петру! Она готова была

броситься на него, вцѣпиться ему въ волосы, исцарапать ему ногтями его надменное, злое лицо. Но она была безсильна, бѣдная Гедя! И тогда же новый планъ мести создался въ ея чернокудрой головкѣ. Да, она выйдетъ замужъ за этого «Голштинскаго чортушку», какъ называла его покойная императрица Анна, она сумѣетъ понравиться ему, обворожить его, а когда онъ предложитъ ей корону и когда она будетъ русской императрицей, тогда... «тогда берегитесь, братецъ Петръ: чего не сможетъ сдѣлать принцесса Курляндская, то сумѣетъ свершить всесильная русская императрица»!— произнесла она и гордо выпрямилась. Ей уже чудилась императорская корона, придавливающая своей пріятной тяжестью ея черные кудри, и слышался подобострастный шопотъ вокругъ нея, скромной, горбатенькой принцессы.

— Я отстраню отъ дѣлъ отца... отошлю его въ Курляндское герцогство! — шептала она, упоенная призракомъ власти, — подвергну тяжелому аресту брата Петра... Пусть узнаетъ, каково мучить другихъ!.. Попугаю его пыткой! О! я буду торжествовать надъ нимъ! Надъ всѣми ими! — шептала, захлебываясь отъ восторга, дѣвочка, и лицо ея принимало злое, нехорошее выраженіе.

И вдругъ радость ея изсякла. Торжество исчезло куда-то. Ей неожиданно почудился слабый крикъ, стонъ.

— Они пытаютъ его! Они его пытаютъ! — вскричала она, и недавнія мечты о величіи были забыты разомъ.

Ей показалось, будто передъ нею снова предсталъ чернокудрый красавецъ-мальчикъ, но на этотъ разъ окровавленный, трепещущій, безгласный. Онъ протягивалъ къ ней руки и глазами, прекрасными, черными и печальными, молилъ о помощи.

— Я должна спасти его! Я должна спасти его во что бы то ни стало! — прошептала принцесса и стремительно выбѣжала изъ своей комнаты.

Какая тишина кругомъ!.. Какая зловѣщая, таинственная тишина!.. Всѣ спятъ во дворцѣ, и отецъ съ матерью, и Карлъ, и дежурная свита. Только тамъ, въ далекой гардеробной брата, происходитъ что-то зловѣщее, роковое... Она знаетъ, она чувствуетъ это. Недаромъ сердце ея сжимается тупымъ, мучительнымъ, холоднымъ ужасомъ.

Вотъ и спальня отца и матери. Легкій храпъ доносится отъ ея дверей. Надо миновать эти двери, чтобы никто ея не видѣлъ, и незамѣченной добѣжать до темнаго перехода, примыкающаго къ сѣнямъ.

Принцесса Гедвига прибавила ходу. Вотъ она уже противъ спальни, сейчасъ минуетъ ея не плотно припертыя двери и... Чья-то темная тѣнь обрисовалась на стѣнѣ, въ двухъ шагахъ отъ Гедвиги. Дѣвочка съ трудомъ удержала въ себѣ крикъ ужаса и, прижавшись къ стѣнѣ между двумя огромными шкапами, замерла на мѣстѣ, стараясь ничѣмъ не выказать своего присутствія.

Передъ Гедвигой, спиною къ ней, крадучись двигался высокій человѣкъ въ военномъ кафтанѣ. Принцесса разомъ узнала эту спину и эту фигуру. Это адъютантъ фельдмаршала Миниха, полковникъ Манштейнъ приближался къ дверямъ спальни ея родителей. Узнавъ его, дѣвочка немного успокоилась, но не надолго. Неожиданное появленіе его въ эту пору во внутреннихъ аппартаментахъ дворца не сулило ничего хорошаго. Гедвига задрожала снова: Ея взглядъ съ жадностью слѣдилъ за каждымъ движеніемъ офицера. Манштейнъ, между тѣмъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, вынулъ саблю изъ ноженъ, стремительно вбѣжалъ въ спальню и громкимъ голосомъ произнесъ надъ самымъ ухомъ регента:

— Проснитесь, герцогъ! Именемъ его императорскаго величества я арестую васъ!

Гедвига, еле вѣря глазамъ, стояла съ расширеннымъ отъ ужаса взглядомъ, не смѣя тронуться съ мѣста. Она видѣла, какъ вскочилъ ея отецъ, какъ удивленно открылись его большіе глаза.

Потомъ она услышала новую фразу полковника:

— «Я арестую васъ!..» — и увидѣла, какъ герцогъ бросился подъ кровать, замѣтивъ обнаженную шпагу.

Въ эту минуту проснулась герцогиня и огласила пронзительнымъ визгомъ покои Лѣтняго дворца. Гедвига, не помня себя, хотѣла бѣжать на помощь, но цѣлая толпа вооруженныхъ солдатъ, ворвавшихся въ спальню, оттѣснила принцессу.

Гедвига теперь ничего не могла видѣть, что происходило тамъ, за ихъ широкими спинами. Она слышала только визгъ матери, громкую ругань отца, потомъ какую-то возню и тяжелые глухіе удары. Кого-то повалили на полъ и били, били безъ конца...

Потомъ она увидѣла, какъ четверо солдатъ пронесли закутаннаго въ солдатскую шинель человѣка. Она увидѣла избитое, окровавленное лицо, лицо, когда-то надменное и исполненное величія власти, и голыя ноги, безпомощно торчавшія изъ-подъ шинели... Потомъ мимо нея пробѣжала ея мать, въ одной сорочкѣ, босая, съ безумно вытаращенными глазами, съ дикими криками, оглашающими домъ. Пронесли связаннаго принца Петра и его рыжаго служителя, помощника по розыскамъ ея отца, Берга. Пронесли плакавшаго навзрыдъ принца Карла. Все это видѣла своими глазами обезумѣвшая отъ страха дѣвочка и разомъ поняла все...

«Ея родныхъ арестовали... подвергнутъ пыткамъ и казни... Это ясно какъ день... Арестуютъ и ее... и казнятъ какъ дочь человѣка, сумѣвшаго заставить проклинать и ненавидѣть себя за его десятилѣтнее пребываніе въ Россіи. Сейчасъ найдутъ ее... откро-

ютъ ея убѣжище, свяжутъ, возьмутъ, подвергнутъ пыткѣ».

Думы Гедвиги прервали быстрые шаги по коридору и чей-то голосъ, произнесшій ея имя.

«Что это? Кто можетъ звать ее теперь? Кто вспомнилъ о ней въ эту ужасную минуту?»—подумала дѣвочка.

— Принцесса Гедвига, вы здѣсь!—раздался знакомый голосъ.

Поднявъ глаза, она увидѣла передъ собою хорошо знакомое лицо, черные кудри и ласковые глаза, глядѣвшіе на нее съ сочувствіемъ и печалью.

— Принцесса, какъ я счастливъ найти васъ!—прозвучалъ милый молодой голосъ у ея уха,—я спасу васъ, я помогу вамъ, ваша свѣтлость скрыться, во дворцѣ цесаревны... Тамъ васъ полюбятъ какъ родную... Мы вымолимъ вамъ прощеніе у правительницы и вы снова будете счастливы, ваша свѣтлость! Бѣжимъ-же, бѣжимъ скорѣе, пока есть время!

И онъ схватилъ ее за руку и увлекалъ за собою.

Гедвига вся поддалась обаянію пылкой дѣтской рѣчи юноши-пажа. Да, да! Бѣжать скорѣе! Уйти изъ этого ада, во что бы то ни стало уйти! Она еще молода! Она хочетъ жить и радоваться. Ей вѣдь четырнадцать лѣтъ только и она еще не знала счастья... Тамъ, во дворцѣ ласковой Елизаветы, о добротѣ которой ей такъ часто приходилось слышать, вмѣстѣ съ этимъ милымъ мальчикомъ, она забудетъ былыя невзгоды, попреки отца, злыя выходки братьевъ... Тамъ надъ нею никто не будетъ смѣяться!.. Только скорѣе, скорѣе вонъ отсюда, пока не появились снова эти ужасные солдаты!

Но вдругъ жгучая, мучительная мысль пронизала ей мозгъ.

Какъ? Она оставитъ свою семью въ эту роковую

минуту? Она умѣла широко пользоваться всѣми благами, доставленными ей ея отцомъ, а теперь, когда онъ изъ всемогущаго государя-регента превратился въ жалкаго, избитаго своими же подчиненными, арестанта, оставитъ его и свою несчастную семью?! Нѣтъ, она, горбунья Гедвига, не способна поступить такъ. Каковъ бы ни былъ съ нею раньше отецъ, — онъ ея отецъ и она должна раздѣлить его долю. Прочь же, прочь обольстительный призракъ будущаго счастья! Не ей веселиться и пользоваться свободной радостной жизнью, когда ея семья идетъ на дыбу, на пытку, на казнь! Что бы ни было, она раздѣлитъ ихъ участь. Она забудетъ все зло, причиненное ей, она должна помнить одно: она дочь и сестра и обязана раздѣлить горькую участь ея близкихъ!

Принцесса Гедвига разомъ остановилась, вырвала свою руку изъ руки юнаго Долинскаго. Глаза ея загорѣлись ярко, ярко... Какой-то тихій свѣтъ разлился по ея лицу и отъ этого свѣта длинное, некрасивое лицо горбуньи стало какъ будто красивѣе, привлекательнѣе.

— Благослови тебя Богъ, милый юноша, за твою помощь, за твою доброту, — проговорила тихо и взволнованно принцесса, — но я не пойду съ тобою. Мое мѣсто съ моими родными, съ моимъ несчастнымъ отцомъ!

И она стремительно бросилась бѣжать по пустыннымъ покоямъ прямо въ сѣни, на крыльцо, у котораго нѣсколько человѣкъ солдатъ усаживали въ сани ея обезумѣвшихъ отъ страха братьевъ и мать.

— Я принцесса Гедвига Курляндская, — проговорила она бодрымъ и звонкимъ молодымъ голоскомъ, — и хочу раздѣлить судьбу моего бѣднаго отца! Возьмите меня съ ними!

ГЛАВА XVII.

Регентша-правительница и ея приближенные.—Минихъ обиженъ.—Новое придворное свѣтило.

КОГДА избитаго солдатами Бирона привезли въ Зимній дворецъ въ одной солдатской шинели, Анна Леопольдовна, провозглашенная уже регентшей-правительницей, не захотѣла воспользоваться своею властью, чтобъ предать своего злѣйшаго врага пыткѣ и казни. Вопреки желанію тѣхъ, которые полагали, что бывшій регентъ долженъ лютой смертью окупить всѣ свои козни и преступленія, добрая и мягкая Анна ограничилась лишь ссылкою герцога, его семьи и приверженцевъ въ отдаленный городъ Пелымъ, съ лишеніемъ его орденовъ, титуловъ и имущества.

Началось новое правленіе. Избавитель императорской семьи отъ бироновскаго гнета и главный виновникъ паденія герцога, графъ Минихъ, занялъ прочное мѣсто у престола. Объявивъ себя первымъ министромъ, старый фельдмаршалъ далъ Остерману чинъ, столь давно желаемый имъ—генералъ-адмирала. Черкасскій былъ произведенъ въ вице-канцлеры. Всѣ участники государственнаго переворота получили награды. Подарки, чины, ордена такъ и сыпались щедрою рукою принцессы. Принцъ Брауншвейгскій, загнанный и забытый во времена Биронова регентства и лишенный своихъ воинскихъ чиновъ, теперь назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ—генералиссимусомъ. Но такъ

Къ главѣ III.

— Братцы!—произнесъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ...

какъ на званіе генералиссимуса разсчитывалъ Минихъ, то Анна Леопольдовна, чтобы не обидѣть стараго фельдмаршала, въ манифестѣ о назначеніи принца Антона велѣла включить слова, что хотя фельдмаршалъ Минихъ, по всей справедливости, заслужилъ этотъ почетный чинъ, однако, принцу Брауншвейгскому, какъ отцу императора, должно быть дано преимущество.

Однако Минихъ считалъ себя все-таки оскорбленнымъ и не могъ примириться съ мыслью, что его обошли и что неспособный, трусливый принцъ занялъ самый высокій и почетный постъ въ арміи. Принцъ Антонъ, въ свою очередь, не могъ простить Миниху, что арестъ Бирона произошелъ безъ его вѣдома. Кромѣ того принцъ Антонъ завидовалъ тому, что Минихъ пользовался въ арміи симпатіями, что его любятъ и уважаютъ. Ловкій, лукавый Остерманъ воспользовался непріязнью принца къ фельдмаршалу, соперничества котораго онъ всегда опасался при дворѣ, и сталъ наговаривать принцу на Миниха. Результатомъ всѣхъ этихъ наговоровъ и нашептываній было то, что гордый и независимый герой-фельдмаршалъ рѣшилъ подать въ отставку. Но при этомъ онъ смутно надѣялся, что его попросятъ остаться. Слишкомъ ужъ велика была, какъ казалось фельдмаршалу, услуга, оказанная имъ Брауншвейгскимъ. Однако онъ ошибся. Отставка его была принята, о чемъ и былъ извѣщенъ Петербургъ съ барабаннымъ боемъ. И Минихъ, такъ быстро поднявшійся на высоту, такъ же скоро упалъ съ нея, уступивъ невольно свое мѣсто новому восходящему придворному свѣтилу.

Это свѣтило былъ молодой, красивый и блестящій саксонскій посланникъ графъ Линаръ, произведенный Анною Леопольдовною въ оберъ-камергеры русскаго двора.

Ловкій, тонкій и умный, немногимъ уступающій развѣ въ дальновидности самому Остерману, этотъ саксонскій графъ сумѣлъ влѣзть въ довѣріе къ правительницѣ,

сумѣлъ понравиться ей, внушилъ ей довѣріе къ себѣ и сталъ самымъ близкимъ человѣкомъ. Стараясь угодить во всемъ Аннѣ Леопольдовнѣ, онъ въ то же время сталъ усиленно ухаживать за хорошенькой Юліаной и при дворѣ поговаривали уже о предстоящей свадьбѣ двухъ любимцевъ правительницы. Сама правительница оставалась все такой-же безпечной, лѣнивой и мечтательной женщиной-дѣвочкой, не имѣвшей ни малѣйшаго понятія о правленіи огромнымъ государствомъ и очень мало интересовавшейся. И многія важнѣйшія дѣла, требовавшія рѣшенія или, по крайней мѣрѣ, подписи правительницы, оставались подолгу безъ движенія, въ ожиданіи, когда, наконецъ, Анна Леопольдовна вздумаетъ заняться со своими министрами. Но проходили дни, недѣли—и правительница не только не думала приниматься за дѣла, но даже не допускала къ себѣ никого и сама нигдѣ не показывалась. Она проводила все свое время въ своемъ будуарѣ не причесанная, не одѣтая, въ бѣломъ капотѣ съ неизмѣннымъ платочкомъ на головѣ, замѣняющимъ ей пышную прическу того времени. Она или читала рыцарскіе романы, или играла въ карты, или няньчила дѣтей, императора малютку Иванушку и новорожденную дочку Екатерину, или болтала съ своей неизмѣнной Юліаной и красавцемъ Линаромъ, получившимъ всѣ бразды правленія, за которыя такъ крѣпко держались когда-то цѣпкія руки Бирона.

Линаръ, Остерманъ, Левенвольде, Мегдены, все нѣмцы и нѣмцы безъ конца, окружали теперь престолъ крошки-императора и его матери-регентши. И не только окружали, но и распоряжались по своему, устраняя всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли работать только для блага Россіи и не дорожили ни хорошимъ и доходнымъ мѣстомъ при дворѣ, ни высокимъ чиномъ или положеніемъ.

Особенно Линаръ заставлялъ задумываться не одну удалую русскую голову.

— Что-же это такое? Свергли одного Бирона, а вмѣсто него, какъ грибъ, другой выросъ,—говорили кругомъ.—И какъ долго еще продолжится надъ Россіей владычество нѣмцевъ?

Многіе громко жаловались: «когда низверженъ былъ жестокій курляндецъ, мы думали—нѣмецкому господству приходитъ конецъ, а оно до сихъ поръ продолжается, только съ другими особами». Разсказывали анекдоты о высокомѣрномъ обращеніи нѣмцевъ-начальниковъ съ подчиненными-русскими, сожалѣли объ униженіи Россіи, вспоминая съ сочувствіемъ времена Петра Великаго, когда одинъ за другимъ выдвигались русскіе люди.

Виною неурядицъ и униженія всѣ считали Анну Леопольдовну. И все громче и громче, все настойчивѣе и настойчивѣе раздавались голоса противъ незаконно, будто бы не по праву царствующей правительницы, противъ ея малютки сына и противъ принца Антона.

Ходили къ тому-же и темные слухи среди солдатъ, будто люди, близкіе къ правительницѣ, а въ особенности принцъ Антонъ, настаиваютъ на томъ, чтобы Анна Леопольдовна устранила изъ Петербурга гвардейскіе полки, которые будто-бы замышляютъ что-то подозрительное, и что на мѣсто лихихъ семеновцевъ и преображенцевъ будутъ поставлены брауншвейгскіе солдаты.

Недовольство въ гвардіи росло съ каждымъ днемъ. Не того ждала гвардія, когда присягала новой правительницѣ. И невольная мысль о защитѣ мелькала среди рядовъ молодцовъ-гвардейцевъ: «Кто подниметъ русскій духъ въ дорогой каждому русскому сердцу родинѣ? Кто вынесетъ на должную высоту онѣмеченное, приниженное отечество?»

И глаза всѣхъ этихъ жаждущихъ защиты и спасенія обращались къ скромному «Малому» дворцу истой русской величавой красавицы, сказочной царевны,

царь-дѣвицы, которую лишили злые великаны-людоѣды скипетра и короны ея отца...

Но все было тихо въ сѣромъ дворцѣ-домикѣ на такъ называемомъ Царицыномъ Лугу, гдѣ жила цесаревна Елизавета Петровна. Тамъ только звучала мелодичная бандура, да за душу хватающій голосъ Алексѣя Разума наполнялъ комнаты...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Невеселыя думы.—Предложеніе французскаго посланника.—Новая обида.

НУДНЫЙ дождикъ, не переставая, бьется объ окна дворца цесаревны Елизаветы и не первый уже день стоитъ такая погода. Лѣто въ 1741 году выпало дождливое, скучное.

Цесаревна почти не покидаетъ комнатъ. Невесело ей, нехорошо... Въ то время, какъ въ Зимнемъ дворцѣ все радостно, весело, привольно, здѣсь, въ домѣ цесаревны, гнетъ и тоска. Даже веселая Мавруша пріуныла. Не смѣется своимъ грубоватымъ смѣхомъ, не поддѣваетъ никого. А сегодня за обѣдомъ такъ и очень удивила цесаревну своей выходкой Мавра Егоровна. Только что надумала Елизавета взять съ тарелки приглянувшійся ей кусочекъ разварной кабаньей головы, какъ Мавруша вырвала изъ-подъ самаго носа тарелку у цесаревны и, дико глядя на нее, зашептала:

— Не ѣшь, не ѣшь, ваше высочество! Не ѣшь, говорю, отравятъ...

И впрямь отравятъ...

Съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаетъ цесаревна косые взгляды правительницы. Не мудрено. Враги не дремлютъ и всячески стараются ее оклеветать передъ Анной. Всѣ эти Линары, Мегдены, Остерманы не могутъ не сознавать, что обошли короной Елизавету, что царствуетъ почему-то внукъ дочери царя Ивана, сынъ нѣмецкаго принца и полунѣмки матери, а она, русская царевна, Петрова дочка, осталась въ сторонѣ, и всѣми силами оговариваютъ ее передъ Анной.

Елизавета знаетъ доброту Анны, этой милой дѣвочки Анюты, которую она не разъ ласкала въ дѣтствѣ. Правительница мягкосердечна, но окружающіе ее люди всячески клевещутъ на нее, царевну. Они чувствуютъ, что народъ и гвардія встанутъ за Петрову дочку по одному ея слову. Они готовы, пожалуй, и известь ее, не боясь грѣха. А оскорбленія, которыя переживаетъ Елизавета! О, даже при Биронѣ было ей во сто разъ лучше, чѣмъ теперь... Ей не хватаетъ самаго необходимаго; ей отказываютъ въ деньгахъ. Когда она попросила заплатить ея долгъ, который она сдѣлала изъ-за того, чтобы помогать окружающимъ ее бѣднякамъ-солдатамъ, отъ нея потребовали счетъ, не повѣрили ей!..

А потомъ этотъ Линаръ! Съ какимъ высокомѣріемъ смотритъ онъ на нее при встрѣчахъ. А принцъ Брауншвейгскій, этотъ жалкій трусъ, онъ едва-едва здоровается съ нею, царскою дочерью! И всѣ они такъ боятся, что вотъ-вотъ Елизавета заявитъ свои права на престолъ, пожелаетъ стать императрицей—и что тогда, конечно, всѣхъ ихъ ждетъ невеселая участь, во всякомъ же случаѣ придется разстаться со дворомъ... О, если-бы они знали, какъ далеко ея сердце отъ мечты надѣть на свою голову корону!..

Пусть Лестокъ, Воронцовъ, Шуваловы и даже мало вмѣшивающійся въ политику Алеша Разумъ твердятъ

ей, что настало ея время, нѣтъ, оно не настало еще! Она, Елизавета, не можетъ измѣнить присягѣ, данной ею крошкѣ-императору, пока Россіи не грозитъ дѣйствительная опасность. Правленіе Анны, этой слабой, безвольной, мягкой женщины не вѣчно. Императоръ вырастетъ и вступитъ на престолъ. И—кто знаетъ?—можетъ быть онъ подниметъ Россію до прежняго ея величія. А она, Елизавета, хочетъ только добра своей родинѣ, а самой ей не привыкать стать терпѣть!

— Что тебѣ, Мавруша?—неожиданно прервала свои мысли цесаревна, увидя на порогѣ свою любимицу.

— Да опять съ тѣмъ-же! «Тотъ» къ дому опять подъѣхалъ!—быстрымъ шопотомъ заговорила Мавра Егоровна.

— Кто тотъ?

— Да тотъ, что намеднясь былъ! Верченый такой, крученый и по французскому только, знай себѣ, лается...

— По-французски?

— Ну да, гунявый такой... Тотъ, что виляетъ такъ туловищемъ, ровно его, батюшку, колики схватили!

— Такъ это Шетарди! Французскій посланникъ Шетарди!—догадалась цесаревна,—а ты—виляетъ... гунявый... выдумала тоже, Мавра!

— А нѣшто не виляетъ? И почемъ я его знаю кто онъ такой... Шляется здѣсь, шляется, прости Господи, словно одержимый мечется. Ухъ, подведетъ еще чего добраго тебя, матушка. Вѣрь ты дурѣ-Маврѣ... Отвадь ты его отъ себя...

Она еще хотѣла прибавить что-то, но разомъ прикусила языкъ.

Эластичной, легкой походкой въ комнату входилъ элегантный, нарядный французскій посланникъ, маркизъ де-ля-Шетарди.

Съ граціознымъ поклономъ онъ склонился передъ цесаревной, изогнувъ свой станъ съ особенной

ловкостью, и произнесъ витіеватое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Потомъ сдѣлалъ вольтъ и въ одно мгновеніе ловкимъ движеніемъ очутился передъ Маврой Егоровной и привѣтствовалъ ее.

— Ишь, какъ тебя батюшку моего подбрасываетъ! — не могла не подивиться та и, сдѣлавъ очень недвусмысленные знаки цесаревнѣ, съ предупрежденіемъ еще разъ не довѣрять «французишкѣ», скрылась за порогомъ, при чемъ безцеремонно хлопнула дверью.

Изящный маркизъ съ удивленіемъ взглянулъ на эту грубоватую, полную дѣвушку и, сравнивъ ее съ блестящими красавицами французскаго королевскаго двора, невольно подивился, какъ не умѣетъ выбирать себѣ фрейлинъ русская принцесса.

— Вы опять рѣшили попробовать вывести меня изъ моей неподвижности, любезный маркизъ! — съ обычной очаровательной улыбкой проговорила цесаревна. — Чувствую уже, что вы поведете снова разговоръ о возможности надѣть на мою голову императорскую корону...

— Эта корона пристанетъ вамъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, принцесса, — почтительно возразилъ маркизъ.

— И вы предлагаете мнѣ прежній вашъ планъ!

— Я не могу себѣ представить ничего иного, ваше высочество. Это такъ просто, такъ ужасно просто, принцесса. Осчастливьте меня одной минутой вниманія, ваше высочество! Его величество, король французскій, мой повелитель, предлагаетъ вамъ денегъ, чтобы вы могли завербовать въ ваши сторонники новыхъ людей... Шведскій посолъ, баронъ Нолькенъ, говоритъ съ своей стороны, что шведы помогутъ вамъ инымъ путемъ. Они подступятъ къ русскимъ границамъ, объявивъ, что явились завоевать силою престолъ въ пользу дочери Великаго Петра и за это, за это...

— Изъ-за этого я, ставъ императрицей, обязана буду уступить Швеціи завоеванныя у нея Великимъ Петромъ

провинціи?—забывая свою обычную любезность, рѣзко спросила Елизавета.

Молчаливый поклонъ маркиза былъ ей отвѣтомъ.

Елизавета выпрямилась. Что-то неуловимое, какъ молнія, промелькнуло въ ея лицѣ.

— Нѣтъ, маркизъ, — произнесла она холодно, — только крайность заставитъ меня воспользоваться услугами шведовъ. И потомъ, я готова вознаградить ихъ какими угодно суммами, но ни одной пяди русской земли, пріобрѣтенной цѣною крови и завоеванной моимъ великимъ отцомъ, я не отдамъ имъ, маркизъ! Этого не разрѣшитъ моя совѣсть. Что-же касается французскихъ денегъ, которыя такъ любезно предлагаетъ мнѣ вашъ король, я приму ихъ въ случаѣ надобности, если дѣла повернутся такъ, что мнѣ придется спасать Россію, поднявшись на ступени трона.

— Вамъ придется это сдѣлать, принцесса! — вскричалъ маркизъ, — я вижу уже царскую корону на прекрасной головкѣ вашего высочества!

Елизавета благодарно улыбнулась.

— А я къ этому не стремлюсь, маркизъ, по крайней мѣрѣ теперь, когда не вижу надобности вмѣшаться въ дѣло для спасенія дорогого отечества.

— Но когда понадобится наша и шведская помощь, вы кликните мнѣ кличъ и я у вашихъ ногъ, принцесса! — съ изысканной любезностью врожденнаго царедворца произнесъ Шетарди.

Елизавета молча наклонила голову.

Едва только скрылась изящная, нарядная фигура ея гостя, на его мѣстѣ точно изъ-подъ земли выросъ камергеръ цесаревны Воронцовъ.

— Поздравляю, матушка цесаревна: мы подъ арестомъ! — произнесъ онъ недовольнымъ, сердитымъ голосомъ.

— Что такое? Какъ подъ арестомъ?—такъ и встрепенулась Елизавета.

Вмѣсто отвѣта Михаилъ Илларіоновичъ быстро подошелъ къ окну.

— Взгляните сюда, ваше высочество!—произнесъ онъ, живо отдергивая занавѣску.

Сѣрыя фигуры, не одна и не двѣ, а съ добрый десятокъ, сновали тѣнью подъ окнами цесаревны. Ихъ можно было отличить въ наступающихъ сумеркахъ поздняго вечера.

— Что это? Откуда они?—изумленно спрашивала Елизавета.

— Не что иное, какъ стража, приставленная къ намъ его свѣтлостью принцемъ Брауншвейгскимъ. Офицеръ Чичеринъ и солдаты по приказанію его свѣтлости переодѣлись въ сѣрые кафтаны, чтобы удобнѣе шпіонить за вами, царевна. Развѣ это не арестъ?

Елизавета молчала. Сердце ея заныло. Это была такая обида, на которую открыто не рѣшился бы самъ Бирон.

ГЛАВА II.

Что услышалъ пажъ у закрытой двери.

ВЕЧЕРЪ. Дождь. Слякоть. Конецъ іюля кажется октябремъ. Андрюша, плотно закутавшись въ теплый плащъ, низко надвинувъ на глаза треуголку, бодро шагалъ по размытымъ дождемъ сумрачнымъ петербургскимъ улицамъ. Днемъ ему нельзя было отлучиться изъ Малаго дворца. Пріѣзжалъ опять вертлявый маркизъ Шетарди, сидѣлъ долго и о чемъ-то жарко спорилъ съ цесаревной. Приходилъ Лестокъ и тоже говорилъ безъ конца, убѣждалъ, горячился. Послѣ отъѣзда маркиза Андрюшино «солнышко» — царевна — помрачилось. Даже пѣсней Разума да тихимъ звономъ любимой бандуры не удалось ее развлечь. Подойти къ ней, печальной и тоскующей, и отпрашиваться изъ дома не смѣлъ и думать мальчикъ. И прождалъ онъ до поздняго вечера, пока не улеглись всѣ во дворцѣ.

Онъ шелъ къ отцу. Съ тѣхъ поръ, какъ узналъ онъ, что живъ его батюшка, мальчикъ не переставалъ чувствовать и переживать острую, жгучую радость. На другой же день по арестѣ Бирона онъ увидѣлъ своего отца въ его настоящемъ видѣ. Тотъ самый старикъ-ученый, который при помощи какихъ-то, ему одному извѣстныхъ, химическихъ составовъ превратилъ спасшагося отъ пытокъ и казни Юрія Долинскаго въ абиссинца и ухитрился придать его кожѣ черный цвѣтъ арапа, теперь такимъ же страннымъ, чудеснымъ обра-

зомъ вернулъ ему прежній видъ и обликъ. И прапорщикъ Долинскій, котораго восемь лѣтъ считали мертвымъ, заявилъ о своемъ существованіи. Тайна чернаго Абаса открылась сама собой. Правительница, спасшая когда-то жизнь несчастному заключенному, осыпала его теперь милостями, повысила въ чинахъ и зачислила въ свою свиту, сдѣлавъ его однимъ изъ своихъ адъютантовъ. Юрій Долинскій былъ щедро награжденъ за былыя печали. Но ни награды, ни почести, ни самое свиданіе съ сыномъ, за которымъ онъ неустанно слѣдилъ всѣ эти долгіе годы, не могли вытѣснить изъ груди Долинскаго образъ безконечно любимой имъ когда-то жены Наташи. Онъ не забывалъ думать о ней въ дни таинственнаго своего существованія подъ черной оболочкой и теперь, ставъ прежнимъ офицеромъ Долинскимъ, онъ еще острѣе чувствовалъ боль потери. Одинъ Андрюша могъ утѣшить его своимъ присутствіемъ, своею заботливостью и лаской. Глядя въ большіе, прекрасные глаза мальчика, лаская его мягкіе кудри, онъ вспоминалъ такіе-же кудри, такіе же глаза—увы!—потерянные для него на-вѣки. И ему становилось легче, отраднѣе на душѣ. Но сынъ не могъ быть съ нимъ постоянно. Андрюша былъ пажемъ цесаревны и имѣлъ свои обязанности, какъ пажъ. Онъ-же, Долинскій, долженъ былъ посвящать всего себя службѣ женщинѣ, которой поклялся быть до самой смерти вѣрнымъ и преданнымъ рабомъ. Ихъ дороги расходились. Юрій зналъ, что правительница недолюбливала цесаревну. Зналъ, что про цесаревну ходятъ темные слухи о ея желаніи захватить престолъ. Значитъ, они съ сыномъ являлись въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ—и это обстоятельство наполняло новымъ горемъ сердце Долинскаго.

Было почти темно, когда продрогшій въ этотъ далеко не лѣтній, холодный іюльскій вечеръ, Андрюша

подошелъ къ Зимнему дворцу. Дежурный по караулу офицеръ узналъ его сразу и, ласково кивнувъ ему головою, безъ всякихъ затрудненій пропустилъ. Андрюша направился въ комнату, гдѣ обыкновенно помѣщался его отецъ, какъ дежурный адъютантъ принцессы Анны Леопольдовны. Но Юрія Долинскаго тамъ не было. Очевидно, правительница отослала его съ порученіями. Мальчикъ усѣлся на мягкомъ диванѣ и сталъ терпѣливо ждать.

Переходъ отъ холода и сырости къ теплой уютной комнатѣ разломалъ, разслабилъ Андрюшу. Пріятная теплота разлилась по его тѣлу. Легкая дремота закружила голову. И, самъ не замѣчая какъ, Андрюша очутился лежащимъ на мягкомъ диванѣ и сладко забылся... Онъ спалъ недолго. Громкій разговоръ въ сосѣдней горницѣ разбудилъ его. Андрюша быстро вскочилъ, протеръ глаза, не понимая, гдѣ онъ... Темная уютная комната... Мягкіе диваны... Тяжелая портьера надъ дверью, а за дверью голоса, возгласы, смѣхъ...

Юный пажъ былъ далекъ отъ мысли подслушивать, что говорилось за дверью, но разговаривавшіе не стѣснялись и ихъ голоса звучали такъ весело и громко, что не слышать ихъ нельзя было.

— Ну, вотъ, ты должна быть вполнѣ счастлива, Анна, — говорила своимъ сочнымъ здоровымъ и громкимъ голосомъ Юліана. — Теперь все улыбается тебѣ... И если бы не цесаревна Елизавета...

— О, я не боюсь Лизы! Не говори ты мнѣ о ней! — прозвучалъ дѣтски-нѣжный голосокъ правительницы. — Я не боюсь Лизы, — повторила она, — не боюсь по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ принцъ Антонъ нарядилъ слѣдить за нею десятокъ своихъ сыщиковъ... Признаться, мнѣ далеко не по вкусу то, что сдѣлалъ принцъ, но... войска цѣликомъ на сторонѣ цесаревны, и не принять своихъ мѣръ было-бы рискованно... Мнѣ

не нужно власти и званія регентши, но Иванушка долженъ имѣть защиту...

— Она далеко не прочная эта защита! — прозвучалъ мужской голосъ, въ которомъ Андрюша сразу узналъ голосъ саксонскаго посланника Линара.

— Какъ? — вскричали обѣ женщины сразу.

— До тѣхъ поръ пока, ваше высочество, вы только регентша, положеніе крошки-императора внушаетъ опасенія... — произнесъ твердымъ голосомъ Линаръ. — Вы подумайте только: гвардія спитъ и видитъ возвести на престолъ дочь Петрову... Народъ любитъ ее... Вѣдь только слѣпой не замѣтитъ счастливыхъ улыбокъ солдатъ и народа, провожающихъ Елизавету, когда она совершаетъ свою прогулку въ саняхъ... А дружба гвардейцевъ съ цесаревною во дни царствованія покойной императрицы, не думаете-ли вы, принцесса, что она изсякла теперь?

— Но что-же дѣлать? Что дѣлать, Линаръ? — услышалъ Андрюша трепещущій голосъ правительницы.

— Возложить на свою голову императорскую корону! Объявить себя самодержавной государыней, а принцессу Елизавету или выдать за принца Людвига Вольфенбютельскаго, брата его высочества принца Антона, или заточить ее въ монастырь! — произнесъ Линаръ.

Андрюша тихо вскрикнулъ. Разговоръ сразу замолкъ. На одну минуту воцарилась тишина.

— Что это? Я слышала чей-то голосъ! — произнесла послѣ непродолжительнаго молчанія Анна Леопольдовна. — Какъ будто кто-то подслушиваетъ насъ...

— Я посмотрю сейчасъ, — проговорила Юліана, и едва только Андрюша успѣлъ отскочить въ уголъ и припасть за большое кресло, стоявшее въ углу, какъ дверь скрипнула, портьера раздвинулась и черненькая голова фрейлины просунулась въ дверь.

— Никого нѣтъ! — произнесла она, быстрымъ взоромъ окидывая комнату, и снова юркнула обратно.

— Ну, что же, Анна, рѣшайся! Линаръ правъ. Враги окружаютъ тебя. Одна только императорская корона можетъ дать хорошее, спокойное положеніе тебѣ и твоимъ дѣтямъ, — произнесла она, очутившись опять въ сосѣдней горницѣ.

Съ затаеннымъ волненіемъ, съ сильно бьющимся сердцемъ Андрюша ждалъ въ своемъ уголку отвѣта на слова фрейлины.

И вотъ онъ услышалъ взволнованный голосъ правительницы:

— Да, вы правы!.. И вы, Линаръ, и ты, Юліана... Я послѣдую вашимъ совѣтамъ... Скоро, скоро я объявлю себя русской императрицей, а Лизу, если она будетъ упорствовать съ замужествомъ, отдамъ въ монастырь...

Андрюша весь вздрогнулъ, встрепенулся. Дыханіе захватило у мальчика. Спазма стиснула горло.

— Скорѣе къ ней, къ цесаревнѣ! — вихремъ пронеслось въ его мысляхъ. — Надо сказать ей скорѣе, сказать все безъ утайки, какая ужасная опасность грозитъ ей!

И забывъ всякую предосторожность, мальчикъ выскользнулъ изъ своего угла, выбѣжалъ изъ комнаты и, промчавшись стрѣлою мимо изумленныхъ стражей, кинулся по пустымъ и темнымъ улицамъ домой. Не помня себя, домчался онъ до дворца цесаревны, вбѣжалъ въ сѣни и, ворвавшись въ комнату Мавры Егоровны, безъ церемоніи растолкалъ спящую фрейлину.

— Разбудите цесаревну сейчасъ же, сію минуту, матушка Мавра Егоровна! — произнесъ чуть живой отъ волненія мальчикъ.

— Что тебѣ, непутевый! Ишь, точно съ цѣпи сорвался, — недовольно заворчала та. — Второй Лестокъ

точно... Тотъ тоже по ночамъ, ровно оглашенный, мечется... Батюшки, да что съ тобой приключилось, молодчикъ? — взглянувъ попристальнѣе въ блѣдное, взволнованное лицо Андрюши, вскричала она. И все недовольство ея мигомъ пропало.

— Горе опять какое, што-ль?

— Горе и есть, Мавра Егоровна, буди цесаревну!

Та только заохала и бросилась исполнять желаніе Андрюши.

Прошло нѣсколько минутъ и въ горницу, быстрой и легкой походкой, вошла Елизавета.

— Что тебѣ, мальчикъ, какія еще злыя вѣсти принесъ ты съ собою?—спросила она, и замѣтная тревога открылась на ея красивомъ лицѣ.

— Цесаревна!.. матушка!.. солнышко!..—И прерывающимся голосомъ Андрюша разсказалъ все, что слышалъ въ горницѣ Зимняго дворца. Корона... правительница... принцъ Людвигъ Вольфенбютельскій... монастырь...—срывались съ его дрожащихъ устъ слова, непонятныя кому-бы то ни было другому, но вполнѣ ясныя Елизаветѣ. Она то хмурилась, то судорожно закусывала губы во время его разсказа. То яркая краска приливала къ ея нѣжнымъ щекамъ, то прекрасное лицо ея покрывалось смертельной блѣдностью. Когда Андрюша кончилъ свой разсказъ и взглянулъ на цесаревну, онъ не узналъ своей кроткой, ласковой «матушки». Лицо Елизаветы было грозно и величаво. Она вся выпрямилась, словно выросла въ этотъ мигъ.

— Богъ видитъ,—произнесла она раздумчиво и вѣско,—я не хочу употреблять насилія, не хочу причинять горя никому. И не опасенье заточенія въ монашескую келью заставитъ меня дѣйствовать. Нѣтъ. Но, не дай Боже, слова Анны сбудутся—Россія погибнетъ въ ея неумѣлыхъ, слабыхъ рукахъ или новые Бироны захватятъ ее въ свои руки. Нѣтъ! Довольно страданій и

слезъ! Прочь личныя, дружескія побужденія и чувства! Принцесса Анна погубитъ Россію и цесаревна Елизавета обязана спасти родину!

— Слава Богу! Надумалась, матушка! — всплеснула руками Мавра Шепелева.

— Да, Мавруша! Рѣшено теперь!.. — произнесла улыбаясь и блестя глазами цесаревна. — А теперь будите Лестока. Скажите ему, чтобы утромъ-же ѣхалъ къ Шетарди... Пусть скажетъ маркизу, что я принимаю его помощь. И да поможетъ мнѣ Богъ.

— Да поможетъ тебѣ Богъ, матушка, и будущая царица! — произнесла набожно Шепелева, крестя свою любимую госпожу.

— Царица? Нѣтъ, кто знаетъ, быть можетъ инокиня! — съ загадочной улыбкой произнесла Елизавета, но такъ тихо, что ни пажъ ея, ни вѣрная Мавруша не могли разслышать ея словъ.

ГЛАВА III.

Тайное собраніе.—Смерть шпіонамъ.—Бѣгство.—Мнимый капралъ.

ПОЗДНИМЪ ноябрьскимъ вечеромъ нѣсколько сѣрыхъ фигуръ, безотлучно дежурившихъ подъ окнами цесаревны, обратили вниманіе на двухъ молоденькихъ солдатъ, которые вышли съ задняго крыльца цесаревнинаго дома, робко оглядываясь кругомъ, прошмыгнули въ сосѣднюю улицу и скрылись въ темнотѣ. «Сѣрые кафтаны» пошли доложить объ этомъ офицеру Чичерину. Но тотъ только выругался на своихъ, не въ мѣру ревностныхъ, подчиненныхъ.

— Ну, вышли — такъ вышли, — сердито буркнулъ онъ, — мало что-ли ихъ съ задняго крыльца къ цесаревнѣ шляется. За всѣми не услѣдишь. Вонъ у нея полгвардіи кумовье, у того ребятъ крестила, у другого... Вы лучше, чѣмъ хорьковъ мнѣ вылавливать, лисицу-бы приволокли. Слышно, Лестокъ каждый вечеръ въ бабьемъ платьѣ въ французское посольство шляется. Вотъ если бы его накрыли, такъ самъ-бы его высочество принцъ Антонъ васъ за это наградилъ по-царски...

Но солдаты знали, что такую «лисицу» накрыть трудно, и отошли со вздохомъ отъ раздосадованнаго начальника, окончательно забывъ про «хорьковъ»... А «хорьки», спѣшно прошмыгнувъ мимо нихъ, быстро зашагали по улицѣ. Одинъ изъ нихъ былъ безусый

молодой капралъ въ гренадерской формѣ; другой—совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ—барабанщикъ.

— Ухъ, слава Богу! вынесла судьба!—проговорилъ младшій изъ спутниковъ.—Легко-ли! Промахнули подъ самымъ носомъ у шпіоновъ.

— Тс! Будь осторожнѣе!..

— Далеко они... не слышатъ...

— То-то, не слышатъ... А ты смотри, не забудь, капралъ Петровъ передъ тобою.

Маленькая, черезчуръ изящная для солдата, рука легла на плечо юнаго барабанщика.

— Ты помнишь пароль, который сказалъ намъ Лестокъ для входа?

— «Жизнь за цесаревну»,—безъ запинки отвѣчалъ юноша и, помолчавъ немного, добавилъ:—Но какъ это далеко! Дьявольски далеко отсюда... Боюсь я, что устанете вы!

— Да, не близко, мальчуганъ. Но чтобы увѣриться въ вѣрности и преданности своихъ друзей, можно пройти вдвое большее разстояніе.

— Такъ точно, господинъ капралъ!—произнесъ черноглазый барабанщикъ.

Дождь, мокрый снѣгъ и вѣтеръ слѣпили путникамъ глаза, но они бодро шли, съ усиліемъ вытаскивая ноги изъ жидкой грязи. Миновавъ рядъ мертвенно-тихихъ и таинственно-темныхъ улицъ, они вступили въ Рабочую Слободу. Здѣсь уже не было ни высокихъ зданій, ни роскошныхъ хоромъ сановниковъ. Маленькія избенки бѣдныхъ тружениковъ, выписанныхъ сюда со всѣхъ уголковъ Европы еще могучимъ Петромъ, попадались теперь на каждомъ шагу юнымъ солдатикамъ. Вотъ и ярко освѣщенная изба блеснула имъ въ глаза своими свѣтлыми окнами.

— Здѣсь!—произнесъ радостно капралъ.

— Здѣсь!—эхомъ откликнулся ему барабанщикъ.

И оба, быстро взбѣжавъ по ступенямъ крыльца, стали кулаками стучать въ дверь что было мочи. Пригожая, полная женщина отворила имъ дверь.

— «Жизнь за цесаревну!» — произнесъ твердымъ голосомъ юный барабанщикъ и, смѣло взглянувъ въ самые глаза женщины, спросилъ:

— Друзья уже собрались?

— Пожалуйте, господа! — произнесла женщина и повела ихъ въ сѣни. Здѣсь она быстро приблизилась къ какой то двери и ударила въ нее рукой три раза.

— Войдите во имя чести, храбрости и отваги! — послышался за дверью громкій голосъ

Юный барабанщикъ первый кинулся къ двери, распахнулъ ее, и оба друга очутились въ большой просторной комнатѣ, гдѣ вокругъ длиннаго стола сидѣло около тридцати гвардейцевъ-гренадеровъ.

— Здорово, братцы!—весело привѣтствовали юношей нѣсколько голосовъ

Свѣтъ фонаря, поставленнаго въ углу, на полу, слабо освѣщалъ лица собравшихся. Но, тѣмъ не менѣе, по всему было видно, что молодцы были подобраны одинъ къ одному и дышали мощью, силой и готовностью постоять за себя.

Молодые солдатики поклонились всему собранію и скромно усѣлись въ концѣ стола. Бесѣда, прерванная было ихъ появленіемъ, снова возобновилась. Въ другомъ концѣ длиннаго стола поднялся мужчина крупный, плотный, широкоплечій, съ энергичнымъ лицомъ и большими черными глазами.

— Братцы!—произнесъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ,—во имя цесаревны, прошу слова...

— Пусть говоритъ! пусть говоритъ!—послышались со всѣхъ сторонъ сильные голоса.

— Говори, братъ! Ты старше насъ всѣхъ и

слово за тобою!—произнесъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Говори, говори! Пусть говоритъ! — загудѣло снова со всѣхъ сторонъ.

— Государи мои!—откашлявшись, началъ молодецъ-гренадеръ съ черными, сверкающими отвагой, глазами.— Прошло уже три съ лишкомъ мѣсяца, какъ шведы подошли къ русскимъ границамъ. И что-же? Левенгауптъ взялъ Вильманстрандъ, шведы разбиты, Ласси и Рейтъ одерживаютъ мелкія побѣды. Воззваніе къ русскимъ, въ которомъ говорится о томъ, что шведы заключатъ миръ, лишь только цесаревна водворится на престолѣ, не имѣетъ силы... Брауншвейгскіе торжествуютъ. Принцесса Анна, съ помощью своихъ приверженцевъ, не сегодня-завтра, одѣнетъ на голову русскую корону. Въ городѣ слышно, что цесаревну хотятъ насильно выдать замужъ за брата принца Антона, Людовика, а если она будетъ противиться, грозятъ ей монастыремъ... Петрова дочка, русская цесаревна, ласковая матушка наша должна схоронить свою красоту въ нѣдрахъ монастырской кельи!.. А насъ, братцы, отошлютъ въ Выборгъ, всю гвардію, чтобы никто изъ насъ не могъ помѣшать правительницѣ...

— Не пойдемъ! Не пойдемъ въ Выборгъ, братцы! Останемся здѣсь! Постоимъ за матушку нашу!—раздались взволнованные голоса.

— Да, да, постоимъ за лебедку нашу! За ласковую, любящую свой народъ цесаревну!—вторили другіе.

— Не позволимъ отсылать насъ, братцы! Ишь что выдумали Брауншвейгскіе! Сплавить хотятъ насъ изъ столицы, а въ это время... Нѣтъ, не позволимъ совершить неправое дѣло! Валимъ, братцы, на утро къ государынѣ цесаревнѣ-матушкѣ: такъ молъ и такъ, родная, мочи нѣтъ видѣть твое посрамленіе, ослобони, разрѣши, дай постоять за тебя, красное солнышко наше...

— Да, да! Къ ней, цесаревнѣ! Гуртомъ! Просить,

умолять ее, принять корону русскую! — зашумѣло, загудѣло три десятка мощныхъ голосовъ.

И вдругъ звонкій, сочный, бархатистый голосъ покрылъ все остальное:

— А присяга? Вы забыли присягу, данную государю императору Ивану Антоновичу, братцы!

Это сказалъ молоденькій капралъ, сидѣвшій до сихъ поръ тихо и спокойно на концѣ стола.

Всѣ головы повернулись къ нему. Всѣ глаза впились въ дерзкаго, осмѣлившагося идти противъ другихъ.

Черноглазый молодецъ-гренадеръ вскинулъ на юношу своими сверкающими глазами.

— Мы присягали Ивану, это вѣрно ты сказалъ, молодчикъ; но Иванъ Антоновичъ незаконный наслѣдникъ престола. Не онъ долженъ царствовать, а цесаревна Елизавета, и присяга малюткѣ-императору была исторгнута у насъ силой. Да къ тому-же не онъ, а его родители будутъ владѣть престоломъ и нѣмцы, снова нѣмцы окружатъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

— Но цесаревна Елизавета слабая женщина. Что можно ожидать отъ женскаго царствованія? — снова заговорилъ молоденькій капралъ.

— Она дочь Петрова... Она цесаревна русская! — горячо подхватилъ противникъ. — Иль ты не видѣлъ ея, молодчикъ?... Видъ у нея царицы... Глаза — синіе, такъ и блещутъ умомъ... Поступь осанистая, царская... Одно слово — императрица! А кротость ея? А ласка ко всему русскому? А доброта? Кому-же, какъ ни ей, быть на престолѣ!

— А я слыхалъ, что она согласна выйти замужъ за принца Вольфенбюттельскаго! — снова произнесъ молодой капралъ, — и что за нею даетъ правительница Курляндію, Эстонію и Семигалію...

— Царевна Елизавета замужъ!? Да опомнись ты, малецъ! — послышались со всѣхъ сторонъ грубые го-

лоса...—Цесаревна одного жениха имѣетъ—Россію! Со своей родиной обручилась цесаревна на жизнь и на смерть. Никогда она не пойдетъ замужъ. Слишкомъ любитъ она свое отечество, чтобы покинуть его... Да и не оставитъ насъ цесаревна!

— Не оставитъ! Не оставитъ!—загудѣли голоса.

Но молоденькій капралъ не унимался. Онъ быстро вскочилъ со своего мѣста, вспрыгнулъ на скамью и заговорилъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Все это одинъ разговоръ, братцы! Послѣзавтра все одно всѣ вы должны будете покинуть Петербургъ и отправиться въ Выборгъ, какъ будто на шведа, а въ это время принцесса Анна провозгласитъ себя императрицей и никто и слова не посмѣетъ сказать...

— Врешь! Этому не быть! Понимаешь, не быть!—сердито закричалъ, ударяя кулаками по столу, черноглазый ораторъ, вытягиваясь передъ молоденькимъ капраломъ во весь свой богатырскій ростъ.—Да ты что, стоишь за Анну, что-ли?—вдругъ грозно наступилъ онъ на юношу.

— И впрямь онъ точно стоитъ за правительницу!—послышались голоса.—Обманно проникъ сюда, значитъ... Шпіонъ онъ вѣрно... Пронюхали, знать, Брауншвейгскіе и подослали къ намъ шпіоновъ, братцы,—послышался сдержанный шопотъ то здѣсь, то тамъ.

— Шпіоны! Шпіоны и есть!—подхватили нѣсколько голосовъ.

Юный барабанщикъ схватилъ за руку капрала.

— Идемъ!—шепнулъ онъ ему чуть слышно.—Здѣсь намъ оставаться не безопасно!... Идемъ, идемъ скорѣе!

Вокругъ были суровыя, угрожающія лица. Сверкающіе взоры горѣли гнѣвомъ. Руки сжимались въ кулаки.

— Смерть шпіонамъ! Ихъ подослали Брауншвейгскіе!—еще разъ зычно выкрикнулъ богатырь-гренадеръ.

Пользуясь замѣшательствомъ и суматохой, которыя вызвалъ этотъ возгласъ, юный капралъ быстро кинулся къ двери; за нимъ послѣдовалъ тотчасъ-же барабанщикъ. Оба они юркнули въ сѣни, оттуда на крыльцо и въ три прыжка очутились на улицѣ. Но черноглазый гренадеръ замѣтилъ ихъ исчезновеніе и пустился вдогонку.

— Нѣтъ, братъ, шалишь, не уйдешь такъ легко изъ нашихъ рукъ!—вскрикнулъ онъ, одною рукою хватая капрала за плечо, другою обнажая свою саблю.

— Остановись, безумецъ!—прозвучалъ испуганный голосъ барабанщика.—Передъ тобою цесаревна Елизавета!

И юный барабанщикъ повисъ на поднятой уже кверху рукѣ гренадера.

Тотъ вскрикнулъ, подался впередъ, заглянулъ въ лицо капрала и тяжело рухнулъ на колѣни, бросая саблю.

Во время схватки, у капрала упала шляпа съ головы и при свѣтѣ выплывшаго изъ-за тучъ мѣсяца черноглазый богатырь могъ увидѣть знакомые, прекрасные синіе глаза и золотистые локоны той, во имя которой онъ только что хотѣлъ нанести мнимому шпіону смертельный ударъ.

— Матушка! Ваше высочество! Казнить меня мало!—вскричалъ гренадеръ, кланяясь въ ноги мнимому капралу.—Какъ могъ я не узнать сразу вашего высочества! Какъ осмѣлился поднять руку на васъ!..

— Не казни, а награды ты достоинъ, храбрецъ!—произнесла ласково цесаревна.—Не виноватъ ты, что не призналъ меня въ капральскомъ мундирѣ. А что касается меня, то я явилась среди васъ переодѣтая капраломъ, чтобы самой убѣдиться вполнѣ въ готовности моихъ славныхъ гренадеръ постоять за свою

цесаревну. И теперь я спокойна: я знаю, что мои гренадеры всѣ, какъ одинъ человѣкъ, постоятъ за меня!..

— Постоимъ, матушка! Умремъ за тебя!—произнесъ пылко солдатъ.

— Спасибо, голубчикъ! Вскорѣ вы понадобитесь мнѣ, и ты, и товарищи твои,—произнесла Елизавета.

— Располагай нами, матушка! да скорѣе! Ждемъ не дождемся... Слышь, гонятъ насъ въ Выборгъ на шведа...

— Ждите меня на-дняхъ!—шепнула Елизавета и, кивнувъ ласково головою все еще не поднявшемуся съ колѣнъ солдату, позвала барабанщика:—идемъ, Андрюша. Пора! Я все узнала, что хотѣла, и теперь готова на все.

И мнимый капралъ вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ пажомъ скрылись въ темнотѣ улицы.

Гренадеръ долго не могъ опомниться. Дивное видѣніе давно уже исчезло, а онъ все еще стоялъ на колѣняхъ.

«Что это? Сонъ ли это былъ, аль нѣтъ?»—думалъ бравый солдатъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не сонъ!—весело воскликнулъ онъ и побѣжалъ обратно, чтобы разсказать товарищамъ, кого онъ принялъ за шпіона.

ГЛАВА IV.

Часъ пробилъ!

Итакъ, насталъ рѣшительный день!—произнесла цесаревна, просыпаясь рано утромъ и нервно потягиваясь въ своей постели.—Сегодня должно все свершиться!.. Больше ждать нельзя!..

Событія складывались такъ, что медлить съ исполненіемъ плана, задуманнаго окружавшими Елизавету ея приверженцами, значило погубить все дѣло. Во дворцѣ Анны Леопольдовны уже давно подозрительно смотрѣли на Елизавету и на ея близкихъ. Сама Анна, долго не вѣрившая въ возможность какого-либо заговора со стороны цесаревны, тоже стала подозрительнѣе относиться къ Елизаветѣ. Наканунѣ чуть не арестовали друга цесаревны, Лестока, а на послѣднемъ куртагѣ правительница холодно и рѣзко запретила Елизаветѣ принимать Шетарди, заподозривъ, что французскій посланникъ сообщникъ цесаревны. Вопросъ объ отправкѣ въ Выборгъ преданныхъ Елизаветѣ гвардейцевъ, какъ узнала цесаревна отъ нѣсколькихъ тайно ночью пробравшихся къ ней офицеровъ, былъ окончательно рѣшенъ. А вѣдь вся надежда Елизаветы на гвардію! Значитъ медлить больше немыслимо!

Цесаревна уже давно сознавала необходимость силою завоевать корону, принадлежащую ей по праву, одной ей. И когда наканунѣ, на куртагѣ, Анна съ несвойственной ей строгостью сказала:—«Ты должна

выйти замужъ, Лиза, и уѣхать изъ Россіи, чтобы положить конецъ всѣмъ сплетнямъ!»—цесаревна рѣшила, что настало время—ея время...

Ей жаль Анюту, эту милую, лѣнивую, безалаберно безпечную Анюту, которую она должна лишить престола. Но что-же дѣлать! Россію еще болѣе жаль ей... А Россія погибаетъ въ рукахъ разныхъ иностранцевъ-проходимцевъ, корыстныхъ совѣтниковъ слабой и безвольной правительницы. Елизавета чувствуетъ въ себѣ силы удалить всѣхъ ихъ и отдать себя на служеніе святому дѣлу обновленія изстрадавшейся родины. О, она поднимете на недосягаемую высоту милое, дорогое ей отечество! Она покроетъ ее прежнимъ могуществомъ временъ Преобразователя-Царя!

И при одной мысли объ этомъ цесаревна вскочила съ постели, чувствуя себя бодрой, предпріимчивой, смѣлой...

Вошла Мавра Егоровна съ кружкой горячаго сбитня на подносѣ, съ горячимъ караваемъ только что испеченнаго бѣлаго хлѣба.

— Сегодня, Мавруша! Сегодня нашъ день!—вскричала весело Елизавета и звонко чмокнула подругу.

Мавра Егоровна удивленно вскинула на нее глазами.

«Батюшки-свѣты, да чего она радуется словно шальная!—подумала вѣрная фрейлина,—вѣдь какъ еще съ рукъ сойдетъ... Можетъ и корона ее ждетъ, а можетъ и клобукъ иноческій! А чего добраго и казнь!»

И дѣвушка вздрогнула, вспомнивъ о томъ, что, на худой конецъ, можетъ ожидать ея «золотую цесаревну». Но она ни однимъ словомъ не выказала своего волненія и быстро стала одѣвать свою госпожу.

Весь этотъ день прошелъ въ какомъ-то мучительномъ ожиданіи. Онъ тянулся безконечно, этотъ долгій, какъ вѣчность, осенній день...

Когда стало смеркаться, въ пріемную горницу при-

несли свѣчи и цесаревна принялась играть въ карты съ братьями Шуваловыми и Воронцовымъ. Игра была затѣяна нарочно, дабы слѣдившіе за каждымъ шагомъ цесаревны шпіоны не могли допустить и мысли о томъ, что въ эту ночь задумано выполненіе смѣлаго заговора. Но сегодня не везло Елизаветѣ, она поминутно дѣлала промахи. Впрочемъ и ея партнеры отличались не меньшей разсѣянностью.

А на дворѣ шелъ снѣгъ, пѣла мятелица и въ окна смотрѣлъ студеный ноябрьскій вечеръ.

Въ самый разгаръ игры скрипнула дверь. Всѣ вздрогнули невольно.

«Не открытъ-ли замыселъ и не явились-ли за ними, чтобы тащить въ тюрьму всѣхъ, не исключая и цесаревны?..»—мелькнуло въ головѣ играющихъ.

Вошла запушенная снѣгомъ фигура въ старомъ, рваномъ полушубкѣ и валенкахъ. Это былъ Лестокъ.

— Что за маскарадъ?—невольно разсмѣялся Петръ Шуваловъ.

— Нельзя... слѣдятъ... Этотъ дьяволъ Чичеринъ днюетъ и ночуетъ около моей квартиры, стараясь знать каждый шагъ, который я дѣлаю... Думалъ не уйти... Но Богъ помогъ...

— Вы были у казармъ, докторъ?—съ кажущимся спокойствіемъ спросила Елизавета.

— Да, принцесса... Все тихо снаружи... Но ваши молодцы работаютъ во-всю... Я слышалъ разговоръ подъ окномъ... Произносилось ваше имя... И если-бъ вы знали, ваше высочество, какой вѣрой, какой теплой надеждой на васъ горятъ всѣ эти солдатскія сердца!

— Но я ужасно боюсь за нихъ... По городу ходятъ шпіоны...—въ волненіи произнесла Елизавета.

— О, ваше высочество, не безпокойтесь! Когда «шпіоны» пойдутъ съ доносомъ, «тамъ» уже все будетъ

кончено! — съ тонкой усмѣшкой значительно произнесъ Лестокъ, указывая жестомъ на Зимній дворецъ.

Въ горницѣ воцарилось молчаніе. Слышно было только, какъ шуршатъ карты, падая на столъ, подъ руками играющихъ, и какъ вѣтеръ жалобно завываетъ подъ окномъ.

— Жутко! — проговорила Мавра Егоровна, ежась и кутаясь въ платокъ.

— Полно, что за жутко! Смѣлымъ Богъ владѣетъ, — произнесъ Воронцовъ и весь, повидимому, углубился въ игру.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты понеслась, зазвучала нѣжная мелодія... О буйныхъ запорожскихъ набѣгахъ говорила она, о былой удали казаковъ-удальцовъ, о львиной храбрости атамана Батаки. Эту пѣсню сложила Украйна въ память славной Запорожской Сѣчи и эту пѣсню пѣлъ въ эту ночь догадливый Алеша Разумъ...

Цесаревна вся поддалась очарованію чудной пѣсни. Хвалебный гимнъ, сложенный въ честь могучихъ храбрецовъ, заставилъ ее задуматься глубоко-глубоко... Вотъ если смѣлый замыселъ удастся, кто знаетъ, можетъ быть, и въ честь ея сложится такая же дивная, какъ и эта, хвалебная пѣснь!..

Но вотъ пѣсня оборвалась. Бандура стихла. Не слыхать больше голоса Разума... Снова скрипнула дверь и снова всѣ вздрогнули и переглянулись. На порогѣ появилась стройная, граціозная фигура пажа.

— Пора! — произнесъ мальчикъ, — ты приказала ровно въ 11-ть часовъ напомнить тебѣ про время. Теперь одиннадцать. Пора ѣхать... государыня-царица!

Государыня-царица!

Благодаря какому счастливому случаю обмолвился этотъ милый юноша? Или это пророчество, вложенное самимъ Богомъ въ полудѣтскія уста?

Что бы ни было, но оно даетъ увѣренность, силы.

Цесаревна встала. За нею встали остальные.

— Пойдемъ въ спальню, Мавруша. Не хочется мнѣ оставаться одной. Я пойду молиться.

И легкой, спѣшной поступью Елизавета вышла изъ гостиной.

Суровый ликъ угодника, милостивыя, скорбно кроткія очи Спасителя и Божья Матерь съ всеобъемлющей любовью въ лицѣ—вотъ что встрѣтилъ взглядъ цесаревны въ небольшой уютной спальнѣ, гдѣ ей такъ часто снились золотые сны и гдѣ приходилось переживать тяжелую горькую дѣйствительность.

Елизавета упала на колѣни и подняла глаза на кіотъ.

— Господи! Помоги мнѣ, мой Боже! Ты видишь, не по злобѣ на враговъ, а изъ любви къ родинѣ замышляю я свое страшное дѣло,—шептала она.—Дай же мнѣ силы довести мой замыселъ до конца, Боже! И если мнѣ суждено погибнуть, великій милосердный Господь, пусть я погибну одна, но не карай другихъ, безвинныхъ...

И синіе глаза цесаревны наполнились слезами... Онѣ потекли по щекамъ, падали на высокую и бурно вздымавшуюся грудь ея, мочили коверъ спальни.

— Спаси, сохрани, помоги, помилуй!—лепетали поблѣднѣвшія губы Елизаветы.

Но вотъ она встала съ колѣнъ. Яркой надеждой горѣли теперь ея синія очи. Необычайная кротость милой улыбкой разлилась по лицу.

— Пойдемъ! Я готова, Мавруша!—произнесла тихо-тихо цесаревна,—проводи меня!

— Стой, милая, стой, родная моя!—послышался не прежній грубый, а грудной и странно размягченный голосъ Мавры.—Дай я по-своему провожу тебя... Вѣдь одна ты, одна на свѣтѣ, сиротка ты моя! И некому

тебя благословить на великій, но опасный замыселъ въ эту минуту... Дай-же твоей вѣрной Маврѣ перекрестить тебя, пожелать тебѣ всего лучшаго, бѣдная ты моя!

И прежде чѣмъ опомнилась Елизавета, Мавра Егоровна быстро обняла ее одной рукой, осѣнила другою широкимъ крестнымъ знаменіемъ и, поцѣловавъ въ обѣ щеки, прошептала:

— Теперь съ Богомъ! Поѣзжай цесаревной, Лиза, моя прежняя маленькая родная подружка, а возвращайся русской императрицей Елизаветой! А я тутъ помолюсь за тебя. За тебя... за всѣхъ!

Что-то стѣснило грудь цесаревнѣ, тяжелый клубокъ подкатилъ ей къ горлу. Хотѣлось разрыдаться навзрыдъ, хотѣлось выплакать всѣ свои слезы на преданной, любящей груди подруги, но время не ждало. Изъ гостиной долетали нетерпѣливые шаги Лестока и зовущіе ее голоса.

Быстрыми шагами вышла изъ спальни цесаревна и спокойная, безъ тѣни недавняго трепета, приближалась къ своимъ друзьямъ.

— Кирассу мнѣ! — послышался ея повелительный голосъ.

Андрюша кинулся во внутренніе покои и черезъ минуту появился снова съ тяжелой металлической кирассой, которую ловко и быстро надѣлъ на свою повелительницу. Его глаза такъ и слѣдили за нею, такъ и впивались въ ея лицо.

— Что тебѣ, молодчикъ? — поймавъ нечаянно этотъ молящій взглядъ, спросила Елизавета.

— Возьми меня, возьми съ собою, государыня! — прошепталъ юноша-пажъ.

— Ты не знаешь, чего просишь, дитя! — проговорила съ горькой улыбкой цесаревна. — Судьба своенравна и капризна. Можетъ быть всѣхъ насъ ждетъ вѣрная смерть впереди!

— Такъ что-же? Неужели ты не позволишь мнѣ умереть съ тобою?—пылко проговорилъ Андрюша и съ такой беззавѣтной преданностью, съ такой безконечной любовью взглянулъ въ синіе глаза цесаревны, что та не могла ему противорѣчить больше.

— Будь что будетъ, я не разлучусь съ тобою, мой милый, милый мальчикъ!—произнесла она тихо и крѣпко обняла его.

Андрюша съ безумнымъ восторгомъ и благодарностью взглянулъ на цесаревну.

Всѣ двинулись въ сѣни, но на порогѣ цесаревна остановилась внезапно, вынула изъ-подъ кирассы золотой крестъ и произнесла какимъ-то новымъ, вдохновеннымъ голосомъ:

— Быть можетъ сегодня придется пролить кровь изъ-за меня... Но будьте вы всѣ свидѣтелями моей клятвы: если Господь Милосердный поможетъ мнѣ занять родительскій престолъ, клянусь именемъ Господа не подписывать ни одного смертнаго приговора во всю мою жизнь...

И сказавъ это, она поцѣловала крестъ и вся трепещущая вышла на крыльцо и сѣла въ ожидавшія ее тамъ сани.

Къ главѣ V.

Лестокъ сильнымъ ударомъ прокололъ кожу на барабанѣ...

ГЛАВА V.

Роковой шагъ.—Всѣ за тобою!—Тревога.

БЫСТРО скользили сани по рыхлому снѣгу, тихо поскрипывая полозьями. Морозное небо, усѣянное звѣздами, улыбалось теперь ласково и кротко. Мятель улеглась, вѣтеръ стихъ.

Сани неслись едва видимымъ призракомъ по сонным улицамъ молодого Петрова города. Цесаревна, чуть дыша отъ охватившаго ее волненія, сидѣла рядомъ съ Лестокомъ; впереди ее занимали мѣсто Воронцовъ и юный пажъ, взоръ котораго не покидалъ ни на минуту лица Елизаветы. Братья Шуваловы стояли на запяткахъ.

Какъ сонъ промчались сани мимо оторопѣвшихъ «сѣрыхъ камзоловъ», выскочившихъ было изъ караулки и не понявшихъ спросонья кто, куда промчался и зачѣмъ? Пронеслись сани мимо Лѣтняго сада и Адмиралтейской крѣпости и остановились неподалеку отъ маленькихъ домиковъ, разбросанныхъ по полю и составлявшихъ казармы Преображенскаго полка. Вотъ и огромная съѣзжая изба. Яркій огонекъ горитъ въ ея окнахъ.

Лестокъ первый вышелъ изъ саней, Андрюша за нимъ. Отстегнули полость, помогли выйти цесаревнѣ. Братья Шуваловы соскочили съ запятокъ. Елизавета, по протоптанной до самаго крыльца снѣжной тропинкѣ, прослѣдовала къ съѣзжей.

Вотъ она поднялась по широкимъ ступенямъ и взялась за скобку двери.

«Сейчасъ! Сейчасъ! — усиленно выстукивало ея сердце. — Сейчасъ! Сейчасъ начнется!» — клокотало что-то въ ея груди.

Тяжелая дубовая дверь сразу поддалась подъ нѣжной рукой Елизаветы. Цесаревна вошла, прижимая крестъ къ груди обѣими руками.

Горница была полна солдатъ. Мундиры, мундиры и мундиры. Очевидно, цесаревну ждали, потому что, когда появилась она, свѣжая, взволнованная, прекрасная, съ лучистымъ сіяніемъ въ глазахъ, все слилось въ одномъ сплошномъ, радостномъ гулѣ:

— Матушка!.. Цесаревна наша!.. Лебедка!.. Солнышко красное!

И всѣ загрубѣлыя солдатскія лица улыбались на встрѣчу Елизаветѣ просвѣтленными дѣтскими улыбками. Сильныя руки тянулись къ ней. Они хватали край ея платья, подносили къ губамъ. Слезы навертывались на смѣлые глаза, текли по мужественнымъ лицамъ, видѣвшимъ не одну битву, не одинъ тяжелый походъ. Вѣрою, безконечной преданностью сіяли честные, отважные взоры...

Къ бывшимъ уже въ горницѣ присоединялись все новые и новые товарищи. Скоро изба была биткомъ набита гренадерами.

Цесаревна сдѣлала знакъ и все смолкло. Лишь изрѣдка затаенный вздохъ нечаянно вздымалъ отважную грудь, да брякала чуть слышно ненарокомъ подвернувшаяся сабля...

И вотъ знакомый и безконечно милый всѣмъ этимъ мужественнымъ людямъ голосъ звучно и громко произнесъ:

— Ребята, помните, чья я дочь? Хотите идти за мною?

— Веди насъ! Веди! Мы всѣ готовы умереть за тебя!—однимъ сплошнымъ, могучимъ гуломъ отвѣтили солдаты.

— Клянитесь служить мнѣ вѣрой и правдой, какъ служили моему отцу!—снова громкимъ голосомъ произнесла Елизавета, поднимая крестъ передъ собою.

Шляпы въ одинъ мигъ полетѣли на-земь.

— Клянемся! Всѣ клянемся!—однимъ общимъ звукомъ отвѣчали гренадеры и, набожно крестясь, стали подходить къ кресту.

Когда обрядъ присяги кончился, цесаревна сказала:

— Идемъ, вѣрные мои гренадеры, идемъ съ Богомъ, избавить Русь отъ враговъ!

— Веди насъ, веди, матушка-цесаревна! Мы всѣхъ ихъ перебьемъ!—снова гаркнули молодцы-гренадеры.

— Нѣтъ, я не желаю кровопролитія, убійства, и если вы прольете напрасно хоть одну каплю крови, я не иду съ вами!—произнесла рѣшительно цесаревна.—На императорской коронѣ, которую дочь Великаго Петра надѣнетъ на свою голову, не должно быть крови!..

— Приказывай, цесаревна, мы все исполнимъ, какъ ты велишь!—раздалось въ отвѣтъ.

Въ немногихъ словахъ цесаревна разъяснила солдатамъ, что имъ предстоитъ дѣлать, отдѣлила часть гренадеръ и приказала имъ идти арестовать Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольде и Мегдена, остальнымъ же гренадерамъ приказала слѣдовать за собою.

— А теперь,—заключила она,—съ Богомъ! Да поможетъ вамъ всѣмъ Господь совершить великое дѣло на пользу и славу нашей дорогой родины!

Сказавъ это, цесаревна осѣнила низко склонившихъ свои головы солдатъ крестомъ и быстрой походкой направилась къ стоявшимъ на дворѣ санямъ.

Солдаты поспѣшили за ней и бѣгомъ пустились по сторонамъ, стараясь не отстать отъ саней ни на шагъ.

Луна въ это время спряталась за облака и темнота заволокла сонный городъ.

Услышавъ тяжелое дыханіе своихъ бѣгущихъ друзей, Елизавета приказала остановить сани.

— Матушка, что ты хочешь дѣлать?—послышались взволнованные голоса.

— Идти вмѣстѣ съ вами!—бодро прозвучалъ ея бархатный голосъ.

И она легко и быстро выпрыгнула изъ саней и бодро зашагала впереди толпы гренадеръ.

— Вы устанете, государыня... Обопритесь на меня,— прошепталъ подлѣ нея звонкій, молодой голосокъ.

Цесаревна скорѣе почувствовала, чѣмъ увидѣла того, кто очутился подлѣ.

— Это ты, мой мальчикъ?—произнесла она ласково и положила свою мягкую, нѣжную руку на плечо Андрюши.

— Господи! Дай мнѣ умереть за нее! Дай мнѣ умереть за нее, Господи! Я ничего не прошу у Тебя больше! — шептали во тьмѣ дрожащія губы юнаго пажа.

Шествіе быстро подвигалось впередъ. Посреди своихъ вѣрныхъ гренадеръ шла, тяжело переступая въ грязномъ снѣгу, цесаревна. Ея маленькія ножки едва успѣвали за ихъ большими сильными ногами, привыкшими къ походамъ. Къ тому же тяжелая кирасса затрудняла движеніе. Все тише и тише двигалась впередъ цесаревна.

— Нѣтъ! Не могу больше! Я слишкомъ устала!— произнесла она наконецъ чуть слышно.—Такъ мы не скоро дойдемъ.

— Матушка, дозволь поднять тебя на руки!—послышался чей-то голосъ и въ одинъ мигъ солдаты бережно подняли съ земли хрупкую, дорогую ношу и на своихъ сильныхъ плечахъ понесли ее дальше.

Такъ прошли темную улицу, затѣмъ какой-то закоулокъ.

Вотъ и окна Зимняго дворца. Ни единаго огонька нѣтъ въ нихъ. Видно, всѣ спятъ и не чуютъ приближающейся бѣды. Только въ караульнѣ свѣтъ.

Елизавета приказала нести себя прямо туда.

Еще нѣсколько минутъ и гренадеры бережно опустили на землю цесаревну около самаго входа въ караульный домъ.

Громкій крикъ неожиданности вырвался изъ груди десятка солдатъ, находящихся тамъ, когда вдругъ распахнулась дверь и на порогѣ показалась закутанная въ шубу цесаревна. Одинъ изъ караульныхъ схватилъ было барабанъ и забарабанилъ въ него что есть мочи.

Но въ тотъ же мигъ Лестокъ вынулъ кинжалъ изъ ноженъ и сильнымъ ударомъ прокололъ кожу на барабанѣ. Барабанъ сразу затихъ.

— Связать его! — кивнулъ онъ на поднявшаго тревогу солдата. Нѣсколько гренадеръ въ одну минуту исполнили приказаніе лейбъ-медика цесаревны.

— Ребята!—пронесся мелодичной музыкой подъ сводами караульни голосъ Елизаветы, обращенный къ караульнымъ солдатамъ,—ребята, я зову васъ служить мнѣ вѣрой и правдой. Согласны-ли вы?

— Цесаревна! Матушка наша! Это ты? — раздались одиночные голоса.—Прости, не распознали, матушка! Горленка наша, мы всѣ за тобою!

И караульные рухнули всѣ на полъ, земно кланяясь «матушкѣ».

Темными, длинными залами, гдѣ царствовала зловѣщая тишина, шла цесаревна впереди своихъ вѣрныхъ тѣлохранителей-гренадеръ. Рядомъ съ нею шелъ, ни на шагъ не отставая, Андрюша.

Вотъ еще, еще немного и они у цѣли.

Вдругъ юный пажъ замеръ отъ неожиданности.

Онъ своимъ зоркимъ взглядомъ замѣтилъ закрытую дверь, изъ-подъ которой пробивался свѣтъ. Андрюша узналъ эту дверь и вспомнилъ, что въ комнатѣ за этой дверью помѣщался неотлучно дежурившій въ аппартаментахъ Анны Леопольдовны его отецъ. За этой дверью была другая, которая вела въ спальню правительницы и ея сына-императора. Что-то болѣзненно заныло въ груди мальчика... Какое-то темное предчувствіе сжало ему сердце...

Минута—и дверь безшумно отворилась.

— Кто здѣсь?—послышался громкій возгласъ, въ которомъ Андрюша сразу узналъ голосъ отца.

— Сдавайтесь! Дайте вашу шпагу!—послышался другой голосъ, нѣжный и сильный въ одно и то же время.—Государыня Елизавета Петровна требуетъ покорности!

— Я знаю одного только государя Ивана Антоновича!—отвѣчалъ Долинскій и, быстро выхвативъ шпагу изъ ноженъ, взмахнулъ ею.

Дикій крикъ огласилъ внезапно комнату и... шпага Юрія со звономъ упала на полъ. Передъ нимъ, какъ изъ-подъ земли, выросъ чернокудрый мальчикъ съ пламенными глазами.

Андрюша бросился впередъ, чтобы получить ударъ, предназначенный для цесаревны.

Глаза Долинскаго, почти обезумѣвшіе отъ ужаса, впились въ лицо сына. Онъ пошатнулся, отпрянулъ назадъ.

Все это длилось одно лишь мгновеніе. Гренадеры быстро подскочили къ Юрію, схватили его за руки, зажали ротъ, связали.

Долинскій не противился. Онъ ослабъ теперь какъ ребенокъ. Вся его мысль была занята однимъ: еще минута и онъ бы могъ нечаянно пронзить того, кто ему былъ дороже всего въ мірѣ. И переведя глаза съ

Андрюши на стоявшую передъ нимъ стройную фигуру въ кирассѣ, онъ только теперь узналъ ее и понялъ все.

Цесаревна Елизавета сдѣлала знакъ своимъ спутникамъ и, приблизившись къ двери, которая вела въ слѣдующую комнату—спальню правительницы—подняла тяжелую портьеру.

ГЛАВА VI.

Розовые сны и черная дѣйствительность.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА Анна Леопольдовна въ этотъ вечеръ легла спать очень поздно. Она долго сидѣла передъ зеркаломъ и въ то время, какъ одна изъ камеръ-фрейлинъ тщательно расчесывала ей при свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей ея волнистые густые волосы, безъ умолку болтала съ Юліаной.

— Какая ты хорошенькая стала, Анна, за послѣднее время!—произнесла молоденькая баронесса, когда дежурная фрейлина, окончивъ прическу, ушла.

— Ты находишь, Юліана?—отвѣтила вопросомъ Анна Леопольдовна и прибавила:—это вѣроятно потому, что теперь у насъ все тихо и спокойно и я уже не боюсь такъ за будущее... Даже мой трусливый супругъ поуспокоился немного... Онъ созналъ, что опасаться намъ нечего... Кстати, вчера вновь приходилъ Головкинъ и опять совѣтовалъ мнѣ объявить себя императрицею и выпустить объ этомъ манифестъ въ день моего тезоименитства... У Остермана даже готовъ уже этотъ манифестъ. Остается только скрѣпить его моей подписью, и я стану императрицею Россіи!

— И славно же мы повеселимся въ день твоего коронованія!—весело воскликнула Юліана и даже въ ладоши захлопала по старой дѣтской привычкѣ.

— Когда я стану императрицей, то...—начала опять Анна, но легкій стукъ въ дверь заставилъ ее замолчать.

— Кто тамъ?—звонко крикнула Юліана.

— Это я, принцъ Антонъ. Мнѣ нужно сказать моей супругѣ два слова...

— А нельзя ихъ сказать завтра, эти два слова, ваше высочество?—весело откликнулась Анна.

— Не время теперь смѣяться!—послышался уже явно раздраженный голосъ на порогѣ, и принцъ Брауншвейгскій стремительно вошелъ въ комнату.

— Сейчасъ былъ у меня Левенвольде,—безъ всякаго вступленія началъ принцъ,—онъ говоритъ, что въ гренадерскихъ казармахъ неспокойно, что принцесса Елизавета...

— О, какъ вы мнѣ всѣ надоѣли съ принцессой Елизаветой!—раздраженно вскричала Анна.—Вѣдь я уже поссорилась съ Лизой благодаря стараніямъ всѣхъ этихъ Остермановъ, Левенвольде, Головкиныхъ...

— Да, но она опять... Левенвольде получилъ свѣдѣнія о какомъ-то заговорѣ...—начиная усиленно заикаться отъ волненія, лепеталъ принцъ.

— Опять заговоръ!.. Сколько разъ я это слышу... Точно нарочно пугаютъ... Я увѣрена, что все это пустяки... Никакого заговора нѣтъ... На Елизавету напрасно наговариваютъ... И потомъ, что говорить о заговорѣ, когда уже рѣшено выдать Лизу замужъ...

— Но она не выйдетъ!

— Ну, тогда удалимъ ее...

— Въ монастырь?—подхватилъ принцъ.—Ужъ скорѣе-бы постригли ее!.. А то буквально у меня нѣтъ ни минуты покоя. Какое-то предчувствіе подсказываетъ мнѣ, что не сегодня—завтра она, со своими приверженцами, выкинетъ что-нибудь... Но я боюсь не за себя, нѣтъ,—прибавилъ принцъ,—а за нашихъ дѣтей...

— Постримемъ ее хоть завтра, если вы находите,

что это надо для благополучія нашихъ дѣтей, — прервала Анна Леопольдовна, — а пока спокойной ночи, мой другъ. Юлія и я умираемъ отъ усталости.

— А какъ же Левенвольде? Что ему сказать? Онъ заставилъ меня непремѣнно переговорить съ тобою... — заикнулся было принцъ.

— Отошлите спать вашего Левенвольде и пожелайте ему спокойной ночи! — весело заключила принцесса, подставляя мужу щеку для поцѣлуя.

Принцъ Антонъ поцѣловалъ жену, поклонился Юліанѣ и ушелъ изъ комнаты, бормоча что-то себѣ подъ носъ о безпечности своей супруги.

— А теперь спать! Спать! Спать! — весело вскричала Анна и, быстро раздѣвшись, бросилась съ размаха въ свою пышную постель и, какъ въ волнахъ, провалилась въ лебяжьей перинѣ.

— Славно! — проговорила она, окинувъ счастливымъ взглядомъ Юліану, улегшуюся неподалеку на мягкой софѣ.

Давно уже Анна Леопольдовна не была такъ довольна и собою, и окружающими, какъ въ этотъ вечеръ. И ей все нравилось. И эта пышная, мягкая постель, и ласковый полусвѣтъ въ комнатѣ, и легкое посапыванье маленькаго Иванушки, сладко спавшаго въ своей золотой, царской кроваткѣ... Она съ удовольствіемъ протянулась въ постели и вся отдалась своимъ грезамъ. Вскорѣ грезы эти перешли въ дрему, дрема въ сонъ, крѣпкій и пріятный...

Мягкій свѣтъ ночника по-прежнему тихо обливаетъ комнату; Иванушка по-прежнему чуть посапываетъ и вкусно чмокаетъ губами во снѣ, а его маленькая сестра, недавно родившаяся дочь Анны Леопольдовны, принцесса Екатерина, отъ времени до времени шевелилась въ своей люлькѣ. Правительница вся поддалась тихому сну, навѣявшему на нее сладкія грезы.

И снится молодой принцессѣ, что не правительница она больше, не будущая императрица, а крошечная Христинька-малютка. И живетъ она съ матерью въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, у своей бабушки, вдовы-царицы Прасковьи Ѳедоровны... Много всякаго народу во дворцѣ бабушки: все больше странники, да юродивые, да Божьи люди... А рядомъ съ ними—дурки, шутихи, карлы, калмычки... Бабушка очень любитъ и тѣхъ, и другихъ, цѣлые дни съ ними проводитъ... И садъ у бабушки большой... Водятъ туда Христю мамушки да нянюшки...

Вотъ и сейчасъ привели, посадили на лавочкѣ подъ душистою яблоней... Ахъ, хорошо!.. Солнце печетъ, пригрѣваетъ. Старая «мама» пѣсню мурлыкаетъ, а кругомъ букашки да мушки, то съ зеленой спинкой, то съ краснымъ брюшкомъ. Хочется поймать хоть одну букашку—да лѣнь какъ-то... Руки не поднимаются. Дремота одолѣваетъ. Такъ бы и уснула... А вонъ бабушка, важная, строгая, идетъ по дорожкѣ... Со всѣми она строгая, а съ ней, Христей, ласковая, добрая, какъ ангелъ. Увидѣла ее, приближается къ ней, остановилась, наклоняется.

— Что это, никакъ спишь, внучка? Среди бѣла дня-то?! А и соня же ты у меня!.. Стыдно, стыдно, проснись скорѣе!..

И бабушка тормошитъ ее за плечо своей нѣжной, пухлой рукою...

И кажется Христѣ, что сама она вдругъ становится все меньше и меньше подъ пухлой рукой бабушки и совсѣмъ стала маленькая, какъ тѣ пестрые жучки и букашки. И спинка у нея, какъ и у нихъ, красненькая и щупальцы выросли, и крылья. Окружили ее со всѣхъ сторонъ букашки, кружатся подлѣ и чуть слышно будто стрекочутъ, словно кузнечики:

— Полно спать! Пора вставать, сестрица!

И все громче этотъ пискъ, все звучнѣе. Ужъ это не кузнечики стрекочутъ, а будто людскимъ голосомъ, повелительнымъ, строгимъ звучитъ надъ самымъ ея ухомъ:

— Пора вставать! Пора вставать, сестрица!

ГЛАВА VII.

Арестъ Брауншвейгскихъ.—Первая встрѣча новой императрицы.

ПОРА вставать, сестрица!

Анна быстро открываетъ глаза.

Что это? Ни солнца, ни сада, ни зеленыхъ стрекозъ и букашекъ, ни бабушки-царицы.

Передъ ней стоитъ какая-то странная женщина-воинъ. Блестящая кирасса охватываетъ ея высокую полную грудь, золотистые кудри окружаютъ прекрасное лицо.

При свѣтѣ ночника Анна съ трудомъ узнаетъ ее. И вдругъ смертельная блѣдность покрываетъ лицо правительницы. Что-то ударяетъ въ голову, что-то отзывается въ сердцѣ нестерпимой, мучительной болью... Все разомъ становится яснымъ какъ день... Она безпомощнымъ взоромъ окидываетъ комнату. Вонъ, въ дверяхъ толпятся солдаты... Обнаженныя шпаги, суровыя лица...

Съ дикимъ воплемъ Анна падаетъ къ ногамъ Елизаветы:

— Пощади моихъ дѣтей, Лиза! Пощади!

И, рыдая, бьется на коврѣ.

Шумъ и вопли разбудили Юліану.

— Анна... Анна! Я съ тобою! Не бойся, я защищу тебя!—и съ громкимъ крикомъ вѣрная фрейлина бросается на помощь своей госпожѣ.

— Не бойтесь! Вамъ и вашимъ дѣтямъ не грозитъ

опасность,—своимъ мелодичнымъ голосомъ произнесла Елизавета.—Будьте только покорны и одѣвайтесь скорѣе... Васъ отвезутъ въ мой дворецъ. Я даю вамъ честное слово, что не желаю ни вашей жизни, ни жизни вашихъ дѣтей... Я являюсь только за императорской короной, которая мнѣ, какъ дочери Петра, принадлежитъ по праву...

И, подойдя къ гренадерамъ, Елизавета даетъ имъ знать, чтобы они вышли изъ комнаты, пока Анна Леопольдовна будетъ одѣваться.

Солдаты скрылись за тяжелою портьерою, но лязгъ ихъ сабель слышенъ хорошо въ спальнѣ.

Дрожащими руками Юліана одѣваетъ свою госпожу. Вотъ онѣ готовы наконецъ обѣ... Снова появляются солдаты... Подходятъ къ колыбели императора. Одинъ изъ нихъ сильной рукою сорвалъ пологъ, наклонился, хочетъ вынуть дитя изъ люльки.

— Не тронь его! Не тронь моего Иванушки!—полнымъ отчаянія крикомъ вырывается изъ груди правительницы.

— Не тронь его! Я возьму бывшаго государя!—послышался звонкій молодой голосъ, и передъ на смерть перепуганной правительницей появился Андрюша Долинскій. Осторожно и бережно протянулъ юноша руки къ люлькѣ и вынулъ изъ нея крошечное существо.

— Я долженъ отнести его государынѣ, но будьте покойны, сыну вашему не причинятъ вреда!—успокоилъ юноша Анну.

— Благодарю васъ!—чуть слышно прошептала бывшая правительница.

Юліана взяла на руки маленькую принцессу Екатерину и, окруженные гренадерами съ саблями на-голо, они прошли черезъ рядъ пустыхъ залъ дворца, прямо на площадь, гдѣ стояли сани.

Уже свѣтало, когда сани цесаревны подъѣхали къ

крыльцу Елизаветинаго дворца. Въ нихъ сидѣла она сама съ крошкой Иваномъ на рукахъ и съ неизмѣннымъ Андрюшей. Въ слѣдующихъ двухъ саняхъ везли принца и принцессу Брауншвейгскихъ, ближайшую ея свиту, вѣрную Юліану и крошечную принцессу Екатерину.

Несмотря на ранній часъ, вѣсть объ удавшемся заговорѣ уже успѣла облетѣть столицу съ быстротою молніи. Улицы кишѣли народомъ. Громкіе, восторженные клики привѣтствовали Елизавету отъ самаго Зимняго дворца. Народъ бѣжалъ за санями своей общей любимицы, народъ устилалъ ей одеждами путь, народъ кричалъ:

— Наконецъ-то дождались мы свѣтлаго праздника! Царица наша желанная! Голубка сизокрылая!.. Радость наша... Царствуй, царствуй надъ нами!

Елизавета кланялась направо и налѣво, улыбалась, протягивала руки и шептала въ отвѣтъ:

— Милые вы мои! Родные мои! Всю душу положу за васъ! Всю душу!

Но вотъ остановились сани. Елизавета лихо и быстро выпрыгнула изъ нихъ, не выпуская изъ рукъ крошки императора, и вошла на крыльцо. На порогѣ ее встрѣтила хорошо знакомая фигура.

— Матушка... родная... дѣточка моя, цесаревна милая! — всхлипывая запричитала Мавра Егоровна и вдругъ осѣклась, вытянулась въ струнку и съ низкимъ пояснымъ поклономъ проговорила:

— Привѣтствую ваше императорское величество на многія, многія лѣта!

Елизавета протянула руку, крѣпко обвила шею своего вѣрнаго друга. Но напряженные нервы не выдержали. Молодая государыня громко зарыдала навзрыдъ.

ГЛАВА VIII.

Государственные плѣнники.—Просьба Андрюши.—Монахъ.

НѢТЪ, тысячу разъ нѣтъ! Я не хотѣла короны, не хотѣла объявлять себя императрицей! Окружающіе вскружили мнѣ голову, убѣдили, что ради благополучія дѣтей и друзей моихъ я должна занять престолъ. И теперь расплата, какая жестокая расплата!

И Анна Леопольдовна горько зарыдала на груди своей неизмѣнной Юліаны.

Брауншвейгское семейство сидѣло подъ крѣпкимъ карауломъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дворца. Въ сосѣдней горницѣ были заперты приверженцы свергнутаго правительства въ лицѣ Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольде, Мегдена и другихъ. А еще дальше, въ крошечной коморкѣ, находился связанный вѣрный слуга правительницы Юрій Долинскій.

Юрій Долинскій зналъ уже, что Анна Леопольдовна удалена отъ власти, и что она, ея мужъ и дѣти арестованы и Елизавета Петровна провозглашена императрицей. Угрызенія совѣсти терзали Долинскаго. Исполнилъ ли онъ свой долгъ? Сдержалъ ли клятву—отдать жизнь за ту, которая спасла его отъ пытки и казни? Не долженъ ли онъ былъ въ моментъ, когда явились заговорщики, забыть о томъ, что онъ отецъ и уложить на мѣстѣ перваго изъ попавшихся ему на встрѣчу, будь это даже его собственный сынъ?.. Но въ то же время

Долинскій сознавалъ, что ничего, ровно ничего не могъ онъ сдѣлать для защиты правительницы и что, нанеси онъ ударъ саблею Андрюшѣ, разсвирѣпѣвшіе гренадеры отомстили бы, пожалуй, его смерть убійствомъ Анны и беззащитнаго крошки-императора. Вѣдь удержать гренадеръ, проникнутыхъ злобою и ненавистью къ брауншвейгцамъ, было бы почти немыслимо. Да при томъ въ душѣ Долинскій преклонялся передъ Елизаветой и считалъ, что для счастья и славы Россіи было-бы лучше, если-бы она, а не разные принцы Антоны, Остерманы, Левенвольде и другіе правили страною. Онъ былъ преданъ Аннѣ Леопольдовнѣ только потому, что она была его спасительницею. Но, какъ и многіе другіе, онъ ненавидѣлъ окружавшихъ правительницу корыстныхъ сановниковъ. И лишь за нее, а не за нихъ онъ готовъ былъ отдать свою жизнь. Онъ останется вѣрнымъ своей клятвѣ и раздѣлитъ ея участь: если она пойдетъ на плаху и онъ потребуетъ смертной казни, если сошлютъ или посадятъ ее въ тюрьму, онъ добровольно послѣдуетъ за нею...

Невеселыя думы наполняли головы и остальныхъ плѣнниковъ. Особенно бывшая правительница горевала и плакала, сѣтуя на судьбу. Но не за себя страдала Анна: участь дѣтей, мужа и друга Юліаны пугала ее. Она то сидѣла молча, скованная тяжелымъ оцѣпенѣніемъ, то снова бросалась на шею подругѣ и рыдая говорила:

— Я знаю Лизу... она добра и сердечна. Она не пожелаетъ нашей казни, но народъ? За былыя униженія его любимой цесаревны не потребуетъ-ли онъ нашей жизни?

— О, если бы мы послушались тогда Левенвольде и приняли мѣры! — прошепталъ принцъ.

— Тише, идутъ! — остановила ихъ Юліана.

— О, это за нами! Вести насъ въ тюрьму, на казнь! — въ отчаяніи вскричала Анна. — Дѣти мои! Бѣд-

ныя дѣти, Иванушка мой! Бѣдный дорогой Иванушка! Не отдамъ, не отдамъ его!

И судорожнымъ движеніемъ Анна прижала къ своей измученной груди ребенка.

Шаги приблизились. Вотъ брякнулъ замокъ открываемой двери и на порогѣ показался Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. Въ рукахъ у него была свернутая въ трубку бумага съ большою печатью, — очевидно, указъ новой императрицы.

Анна Леопольдовна взглянула на свертокъ, поблѣднѣла, затряслась вся и воскликнула дикимъ голосомъ:

— Вы принесли нашъ смертный приговоръ?! Да? Мы должны умереть!.. О, Боже! И неужели сейчасъ!.. сегодня!..

— Успокойтесь, принцесса, — отвѣтилъ Воронцовъ, — государыня императрица Елизавета Петровна милостиво рѣшила забыть всѣ причиненныя ей вами невзгоды и отнюдь не желаетъ ни вашей смерти, ни смерти кого-либо изъ вашихъ близкихъ. Императрицѣ извѣстно, что главные виновники всего — Остерманъ, Минихъ и Левенвольде, ея величество знаетъ, что они побудили васъ незаконно взять въ руки власть, что они внушили вамъ намѣреніе сдѣлаться императрицей всероссійской и что они препятствовали занять престолъ законной наслѣдницѣ Петра. Они будутъ преданы за это суду. А вамъ, принцесса, и вашему семейству ея величество не желаетъ причинять никакихъ огорченій, предаетъ всѣ ваши поступки забвенію, даруетъ вамъ свободу и распорядилась лишь отправить васъ съ мужемъ и дѣтьми за границу, въ ваше отечество. Но, — прибавилъ Воронцовъ, отчеканивая каждое слово, — ея величество велѣла предупредить васъ, принцесса, что если вами или вашими приближенными будутъ сдѣланы какія-либо попытки вновь захватить власть, то, вмѣсто свободы, вамъ и вашему семейству предстоитъ заточеніе въ крѣпости или ссылка въ са-

мыя отдаленныя мѣста Сибири и вы будете разлучены съ вашимъ сыномъ навсегда.

Сказавъ это, Воронцовъ съ поклономъ удалился изъ комнаты.

— Антонъ! Юліана! Иванушка! Мы не умремъ, мы не умремъ, слышите-ли? — вся задыхаясь отъ счастья, вскричала Анна и вслѣдъ затѣмъ вся поблѣднѣла, зашаталась.

Переходъ отъ страха къ радости былъ слишкомъ великъ, и принцесса безъ чувствъ грохнулась на руки подоспѣвшаго мужа.

Въ то время какъ Воронцовъ объявлялъ милостивую вѣсть плѣннымъ новой государыни, ближайшій другъ этой государыни, Мавра Егоровна стояла на заднемъ крыльцѣ передъ большой толпою гренадеръ-преображенцевъ.

— Матушка, вызови ты къ намъ ея величество; на единую минутку повидать намъ ее надоть, — просили солдаты фрейлину.

— Ну, еще что выдумали? Ея величество манифестъ съ Петромъ Ивановичемъ о вступленіи на престолъ составляетъ, а они «вызови»... Ишь вы, быстроглазые!

— Будь милостива, матушка! Не откажи!

— Ладно, не откажу; ждите ужъ, непутевые! — и полная, высокая фигура первой статсъ-дамы государыни скрылась въ сѣняхъ.

Вскорѣ на ея мѣстѣ появилась другая фигура, величественная, царственная, прекрасная, въ андреевской лентѣ. Опираясь на руку юнаго пажа, она быстро приблизилась къ гренадерамъ.

Едва она ступила на крыльцо, какъ раздались громкіе, восторженные крики:

— Да здравствуетъ государыня императрица Елизавета Петровна! Да здравствуетъ матушка-царица! Да здравствуетъ дочь Великаго Петра!

— Что вамъ надобно, дорогіе друзья мои? — прозву-

чалъ нѣжный голосъ недавней опальной царевны, теперь уже всесильной русской государыни, когда восторженные голоса пріутихли.

Какъ одинъ человѣкъ всѣ 300 гренадеръ повалились въ ноги.

— Матушка! Родная! Не оставь! Разрѣши! Лебедь наша бѣлая!

— Что? Что такое? Не пойму васъ, милые!

Тогда поднялся одинъ изъ гренадеръ на ноги и, вытянувшись въ струнку, выступилъ впередъ. Елизавета увидѣла передъ собой черноглазаго богатыря-солдата съ открытымъ, честнымъ лицомъ.

«Гдѣ я встрѣчала этого молодца?» — произнесла она мысленно.—И тотчасъ же вспомнила темную ноябрьскую ночь, безумный бѣгъ, безумное преслѣдованіе, занесенную надъ ея головою саблю, крикъ на смерть испуганнаго пажа и упавшаго къ ея ногамъ гренадера, принявшаго ее за шпіона... Яркой картиной пронеслась передъ ней вся эта недавняя сцена. Елизавета узнала въ черноглазомъ гренадерѣ того, который чуть было не убилъ ее нѣсколько дней назадъ, и ласково положила руку на плечо стоявшаго передъ нею богатыря.

— Говори, голубчикъ, что надо?—произнесла мягко государыня.

— Матушка-царица!—произнесъ взволнованно солдатъ.—Будь милостива... исполни первую нашу просьбу: прими на себя званіе капитана нашей гренадерской роты...

Елизавета задумалась на минуту. Чудесная улыбка скользнула по ея алымъ устамъ. Глаза сдѣлались влажными отъ слезъ.

— Спасибо за честь, братцы! Охотно принимаю вашу просьбу. Отнынѣ объявляю себя капитаномъ лейбъ-компанской гренадерской роты. А вамъ всѣмъ, вѣрные мои гренадеры, за то, что вы помогли мнѣ добыть отцовскій престолъ, дарую дворянское достоинство...

— Ура!—громовымъ раскатомъ раздалось изъ 300 глотокъ. Но все сразу смолкло, когда Елизавета дала знакъ рукою, что еще желаетъ что-то сказать.

— Представляю вамъ перваго поручика новой роты. Прошу любить и жаловать!—произнесла громко императрица, выдвинувъ впередъ Андрюшу.

— Спасибо, матушка! Спасибо, родная, голубушка наша! Слыхали мы про вѣрную его тебѣ службу, и счастливы, что онъ будетъ въ нашей ротѣ,—зашумѣли солдаты, снова повалившись въ ноги государынѣ.

— Доволенъ ты?—обратилась Елизавета къ своему пажу, когда, распростившись съ друзьями-гренадерами, она снова вошла въ горницу.

— Государыня! Свѣтлое солнышко мое! Не по заслугамъ награда!—произнесъ Андрюша, рухнулся на колѣни передъ императрицею и зарыдалъ навзрыдъ.

— Что съ тобою? Что съ тобой, мой мальчикъ?—произнесла Елизавета, не привыкшая видѣть слезы на глазахъ своего любимца.

— Государыня, золотая моя! Царица моя ласковая!—судорожно шепталъ Андрюша,—не надо мнѣ ни чиновъ, ни наградъ... одна просьба только къ тебѣ будетъ... пощади моего отца, государыня!

Елизавета молча взглянула на своего вѣрнаго слугу. Что-то необычайное, непонятное для мальчика сквозило въ ея взорѣ.

— Твой отецъ былъ вѣрнымъ слугою Анны?—спросила она.

— Да, государыня!—отвѣчалъ тихо Андрюша.

— Онъ со шпагой въ рукахъ хотѣлъ защитить свою правительницу?

— Да!—еще тише произнесъ Андрюша, чувствуя, что вина его отца велика.

— Онъ готовъ былъ убить перваго, кто подниметъ руку на тѣхъ, кому онъ поклялся служить вѣрой и правдой?

— Да! — чуть слышно прошепталъ мальчикъ.

— Твой отецъ вѣрный и честный подданный, — задумчиво произнесла Елизавета. — Пойди объяви твоему отцу, что императрица не только жалуетъ ему свободу, но награждаетъ его за вѣрную службу и храбрость чиномъ полковника и призываетъ его служить отнынѣ себѣ. И если онъ присягнетъ такъ-же вѣрно служить мнѣ, какъ служилъ до сихъ поръ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, то его ждутъ еще другія милости.

Съ тихимъ крикомъ восторга Андрюша бросился цѣловать руки своей благодѣтельницы...

. . . . . .

— Богъ и государыня даруютъ тебѣ жизнь, батюшка! Ея величество жалуетъ тебя чиномъ за храбрость и вѣрность! — широко распахнувъ двери коморки и бросаясь въ объятія къ отцу вскричалъ Андрюша, быстро разрѣзывая кинжаломъ связывающія его веревки.

— Дитя мое! Дорогое дитя! И не кто иной, какъ ты явился ко мнѣ вѣстникомъ радости! — произнесъ арестованный, горячо обнимая сына.

Андрюша покрылъ руки отца поцѣлуями.

— Какъ я счастливъ, батюшка! Родной мой! — шепталъ онъ, ласкаясь къ нему. — Теперь мы снова будемъ вмѣстѣ, уже неразлучны съ тобою... Теперь оба отдадимъ себя цѣликомъ на службу милостивой царицѣ. Неправда ли, батюшка?

— Нѣтъ, Андрей, милый сынъ мой, намъ не суждено служить вмѣстѣ, — произнесъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ Долинскій. — Ты служи вѣрой и правдой твоей государынѣ. Отдай всѣ свои силы за нее, отдай твою молодую жизнь, если этого потребуетъ судьба... Не мнѣ учить тебя. Ты — Долинскій, а Долинскіе умѣютъ быть вѣрными слугами отечеству. А... я... я... пойми меня, Андрюша, мальчикъ мой любимый, я не могу служить новой государынѣ, не могу принять ея милостей...

Я далъ торжественную клятву служить государю Іоанну Антоновичу и его государынѣ-матери и долженъ сдержать ее.

— Батюшка!—весь дрожа кинулся къ отцу Андрюша.

— Да, милый! Мы, Долинскіе, не созданы клятвопреступниками, нарушителями присяги... Я знаю свой родъ... Служи же вѣрой и правдой новой царицѣ, мальчикъ, а я... я... если мнѣ не позволятъ слѣдовать за принцессой Анною Леопольдовною, келья монастыря будетъ мнѣ теперь убѣжищемъ... Я постригусь въ монахи и буду молиться за тебя и за покойную Наташу!.. А теперь ступай! Отнеси мой отвѣтъ государынѣ, поблагодари ее за милость, оказанную мнѣ. Мы еще увидимся. Иди-же, мальчикъ!

Андрюша бросился, стоная, къ отцу, обнялъ его ноги, покрылъ поцѣлуями руки и быстро выбѣжалъ изъ комнаты, боясь разрыдаться.

Онъ нашелъ императрицу на балконѣ. Она стояла тамъ, глядя на собравшуюся подъ окнами ея дворца толпу.

Колокола всѣхъ петербургскихъ соборовъ и церквей звонили какъ въ свѣтлый праздникъ. То сзывали народъ присягать новой государынѣ. Улицы кишѣли тѣмъ-же народомъ. Царскій дворецъ былъ окруженъ имъ со всѣхъ сторонъ. Елизавета стояла, кланялась и улыбалась. Утро чуть брезжило первой улыбкой. Ноябрьскія утра темны, но, тѣмъ не менѣе, народныя толпы разглядѣли стоявшую на балконѣ государыню и привѣтствовали ее шумными радостными кликами.

Андрюша приблизился къ ней, тихо взялъ ея руку и молча прижалъ къ губамъ.

— Это ты, господинъ поручикъ?—весело окликнула его Елизавета.—Принесъ вѣсти отъ отца? Да?

— Государыня, — скорбнымъ голосомъ сказалъ

мальчикъ,—прости его... онъ отказывается отъ милостей... Онъ хочетъ идти въ монахи...

— Я такъ и знала! Отецъ такого сына не могъ отвѣтить иначе! — произнесла Елизавета. — Дай Богъ, чтобы и у меня было побольше такихъ слугъ.

И государыня нѣжно обняла склоненную передъ ней черную головку пажа.

— Но мнѣ бы все-таки хотѣлось обрадовать тебя чѣмъ-нибудь, мой милый, дорогой, вѣрный Андрюша! Проси у меня какихъ хочешь милостей, мальчикъ! — произнесла она твердо.

Андрюша задумался на мгновенье. Быстрой зарницей пронеслась его мысль, сердце его забилось сильно-сильно, глаза сдѣлались влажными.

— Государыня-царица! — произнесъ онъ тихо-тихо,— тамъ, далеко, въ камчатскихъ тундрахъ живетъ мой крестненькій... мается въ неволѣ... Верни его, государыня... А въ Пелымѣ черноглазая дѣвочка, дочь Бирона, тоже, поди, невинно страдаетъ въ ссылкѣ... Обоихъ ихъ возврати, солнышко, а Богъ наградитъ тебя!

— Обоихъ верну... Всѣхъ верну, всѣхъ пострадавшихъ, — произнесла императрица, крѣпко сжимая руку своего юнаго пажа, — всѣхъ верну, мой мальчикъ. Даю клятву тебѣ въ этомъ... И тебѣ, великій Боже, даю клятву! — поднимая мягко залучившіеся глаза къ прояснившемуся небу произнесла Елизавета чуть слышно. — Даю еще разъ клятву Тебѣ, Могучій, Милосердный Богъ: не допускать ни казней, ни смертей на плахѣ. Твоя смиренная раба Елизавета торжественно клянется тебѣ въ томъ!

Императрица смолкла... Ясное солнце какъ разъ въ это время прорѣзало морозное ноябрьское небо. Золотые лучи его брызнули и застряли на куполахъ церквей, на бѣломъ снѣгу и на золотыхъ волосахъ красавицы царь-дѣвицы...

Казалось, самъ Господь услышалъ клятву, вырвавшуюся изъ трепетной, благодарной груди. Государыня протянула къ солнцу дрожащія отъ волненія руки. Синіе глаза ея зажглись горячимъ огнемъ.

— Вся для славы Россіи! Вся для могущества милой родины! — прошептали губы царь-дѣвицы, и она окинула любовнымъ взоромъ собравшіяся подъ балкономъ народныя толпы.

КОНЕЦЪ.

РНБ РЖФ
П29 1908
251 т. 48
Фонд № 1-52
прил к № 4